

СИБИРИАДА

НИКОЛАЙ
ЛУГИНОВ

По
ВЕЛЕНИЮ
ЧИНГИСХАНА

Николай Алексеевич Лугинов
По велению Чингисхана.
Том 2. Книга третья
Серия «Сибириада»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69547660

По велению Чингисхана. Книга третья:

ISBN 978-5-4484-8914-3

Аннотация

«По велению Чингисхана» – это исторический эпос о создателе великой монгольской империи. Его образ привлекал многих писателей. В нем видели завоевателя, жестокого покорителя народов, коварного восточного тирана или же мудрого правителя, храброго и непобедимого воина и стратега.

В основу романа Н. Лугинова положены легенды и факты, рассказывающие о возникновении империи Чингисхана, о судьбах ее жителей, многие из которых вошли в историю, память о них жива и по сей день.

Содержание

Книга третья	5
Глава первая	5
Глава вторая	20
Глава третья	49
Глава четвертая	69
Глава пятая	105
Глава шестая	120
Глава седьмая	155
Глава восьмая	171
Глава девятая	194
Глава десятая	223
Конец ознакомительного фрагмента.	235

**Николай
Алексеевич Лугинов
По велению Чингисхана.
Книга третья**

© Лугинов Н.А., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

Книга третья

Глава первая

Легенда о Бодончоре

Миф о примитивном обществе, т. е. в его первичных живых формах, не просто рассказываемая сказка, но проживаемая реальность. Мы находим в нем не только дух изобретения нового, свойственный романам наших дней, но живую реальность, в которую безусловно верят, т. е. верят в то, что она имела место в изначальные времена и продолжала затем оказывать влияние на мир и судьбы людей... Это не те истории, жизнь которых сохранена благодаря суетливому любопытству, изобретательности и правдивости. Напротив, для аборигенов они являются утверждением первичной, более великой и более важной реальности, которая управляет современной жизнью, судьбой и деятельностью человечества, и знание о которой дает людям, с одной стороны, мотивы для ритуальных и моральных актов, а с другой – указания к их исполнению.

Бронислав Малиновский,
«Миф в примитивной психологии»,
об исследовании на Тробрианских островах

Как жизнь превращается в легенду, а легенда – в историю? Этого никто в точности не знает, да, пожалуй, и знать не может.

Дни бесконечной вереницей следуют за днями, один год неуследимо перетекает в другой, и хотя течение времени порой кажется совершенно монотонным в сезонной своей повторяемости, одномерным, но все вокруг постепенно, не торопясь меняется, просто жизнь не сразу выказывает новое в себе.

Каким долгими казались дни в детстве! Как мучительно долго длилась суровая зима, и, казалось, что уж не дождешься благословенной весны. До сих пор не покидают его, уже старого человека, воспоминания о тех страшных испытаниях, что пережил он в год одинокой зимовки на речке Тюнгкэлик...

Но потом, чем старше и умудреннее жизнью становишься, чем больше опыта преткновений о жизненные преграды и невзгоды, тем быстрее мчатся в трудах дни и недели, просто диву даешься. Чем азартнее работаешь, больше собираешь вокруг себя родов и племен, чем шире размах твоих деяний, тем быстрее мчатся месяцы и годы.

И не зря же испокон века мудрейшие из людей – как правило, пожившие – в обиде были на краткость и мимолетность времени, уподобляя жизнь человеческую мгновению, за которое пролетает за окном птичка...

Объединение в один прочно связанный Ил еще совсем

недавно наставлявших, как глупые бараны, друг на друга рога мелких кочевых племен принесло Бодончору такие многосложные, запутанные задачи и осложнения, о которых он раньше и думать не мог.

Подобно древнему великому тюркскому предводителю, оставившему потомкам надпись на памятном камне: «Стремясь объединить тюркский народ, ни днем не сидел, ни ночью не спал, пролил столько черного пота и крови», – он тоже немало лет трудился не покладая рук, чтоб объединить племена близлежащих степей под одним началом. В конце концов, ему удалось уговорить большинство их, объединить на добровольных началах в один Ил.

– Корень всех наших бед в нашей малочисленности и разбросанности по степям, так что объединим силы, сплотимся вокруг одного могущественного Ила, подобно нашим предкам – тюркам, и только тогда враги начнут остерегаться нас, – постоянно твердил Бодончор своим старшим братьям. Борьба всей его жизни наконец увенчалась успехом, цель, для достижения которой он пожертвовал едва ли не всем, достигнута. Казалось бы, живи теперь мирно, отдыхай от трудов, благодари судьбу.

Только у многоликой и непредсказуемой жизни испытания и трудности никогда не кончаются, едва решишь одну задачу, как тут же возникают, к великой досаде, две-три новых. Оказывается, чем сильнее, чем грознее для соседей становишься ты, тем могущественнее враги, тем больше их, ко-

торых ты этим приобретаешь. И если идти наперекор всем, затевать войну с каждым вызвавшимся соперником, то этим кровопролитным сварам не будет конца. Но ведь всему есть свое время – как войнам, так и миру. Для разумного человека предпочтительней мир, и нормальная жизнь возможна лишь тогда, когда вступишь с могущественными своими врагами в благоразумные мирные переговоры, заведешь с ними обоюдовыгодную торговлю, дружеские, добрососедские отношения, а то даже и родственные. Нет, добром можно сделать куда больше нужного, чем любым оружием.

* * *

Если оглянуться назад теперь, когда все уже позади, сколько же бед ему пришлось пережить и сколько других, грозящих, пресечь, сколько сил и здоровья потрачено, чтобы народ свой, родичей сохранить, с наименьшими потерями довести до сегодняшнего дня. Это теперь прошедшее можно вспоминать спокойно, а тогда было немало таких моментов, когда напряжение становилось уже непереносимым, кажется, и через пропасть неминуемой гибели приходилось перебираться по самой тонкой жердочке, убегая, еле-еле избегая ее, конечной беды. И во всем этом явственно чувствовалась невидимая помощь Вышнего Духа, Всемогущего Тэнгри, без нее бы пропали.

Но не дает покоя иная мысль, которая свербит. Почему?

Зачем? Ведь у Всевышнего не мы одни, все мы верующие и неверующие, правые и заблуждающиеся в его длани...

Но почему он из сонма народов выбрал нас? Зачем? Значит, не зря, но для чего? Что за миссию он хочет возложить на нас? И сможем ли мы осуществить и исполнить Его высшую волю?

Первое время после восседания Бодончора на ханский ковер почти каждый год они голодали, считай, кое-как перебивались, жили скудно и неумело, как-то расхлябанно. Он получил в управляющие руки настолько бедные племена, что люди их не способны были думать ни о чем другом, кроме как не перемерзнуть бы лютой зимой, не умереть от голода, а летом – как бы убежать от испепеляющей жары и бескормицы в горы.

А теперь он дал всем родам и племенам сытую, богатую жизнь, одел многих в разноцветные и тонкие, струящиеся шелка, всю Степь от края и до края заполнил стадами и табунами. Как говорится в пословице предков, наделил рабов своих собственными рабами, черные работники – чагары обзавелись своими работниками.

Только мало кто ему за это теперь благодарен. Всем кажется, что это они сами все обрели, достигли своим умом и трудом. Но где же вы, спрашивается, были до этого, почему жили подобно бродячим, вечно голодным собакам, поджав хвосты и тощие животы?..

Да, мало кто понимает, что все это достигнуто ценой

неимоверных усилий их навсегда забывшего о спокойном сне Хана и немногих его ближних сподвижников. Ведь чем дальше развивается, уходит от бывшей нищеты жизнь, чем она благополучнее становится, тем все больше одолевает людей самомнение, недалекое убеждение, будто все это происходит само собой, как воздаяние им за некие их заслуги.

Но что толку огорчаться по поводу того, насколько узок и беден стадный человеческий ум, без конца сетовать на это... Редко кому дается способность проникнуть в первопричины явлений, понять, что, откуда и как начиналось и почему вышло так, а не иначе.

Однако, не лишенный и сам человеческих слабостей, все равно огорчаешься то и дело, начинаешь думать: неужели я столько претерпел, столько выдержал трудов, падая от изнеможения, не знал ни отдыха, ни покоя, терпел порой унижения, света белого не видел – и все ради вот этих самых тупых тварей, не умеющих отличать добро от зла, заслугу от вреда, правду от лжи? Не любящих и не желающих думать? Но потом и раздумаешь: а их ли это дело? Пусть себе живут, плодятся и богатеют под твоей рукой пастуха, под недремлющим приглядом твоего разума... Да ведь и ты – что ты сам без их численной силы, исполнительных рук, расторопных в мелких делах мозгов, без их готовности к подчинению? Нет, каждому – свое...

А можешь ли ты и сегодня со всей уверенностью сказать, что окончательно обеспечил благоденствие своего народа,

устроил для них навсегда крепкую, надежную жизнь? Наверяд ли. И не только из-за опасностей впереди, но и потому, что желания людские и чаянья ни на чем надолго не останавливаются, а все растут, алчут лучшего и большего, жадно завидуя соседу по сурту или государству. И опять вспоминается грустная мудрость поживших, все перевидавших людей: сколько бы ни сделал для человека добра, никогда не дождешься от него вечной благодарности, и человеческую жадность ничем не утолить... Истинный смысл людской неблагодарности Бодончор понял только теперь, почти прожив свой век... Но и это имеет хорошую сторону. Если бы он еще в молодости понял все это, то не стал бы надевать на свою шею столь тяжкое ярмо, оставил бы все как есть и опять пустился с немногими верными в путь, в дальние края, ища места поспокойнее и посытней. Но тогда бы не было и мощного, хорошо обустроенного и богатого Ила...

А ведь даже и старшие братья, которые так просили, умоляли его, столько всевозможных слов говорили, лишь бы убедить его стать Ханом, не скажут теперь слова благодарности.

У человека, не умеющего смотреть далеко вперед и предвосхищать события, не прибавится этого дара и с возрастом, богатством, могуществом, границы ума от этого, увы, не расширяются, а скорее уж наоборот, как это видно по братьям. Они уже и забыли, благодаря чьим усилиям, чьей организующей воле появилось у рода их и у них самих все это богат-

ство. Вместо понимания от них можно ожидать лишь претензии, что их заслуги не оценены по достоинству, что не возданы им должные почести, не оплачено сполна их радение...

Ну а в великом стаде как во всяком множестве есть все: и неприятие, и понимание. Но даже там, в среде не больно-то думающих, лучше его придворной челяди понимают, что жизнь под крылом большого, крепкого Ила намного надежнее и благополучней, чем в эгоистическом раздроблении.

* * *

Если долго сидишь на месте вождя, владыки, то жизнь все больше начинает напоминать панораму Степи с высокой вершины каменной горы. Как-то предугадываешь, кто куда сейчас двинется, как поступит, и даже о чем помышляет. Из-за этой благоприобретенной дальнорзости начинает мнить-ся уже, что можешь увидеть, предугадать будущее на глазок, без старого, хорошо опробованного набора способов разведки и осмысления сложившейся ситуации, основываясь лишь на витающих вокруг тебя разных придворных слухах и предположениях, доверяя с излишком мнению засидевшихся тоже рядом с тобой мудрецов. Дальнордость оборачивается тем, что начинаешь хуже видеть вблизи, вокруг себя, и оттого тут незаметно пристраиваются всякие, которых ты вчера

еще и видеть не хотел... Еще одна незамечаемая напасть – стараться делать все самому. Кажется, что без тебя уже ничего не получится, никто ни с каким делом не управится. Да и люди твои начинают думать так же, привыкают не брать на себя ответственность... Увериться и в этом тоже – вот начало беды.

Такой вождь долго на ханском ковре не просидит. А если и усидит, то принесет своему народу много разочарований и бедствий.

Чтобы не случилось этого, нужно не стремиться руководить всем лично, а отбирать и приближать к себе лучших из твоих людей, умеющих думать о будущем и отыскивать пути к нему. И дать им время и средства, чтобы раскрыть свои возможности, а потом в полной мере использовать их выдающиеся способности, таланты. Только имея под рукой таких верных и умных сподвижников, сможешь управлять всем громоздким обозом Ила, предвидеть события и принимать своевременно меры, чтобы не оплошать перед будущим, не упустишь из виду реальных угроз и выигрышных ситуаций.

К долговременному и прочному бытию народа никогда не дойдешь легкими путями, таковых попросту нет. Такие устойчивые сооружения строятся только в результате многолетних и тяжелых, на грани возможности, усилий. И ты обязан своих людей, способных мыслить широко и далеко, держать в стороне от тех джасабылов, кто способен проворно

решать мелкие, сиюминутные жизненные задачи, скорых на подъем и соображение. Ибо они никогда не совпадают ни по образу мышления, ни по характеру, начинают лезть в дела друг друга, оспаривать первенство, враждовать. А дела-то их, по сути, несопоставимы и находятся на разных уровнях государственной работы. Те, кто работает на будущее, всегда медлительны и неповоротливы в повседневных мелких проблемах, которые играючи решают джасабылы, и потому остаются в проигрыше. Их предназначение – выполнение сложных, далеко идущих по своим целям поручений, задач, порой не имеющих однозначного решения, достигаемых поступенчато, исподволь.

Если сможешь найти взаимопонимание и установить правильные отношения с такими людьми, то они ни перед чем не останутся ради достижения поставленных тобой перед ними целей, пойдут на любые испытания, ибо они уже считают эти цели и своими тоже. Но ты должен никогда, ни на птичий шажок не нарушать границы и значение личности и должности каждого из них. Даже во гневе, в великом недовольстве не должен принижать их до уровня какого-нибудь мелкого слуги, они к этому очень чувствительны и могут из верных союзников превратиться в тайных врагов. Надо всегда помнить и соблюдать иерархию, никого излишне не возносить перед другими за случайное достижение и не унижать за столь же случайный промах. Трудно, конечно, с должной точностью придерживаться этой заповеди, и сама

по себе наисложнейшая задача – верно определить возможности человека. Не существует в мире одного такого мерила, для каждого нужно свое. Особенно важно это при очередном присвоении чинов и назначении на должности; тут уж, стараясь быть крайне осторожным, стремишься решать все лично. И порой приходится все это делать, решать срочно, чтобы не упустить время – в тех же сражениях, например, в горячке боя, назначая вместо убитого темника другого. А сколько порой зависит от одного лишь тумена...

И какими бы мучительными ни были иной раз такие раздумья, но вопросы, от которых зависит прочность и устойчивость Ила, должны решаться так скрупулезно, чтобы не было допущено никаких ошибок. Ибо слишком дорого они стоят.

Все четверо старших братьев Бодончора хоть и прожили до преклонных лет, но ума большого так и не нажили, мудрости себе не прибавили – изрядно, впрочем, прибавив в весе, в обширности чрева. Двое старших в молодости имели иссиня-черные волосы, а двое других были такими же светловолосыми, как и Бодончор. Но потом, когда все они поседели, стали даже и по внешности совершенно одинаковыми и заходили к нему гуськом, одинаково переваливаясь с боку на бок, как откормленные селезни.

Но никогда, даже в мелочах, они не были согласны друг с другом, постоянно спорили. И Бодончор совершенно не может понять, зачем им нужно так упорно отстаивать свое личное, но мало чем отличающееся от других мнение, как буд-

то это имеет хоть какое-то значение. Может, так выражается их застарелая внутренняя неудовлетворенность из-за того, что им пришлось в крайне трудное время поставить над собой самого младшего? Теперь-то, на всем готовом, каждый из них рад бы взгромоздиться на ханский ковер... Но можно было не опасаться их заговора против него. Даже двое из них не могли бы прийти хоть к какому-то согласию, не то что все четверо. Да это и к лучшему для них же самих. Хотя кто знает, кто может заглянуть поглубже даже и в эти маленькие, заплывшие жиром мозги?..

Любой разумный владыка, сделавший многое для своего народа, хочет услышать в свое время правильное, непредвзятое толкование своих деяний, ждет мудрой и взвешенной оценки их. Но такие трезвые голоса немногих, если они даже и есть, безнадежно тонут в громком гуле пустых словословий, лживых восторгов придворных льстецов и подпевал. Куда ни повернись, ни шагни – везде они подкатятся к тебе с заранее заготовленными угодливыми речениями, обволакивающей лестью, переживаниями. Со временем все чаще замечаешь, что те, кто когда-то действительно были твоей опорой, надежными соратниками, немало сделавшими для общего нынешнего благополучия, постепенно превращаются в вязкое окружение, отгораживающее тебя от твоего народа и отрезающее народ от тебя. И потому никого почти не видишь, кроме них, и никого, кроме них, не слышишь. Под видом заботы о твоей безопасности, твоём ханском величии

и шагу не дадут ступить без охраны и без их назойливого сопровождения, отслеживая до малейшего жеста все твои поступки, ловя на лету каждое слово, проникая в твои намерения. Вот и получается, что, по сути, лишаешься права свободного передвижения, попадаешь в своеобразную, сопровождающую тебя повсюду, тюрьму...

Охраняя твой покой якобы для высших государственных раздумий, для решения судьбоносных задач, они решают за тебя, с кем тебе встречаться и беседовать, а кого не допускать, они даже определяют тему разговора, разрешая просителю говорить одно и запрещая другое, особенно же не любя независимых, смелых и думающих. И в результате ничего, кроме того, что хотят преподнести они, ты не знаешь и не слышишь; и если бы ты даже и захотел думать по-другому, то как разглядишь то, что тебе не дали увидеть, и угадать то, что не дали услышать, понять? Тем самым ты, не замечая того за собой, позволяешь им как угодно управлять твоими мыслями, выполняешь их волю, идешь у них на поводу, как взнузданный конь...

И сколько уже владык из века в век попадало в такую ситуацию, в придворное непробиваемое окружение, как в тюрьму, ими же самими для себя созданную... Но разве что единицы из них, подобно Бодончору, сумели вовремя понять это и вырвались из страшного, губительного для государственного дела кольца, разорвали его. Да и впредь, похоже, большинству властителей в мире не избежать этого превра-

щения в домашних, дворцовых узников, игрушку своих приближенных, каковой те будут вертеть как им угодно.

И тяжело думать, что судьба целых народов зависит чаще всего от доброго ли, дурного ли нрава и ума единственного человека, ставшего правителем... Можно ли при этом ожидать, что когда-нибудь наступят добрые для всех времена? Нет, конечно. Видно, так задумано все это Великим Тэнгри, и с ним не поспоришь. Можно только кое-где, в отдельных владениях смягчить это разумным управлением, не более того.

Что и говорить, много огорчительного в жизни на этой срединной земле. Есть только одна бессловесная наука для всех до одного глупых народов – страдания, да и их действие недлительное, иначе бы не повторялись бессчетно. Мало чему учится человек, причем доброму не чаще, чем злему. Видя то, обо что спотыкался семяжды семь раз, все равно пытается бездумно, наудачу перешагнуть... Видимо, короткая память людей – проклятие Демона дурной стороны неба. Нечего и спрашивать, будет ли все это вечно повторяться, наслаиваясь и умножая зло, в несчастное наследство переходя от поколения к поколению, из рода в род...

– И разве может быть о моей жизни, о моих блужданиях, поисках и обретениях, мои мысли, к которым пришел ценною огромных страданий и усилий, превратиться в правдивое предание и сохраниться во благо наследующих нам, послужить добрым примером какому-нибудь далекому потом-

ку, мудрому вождю... кто знает?.. Кто знает...

Так, говорят, стал в конце своей земной беспокойной жизни великий и мудрый Бодончор.

Глава вторая

Межвременье, или В преддверии нового года

Из главы «Забота о Государстве»:

1. *Сунь-цзы* сказал: Причин, по которым начинается война, пять. Первая – борьба из-за честолюбия, вторая – борьба из-за выгод, третья – накопление вражды, четвертая – внутренние беспорядки, пятая – голод.

2. Названий войны также пять. Первое – война справедливая, второе – война захватническая, третье – война личная, четвертое – война насилия, пятое – война против самих себя.

3. Когда пресекают насилия и спасают свою страну от беспорядков – это война справедливая. Когда нападают, полагаясь на многочисленность своей армии, – это война захватническая. Когда поднимают войско из-за своего гнева – это война личная. Когда отбрасывают всякую законность и гонятся за одной выгодой – это война насилия. Когда поднимают всю страну и двигают многочисленную армию, в то время как в стране беспорядки и люди изнемогают, – это война против самих себя.

4. Для прекращения каждой из этих пяти войн имеются свои пути. Справедливая война непременно прекращается смирением; личная война непременно предупреждается искусной речью; война насилия

непрерывно преодолевается обманом; война против самих себя непрерывно преодолевается искусной тактикой».

Сунь-цзы, «Трактат о военном искусстве» (IV в. до н. э.)

из книги Н.И. Конрада «Избранные труды» (XXв.)

Год Белого Мерина, а если быть точным, то год 1210-й от Рождества Христова, промелькнул быстроногим скакуном в бесконечных тревогах и хлопотах.

Как всегда в канун нового года – года хой, или иначе, года овцы, – Чингисхан собрал в Ставке старейшин и военачальников на совет. Но разве могли они сами выбирать и решать, что им делать в предстоящем году? Верховный властелин хоть и находился до сих пор в неподвижности, но глаза его цепко следили за всеми и каждым, заставляя смелых робеть, а горделивых вытягиваться в струнку. Сама судьба на этот раз срывала с их языков хвалу небесам, которые давали Великому Хану силы после его тяжелого недуга, и самому вождю, при котором только можно было жить так свободно и счастливо под этими небесами.

Приближенным Хана действительно было грех жаловаться на жизнь. С той поры как нашли управу на давних, но излишне возомнивших о своем значении, союзников тангутов, Степь вновь была под контролем. Шли новые подати. Из глубин Алтанского улуса дни и ночи напролет тянулись к окраинам пустыни Северного Хобо (Гоби) караваны вер-

блюдов и лошадей, навьюченные провизией и товаром.

При этом у собравшихся в Ставке на совет воителей и мудрецов не было прежней уверенности, когда они вмешивались в малейшие волнения в Степи, зная, что, не прилагая сил, одним туменом могут, что называется, нащелкать по носу любому «расшалившемуся» народу. Теперь особенно настороженно приходилось оглядываться на чжурчженев, которые могли собрать и обеспечить довольствием войско несметное: они имели множество родственных племен и народов. Поэтому во всех отдаленных районах монголы проводили массовую мобилизацию.

* * *

Обездвиженный Чингисхан все видел и примечал: истинное обожание в глазах одних и корыстную лесть в устах других, пустомельство третьих и молчаливое многоречие четвертых. Но более всего его волновало то, что чжурчженев на протяжении Великой стены, тянущейся вдоль окраин пустыни Хобо, сосредоточили крупные военные силы, навезли провизии.

Теперь они могли напасть на монголов одновременно с разных сторон совершенно самостоятельными частями. Тогда, без того малочисленному монгольскому войску придется раздробиться на десятки фронтов, превратившись в крупинки военных формирований, которые чжурчженев в каж-

дом отдельном случае легко подавят численным превосходством.

Чингисхан еще не заговорил, когда стал услышан. Тойоны в раз словно проглотили свои восхваления и перешли к делу. Было ясно, что выжидательная позиция для монголов проигрышна во всех отношениях. Требовалось опередить события, ударить первыми, как делали они практически всегда. Но разница заключалась в том, что крупные войска найманов или тангутов превышали численностью в два, в три раза, а на этот раз предстояло сразиться с противником, в десятки раз превосходящим числом! Но когда народу, имеющему характер, грозит истребление, то путь остается один: смерть или победа.

Промедление было хуже смерти, ибо тогда их ждало еще и бесславие. Алтан-Хан найдет общий язык с кара-китаями и Мухаммет-Султаном, что нападут с запада. Объединенное войско покроет Степь, как песок в суховея. Монголы должны были напасть первыми, пустив впереди себя слух, будто Мухаммет-Султан хочет подмять под себя Алтан-Хана, а вместе они считают себя выше кара-китаев, которым, в свою очередь, и знаться-то с первыми зазорно.

Чингисхан также понял, что ему не избежать встречи с Алтан-Ханом, которой до сей поры удавалось избежать. Наступал решительный момент, когда Степь должна была потягаться силами со всем иным миром.

Вот уже более десяти лет великий тойон Джэлмэ, отвечавший за отношения с внешними странами, вел тайную слежку за Алтанским улусом.

За это время монгольские лазутчики пустили глубокие корни в китайскую землю: они сумели распространиться повсюду и проникнуть в самые разные слои населения, а также в средние звенья руководства.

Большинство из них – торговцы или люди, близкие к торговым кругам, вхожие в знатные семьи, умеющие провернуть разные сделки на всех уровнях.

В любой стране, даже при жестоком деспотическом режиме, торговец всегда пользуется определенными льготами, ему предоставлено больше свободы, чем другим, к нему бережнее относятся власти. С торговцами нельзя поступать вероломно, ибо они люди, широко известные в народе: все, что с ними происходит, быстро становится достоянием общности, но главное – может отразиться на обороте денежных потоков. А какому правителю хочется остаться с пустой казной и тощим карманом?

Купец разъезжал повсюду, его караваны добивались до самых отдаленных уголков, следовательно, многое в мире знал и видел. Он был не только торговцем, но и вестником, носителем всего нового, законодателем моды. Поэтому прибы-

тие купца для любого стана, улуса или городища становилось событием, собирало множество народа со всей округи, перерастало в празднество.

Чжурчжены от роду были людьми прямыми, бесхитростными. Им самим бы и в голову не пришло извлечь из разъезжающих по их земле купцов какую-нибудь иную выгоду, кроме купли и продажи товаров. Но китайские мудрецы надоумили простодушных властителей работающего и воинственного народа, чтобы те приблизили к себе крупных купцов, превратив их в осведомителей.

Встревоженные и напуганные подобными предложениями, купцы сразу же послали людей к Джэлмэ. Мудрый Джэлмэ после недолгих раздумий пришел к простому решению: он разрешил всем купцам дать согласие чжурчженам работать на них. Но как работать – другое дело.

После этого купцы из монголов или примкнувшим к ним народам стали своими людьми в землях чжурчженов, перед ними открылись все дороги, упростились формальности. Им даже разрешили торговать за Великой стеной, углубляться в пределы Китая. Многие военачальники и даже правители округов постепенно оказались их приятелями.

* * *

Купец Игидей, некогда росший вместе с Тэмучином, совершенно обжился среди найманов. Торговал он в основном

скотом. Это было хлопотное дело, требующее больших разъездов. Перегнать стада баранов, табуны лошадей или караваны верблюдов, чтобы те не потеряли в численности, а по пути нагуляли вес, что называется, не мед хлебать. Нужен постоянный надзор и еще раз надзор не только за животными, но и за целым сюзем пастухов, надсмотрщиков, лекарей, торговцев и прочего работного люда.

Игидей всегда завидовал Сархаю, продающему оружие, или Махмуду, торгующему китайским шелком. Им был не страшен мор животных или падеж. Они могли остановиться, отложить дела в распутицу или иное межвременье, переждать, отдохнуть. А скот и на день не оставишь без присмотра, не запрешь на замок. Ему нужен корм с утра до вечера, а для этого требуются все новые и новые пастбища, вечные сборы, короткие стоянки и нескончаемый путь.

Слава Всевышнему Тэнгри: как только найманы примкнули к монголам, можно было не бояться воров или вождей мелких племен, так любивших прежде промышлять разбоем на дороге. Уводили целые стада! Специально для охраны купцу приходилось содержать вооруженных и обученных воинов.

Раньше у найманов воровство было делом обычным: отобьется от стада животное – не стоит даже искать! Кто первым увидел, тот себе и присваивал, будь это овца или верблюд. И каждый военачальник или вождь в пути обкладывал данью, какой ему вздумается. А если кто-то осмеливался им проти-

воречить, противостоять, такого смельчака могли пустить по миру, отобрав все. Или просто убить вместе со всеми сопровождающими людьми.

Теперь же все изменилось. Купцы старались вести караваны по тем путям, где располагались части монгольского войска. Здесь, во всех округах, царили порядок и железная дисциплина. Еще бы: по законам Великой Ясы воровство и разбой карались нещадно – так что человек с отрубленной по локоть рукой или переломанным хребтом не вызывал в Степи никакого сочувствия. Все знали цену его увечья.

Торговля стала процветать. Купцы платили разумную дань и водили караваны в полной уверенности, что не потеряют и малой толики своего имущества, если, конечно, не прогневят Господа и тот не найдет на них силы небесные.

Монгольские тойоны-юрджи были не только заложниками порядка. В пору, когда добыча от охоты становилось скудной, они покупали немало скота, причем расплачивались сразу же: так у них было заведено.

Прослышав, что постаревший, подуставший от бесконечных разъездов и начавший прибалывать Игидей надумал отойти от дел, Хан пригласил его к себе.

Игидею доводилось бывать в ставках великих Ханов и во дворцах императоров. И везде его поражали благолепие и роскошь царских покоев, среди которых мал казался он себе и ничтожен со всем его накопленным за жизнь добром. Песчинка в пустыне. И также всякий раз Игидея изумлял

непритязательностью сурт владыки Степи, повелителя народов от океана до океана, Чингисхана. И, как ни странно, скромность утвари и строгость убранств Далай-Хана заставляла трепетать больше, нежели любое богатство.

На этот раз Хан пригласил друга к себе в небольшой походный полотняный сурт.

Поинтересовавшись по обычаю житьем-бытьем, Хан изучающе оглядел круглое одутловатое лицо друга детства, его расплывшееся, дряблое тело. Как человек, осведомленный о его намерении отойти от дел по причине болезни, спросил прямо:

– Что, Игидей, решил осесть? Не рановато ли опускать руки?

– А что делать? Мочи нет! Дальние дороги уже не по силам стали, ослаб, одряхлел, понял, что пришла пора...

– А чем займешься?

– Если выделите землицы, вернулся бы на родину, на берега родимой Селенги, где прошло детство, держал бы кое-какой скот по силам, не замахиываясь на большое дело. Пожил бы свободно, сколько еще отпустит Бог...

– Как хорошо! – вырвалось у Хана.

Игидею показалось, что в облике этого великого человека на какое-то мгновение проглянул образ того впечатлительного мальчика, которого когда-то знал он: далекие, тоскующие огоньки пастушьих костров вспыхнули в его глазах.

– Бывает, что и мне кажется, будто и я рано или поздно

вернусь к такой вольной жизни... Видимо, это зов крови.

– Странно из ваших уст слышать о вольной жизни. Ты Далай-Хан, и нет в мире человека, который был бы более волен, нежели ты.

– Властелин никогда не принадлежит себе, иначе он перестает быть властелином.

– Так, может, вместе все бросим: я свой караван и торговлю, а вы – всю созданную великую империю, и отправимся в пастухи?! – со смехом воскликнул Игидей.

– Как было бы хорошо! – неожиданно по-молодецки потянулся, раскинув руки, Великий Хан. – Выйти ранним утром в Степь, наполненную гомоном ранних птиц и тварей всяких, напоенную прозрачным свежайшим воздухом... хотя бы несколько дней пожить так, никуда не спеша, ни о чем не задумываясь... свободно...

– И это говорит повелитель вселенной, одного движения руки которого достаточно, чтобы одни народы были стерты с лица земли, а другие возвели новый Ил! Никогда бы не поверил, если бы не слышал своими ушами!

– А ты сможешь подыскать того, кто займет мое место? – то ли в шутку, то ли всерьез спросил Хан.

Игидей почувствовал, как заглодало в коленках.

– Что вы?! Это совсем другое дело... От того, что один купец решил отойти от дел, сойти с дороги, поступь жизни нисколько не замедлит ход, ни на секунду не остановится. Его нишу тут же освоят и займут другие. А если Далай-Хан

сойдет с большого, проторенного им пути, Степь вновь захлебнется в крови.

– Да будет тебе приbedняться, – улыbнулся Хан. – Может, купец на твое место и найдетсЯ, но таких осведомителей, как ты, умеющих не только выявить слабые или сильные стороны противника, но и вовлечь его в путаницу по нашему плану, надо поискать! Тут я многое теряю.

Чингисхан замолчал. Задумался, словно и забыл о присутствии Игидея.

Купцу и самому показалось, будто его нет и никогда не было. А кто он такой, в самом деле: заурядный человек, который всю жизнь пекся об одном себе, заботился лишь о собственном благе.

Еще подростком оторвался он от родной земли, прибилсЯ к чужому племени найманов, вырос, возмужал в постоянной борьбе за существование. И хорошее, и худое в торговом деле в основном зависит от тебя самого. Купцу нужно уметь видеть людей насквозь, подмечать изменения в их умонастроениях, предвидеть желания, и все это во имя того, чтобы быстрее других понять, где и на что возникнет спрос, кому и чего в ближайшем будущем будет не хватать. А потом суметь расторопнее иных и первым завезти все это населению, алчущему приобрести твой товар. Только тогда купец в выигрыше, когда он очень много думает о других, но ради своей выгоды, своего барыша!

Игидей застыдился, что в такое тяжелое время обременя-

ет Великого Хана своими ничтожными хлопотами, да еще и цену себе набивает, зачесал затылок, опустил глаза. И уж, было, хотел пойти на попятную, отказаться от просьб, от всех сладких мыслей о спокойной оседлой старости. Чингисхан вздрогнул, словно стряхивая с себя какой-то груз, даже виновато как-то, от души, сказал:

– Ну, ладно, хорошо. Разве могу я отказать, когда просит старый друг.

Господи! Как затомилось сердце Игидея! Как захотелось до неистовства, будто в юности, забыть обо всем личном и только служить, со рвением служить Великому Хану!

– Выделю тебе земли в родной твоей Селенгинской стороне, как ты и просишь. – Хан говорил, будто это он сам собирался на Селенгу. – Перекочуете туда со стариком Соргон-Сура. Старик, как и ты, пришел ко мне и тоже выпросил наделы в тех краях.

Игидей вышел из сурта Хана, не чуя ног от радости. Только потом до него дошло, что Хан так и не сказал, зачем вызывал. Ему стало неловко. Наверняка Хан хотел поручить ему что-то, попросить о чем-то, но так и не смог сказать, промолчал, потому что Игидей с самого начала повернул разговор в другое русло.

А о чем же мог Хан попросить его, что хотел поручить? Денег? Не может быть.

Черт дернул его перебить Хана.

Вот с такими беспокойными мыслями Игидей тронулся в

сторону Селенги – выбрать себе земельный надел.

Поселился по соседству со стариком Соргон-Сура. Оказалось, старик хорошо знал отца Игидея – Оргой-тойона, воевавшего с чжурчженами во времена Джесегей-батыра. А когда стали разбираться, и вовсе вышли родичами, чему Соргон-Сура несказанно обрадовался.

А Игидей рано, еще в детстве, покинувший родину, просто души не чаял в старике: тот был первым на его жизненном пути человеком, близко знавшим, хорошо помнившим отца!

– Тогда мы все: я, Джесегей и твой отец – были подростками примерно одного возраста, – начал свой рассказ Соргон-Сура, поглаживая лысую голову. – Или им на роду так было написано, или Высокие Божества так хотели, но они еще тогда все бредили битвами, рвались в бой. А я же, наоборот, очень боялся этого. Тянулся к простой, черной работе. Не знаю, чья жизнь была краше или правильнее, но теперь и косточки их, наверное, уже сгнили, а я вот дожил до восьмидесяти. Хоть и одряхлел, а все же вон, ковыляю, копчу небо, хотя не знаю, зачем.

Старик тяжело вздохнул, глаза его наполнились слезами. Он вспоминал о своем сыне Чимбае, в юности добившемся чина мегеней-тойона и погибшего, как и многие доблестные воины, в самом зените славы.

– И два моих сына с самого детства росли совершенно разными. Старший, Чилайин, пошел по моим стопам, так же

предпочитал возиться со скотом, лошадьми, а младшенький, Чимбай, как только появилось разуменье, стал стремиться сначала на охоту, после на войну. Так распорядилась судьба. Старший – жив, дал потомство. А вот жизнь моего любимого младшенького сынка оказалась очень короткой...

– Война – занятие жестокое.

– Так-то оно так, но человек, для которого война – дело жизни, работа, не только не страшится, не боится этого, но даже скучает без войны, не может без нее. Как я старался приучить своего Чимбая к спокойной человеческой жизни, к работе, к скоту! Смотришь: вроде и работает наравне с братом, ни в чем не отстает, а такая тоска в глазах! Не человек рядом, а одно обличье. Человек с жадной подвига в крови в мирной жизни хиреет. А только забил накар, загудели трубы войны, Чимбай – как переродился! В глазах – огонь, в каждом движении – сила! Такой человек не может усидеть на одном месте, постоянно рвется в дорогу. Все лишения походной жизни, все тяготы дорог ему нипочем. Разве можно удерживать такого человека? Вздохнешь невесело, да и отпускаешь сына, пусть живет, думаешь, как ему хочется, как душе его угодно, хотя идет на смерть.

– Судьбу не переменишь.

– Это так. Но и мысль не запрешь. До чего только ни додумаешься: если б я так сделал, а что, если б так поступил. Все время мучаешься, что мог еще что-то предпринять, что-то изменить... – Старик помолчал какое-то время, потом про-

должил: – Раньше все боялся, что умру рано, не успею детей на ноги поднять, оставлю их одних, и будут они плутать в жизни, мучиться, терпеть обиды от людей и лишения, всего остерегался. А что получилось? Всю жизнь кланялся этому несносному Кирилтяю, готовил кумыс ему. Но этим детей своих не осчастливил больше других... Младший только начал подниматься, смерть вырвала его из рук, муж дочери моей, Хадан, погиб на войне, осталась она вдовой...

– Как знать, если бы не воевали твой младший и твой зять, может, ни старшего бы, ни его потомства не было сейчас, а были они убиты или порабощены врагами.

– Чилайин мой предпочел жизнь бирюка, все по пустым степям скитается... Сколько тебе лет было, когда погиб отец?

– Семи еще не было.

– Вот так. А ты помнишь его хоть немного?

– Смутно.

– Конечно, что может запомнить семилетний малец? Хм, но все равно ты, гольная сирота, стал человеком! Не каждому под силу стать известным купцом среди такого развитого, грамотного и сильного племени, как найманы. Правду говорят, что ты аж до Китая приходишь, там тоже торговлю держишь?

– Правда.

– А чего же не хватает богатым китайцам, у них небось все есть, чем же можно торговать там?

– Нужды людей везде одинаковы. Везде требуются орудия труда, домашние вещи, еда, одежда. В основном они выращивают зелень, зерновые, а скота у них мало, так как не хватает пастбищ. Поэтому я пригонял им лошадей для езды, рогатый скот на мясо. Оттуда же вывозил муку, ткани разные.

– Сколь нужно труда затратить, – закачал старик головой. – Сколько дорог пройти! Не всякому по плечу! И как так получается? Вот ты встал прочно на ноги, оставшись без отца, оказавшись на чужбине. Теперь возьми Тэмучина. После смерти отца остался девятилетним мальчонкой, а каков человечисе получился! Величайший из Ханов! Поневоле задумаешься: чего я добился, проосторожничив всю свою жизнь, протрудившись в поте лица? Может, и мне надо было пасть на войне, и без меня, горяча свою кровь моими подвигами и желанием отомстить за отца, дети мои стали бы людьми не хуже меня, а лучше, и большего бы добились?!

– Ну, что ты, Соргон-Сура! Во имя чего было бы воевать, или, к примеру, чем бы я мог торговать, если бы кто-то не пас, не выращивал скот, а ты не делал кумыс? – Игидей постарался взять веселый тон, отвлекая старика от горестных мыслей.

– Хе, таких, как я, пруд пруди. Не было бы меня, были бы другие. Никто обо мне не вспомнит и не расскажет. Жизнь-то прошла как бы стороной, будто облако, не давшее дождя. Такое творилось, вечно воюющие народы в Степи встали в единый строй, а я ни на пядь не отходил от чанов с кумысом.

Прожил свою жизнь подобно самому последнему из рабов. Жил ли я? Может, это мне только приснилось?

Стенания старика какой-то смутной тревогой отозвались в сердце Игидея. А жил ли он? Чем его вспомнят люди? И правильно ли вздумал осесть, выбраться из стремнины жизни и прибиться к тихому берегу?

– Так или иначе, уважаемый Соргон-Сура, это не ты, а я пришел к тебе, оставив былые пути-дороги. Это я слушаю тебя и ищу утешенье. Это я вернулся и прибился к тебе, пытаюсь обрести ту жизнь, которой прожил ты. Такая жизнь мне увиделась основой.

Игидей, преодолевая сомнения, принялся целенаправленно, как все, что он делал, обустроить свое жилье. А задумал бывший купец заняться выращиванием лучших беговых скакунов! И еще он решил разводить верблюдов, все еще редких в этих краях, но столь удобных для перевозки груза на дальние расстояния.

И скоро, словно предвестье новой молодой жизни, Селенгинская сторона огласилась нетерпеливым ржанием породистых степных жеребцов и молодых кобыл, а через два-три года здесь уже паслось множество табунов.

Первое время Игидей, забыв обо всем, с головой окунулся в претворение мечты всей своей жизни. С такой увлеченностью, казалось, он не работал даже в юности.

Но минул еще год, прошла весна, лето, осень, опять наступила тягучая зима, клубясь снегами. Тоска, белая, как все

вокруг, стала одолевать долгими зимними вечерами. Обнаружилась накопившаяся за многие годы усталость. Ее так же, как и жажду, можно было утолить несколькими большими жадными глотками: водами привычной жизни, среды. До смертного ужаса тянуло, обуревало желание отправиться в долгий путь, видеть новые и новые страны, идти и идти, выплетая под небом земные узоры. Монотонность бытия, повторяющиеся изо дня в день заботы приедались, как еда без питья, все больше и больше докучая скукой.

Игидей, сколь себя помнил, вечно тосковал по родине. И вот он развернул свою жизнь, оставил то, что в глубине души всегда считал ущербным, вымороченным людской прихотью делом, вернулся на родину, к первоначальному своему земному предназначению, к исконному бытию, и что же?! Отсюда, с кромки необъятного земного крыла, которое обошел он, водя торговые караваны, купеческое занятие выглядело очень даже привлекательным, крупным и важным делом для целых народов. А разве он не помогал людям, удовлетворяя их желания? Восполняя недостаток того, чего им не хватало? Причем товары, которые Игидей привозил из одной стороны в другую, были, как стало видеться теперь, не самым главным из того, что людям требовалось. Сейчас он хорошо понял, почему навстречу каравану дети бежали вприпрыжку, а у ветхих стариков юношеским светом загорались глаза. С караваном прибывала частица иной жизни, иного духа. Смыкались пространства.

Человеку трудно жить, когда граница зрения очерчивается линией горизонта, а душа не ведает пределов. Лишь один человек из всех встреченных Игидеем на жизненном пути, кажется, умел видеть то, что обозримо небесами. Как посмел он, простой смертный, на долю которого выпало счастье стать другом этого великана, уйти, уехать, так и не узнав, чего от него хотел сам Чингисхан, повелитель вселенной?!

О чем мог попросить Хан купца?

Игидей не обольщался насчет себя, знал, что относился к мелким, ниже среднего достатка торговцам. Масштабы купца определяются размерами торгового оборота, расстояниями, на которые простираются его интересы, количеством знатных и рядовых покупателей, привлеченных им.

Скажем, в обороте таких купцов, как Махмуд и Сархай, охватывающих своими торговыми сетями одновременно несколько стран, находятся огромные средства. Куда бы те ни прибыли, их встречают верховные вожди. Помогают тягловой и рабочей силой, стараясь угодить, а порой и заискивая перед ними. За честь почитают водить дружбу с такими купцами, хорошо понимая, что значит их слово в других странах. Махмуд и Сархай, благодаря богатству и обширным связям, стали влиятельными особами, власть которых распространяется даже на иных Великих Ханов. И самые передовые, образованные люди, поэты, звездочеты, ученые также стремятся пообщаться с этими купцами, устраивают встречи с ними и сочиняют в их честь оды.

А кто такой он, Игидей? Торгуя одним лишь скотом, сильно не разбогатеешь.

Игидей думал так по дороге к ближайшему соседу – Соргон-Сура, конечно же, по особой склонности торговых людей, немножко прибедняясь. Сладко быть сирым, когда знаешь, что даже самому Далай-Хану ты при случае способен одолжить деньжат. Игидей подстегивал коня, и в порывах жалости к себе ему казалось, что жало кнута сечет его самого. Ведь мысленно он продолжал вымерять свое положение по знатнейшим из купцов, тогда как сам уже купцом не был. Он скотовод, пастух. И такой тоской наполнилось сердце от одной этой мысли! Стадо его баранов паслось неподалеку. Что с ними делать, если их не перегнать в другую страну, где мало пастбищ, а значит, и скота? Верблюды тупо жевали траву, наращивая горбы для дальней дороги. Лишь кони радовали душу! Как прекрасны отборные скакуны, как резвятся тонконогие жеребята! Вот бы показать их здесь охочему до лошадей Хану! Можно было бы набить цену.

В стане мастера-кумысодела коптились развешанные над кострами конские шкуры, из которых потом изготавливали громадные бурдюки для хранения кумыса.

– Поехали, уважаемый Соргон-Сура, ко мне, – издали еще вскричал Игидей, – посмотришь моих лошадей.

– Да что же мне на них смотреть, сынок? – изумился старик. – Я всю жизнь провел у чанов с кумысом, откуда мне разбираться в лошадях? Раньше я за версту кумыс чуял по

запаху: мог сказать, хорош или плох. А теперь рядом с чаном не могу унюхать. – Соргон-Сура склонился, приоткрыв горловину кожаного мешка. – Беда ведь у меня, однако? Кумыс перестал бродить? Понюхай-ка, чуешь, нет?

В воздухе висел густой запах коптящейся кожи. Игидей еще раз глянул на развешанные шкуры, на женщин, одни из которых втирали масло в потемневшую внутреннюю часть выделок, другие – сшивали готовые куски кожи, мездрой внутрь, в огромные сосуды.

– Нынче лето сильно запоздало, потому и не бродит, холодновато еще, – не принохаясь, пояснил он.

– На своем веку и не такую погоду видал. Я знаю секрет изготовления тридцати видов кумыса, погода мне не указ!

– Тридцати! – изумился Игидей, которому тоже доводилось пивать разные виды кумыса. – Можно было бы торговлю наладить рецептами изготовления.

Старик некоторое время смотрел на бывшего купца с разинутым от недоумения ртом, а потом безнадежно махнул рукой.

– Я ему про дело, а он... – Соргон-Сура повернулся к чанам.

Разговор дальше не клеился. Игидею впору уже было возвращаться восвояси. Хорошо, вовремя подъехал старик Аргас. Оба ему обрадовались, на удивление слаженно вздохнув и всплеснув руками, словно только его и ждали.

Соргон-Сура засуетился, стал усаживать гостей за стол,

потчевать кумысом.

– Откуда ты, куда путь держишь? – церемонно расспрашивал Игидей.

– С севера еду, лошадей собираю. Отсюда напрямиком в китайские земли направляюсь.

– Все еще молодежь воспитываешь?

– А как же. Видимо, пока жив, не отлучиться мне от этого дела. – Старик Аргас рассмеялся. – Лучше скажите, может, у вас тут какой-нибудь яркий молодец затерялся?

– Шустрых и смелых у нас немало, – торопато прищурил глаз Игидей. – Но ведь тебе нужны, как я понимаю, не просто ловкие и сильные, а какие-то особенные?

– Конечно. Моя задача – искать и находить молодежь, способную впоследствии взять в свои руки правление людьми, способную стать тойонами.

– Видишь, – изумился Соргон-Сура, – каким он делом занимается! А ведь росли вместе!

Старик при этих словах невольно взял лежащую рядом шкуру и, жалостно вздохнув, принялся выщипывать остатки шерсти.

– Знаем, – улыбнулся Игидей. – Наслышаны, что подопечные Аргаса, самое малое, становятся тойонами-сюнями.

– Ну, не каждый, но все же... – сдержанно улыбнулся и Аргас. И повернулся, очень смутившись, к Соргон-Сура: – А я ведь к тебе с отдельной просьбой.

Аргас несколько раз коротко, в страшном замешатель-

стве, оглянулся на Игидея. Потом решительно наклонился к оттопыренному уху Соргон-Сура, что-то прошептал.

– Ок-сиэ, догор! – Соргон-Сура вопреки своей привычке бить на жалость, на сирость свою и нищету, распрямился и воскликнул с большим воодушевлением, хлопнув в ладоши. – Конечно, получится, сумею!

– А когда будет готово? – тихо спросил Аргас.

– Если начать прямо сейчас, то дня через два-три выпьешь, и сразу семнадцатилетним юношей себя почувствуешь, так загудит удалью все тело!

– А что это за напиток? Кумыс или снадобье? – заинтересовался Игидей, пытаясь уловить суть дела.

– Тебе до него еще жить и жить. – Соргон-Сура ехидно рассмеялся. – Я в твоём возрасте как жеребец был!

Только теперь Игидей понял, к чему относится просьба Аргаса. Старый воин недавно обзавелся молодой женой, и если меч его рука еще держала крепко, то, зная, другое оружие уже непросто было вынимать из ножен.

– Но пить мой настой будешь осторожно, – наставлял воина Соргон-Сура. – Если переберешь – у меня как-то было! – и молодуху свою изведешь, и всех старых!..

Всегда такой медлительный, сопровождавший каждое свое движение стоном или возгласом боли, Соргон-Сура удивительно легко вскочил с места, почти подпрыгнув, снял висевший высоко кожаный мешок, достал из него вязки трав и множество замшевых пакетиков. Стал колдовать. С ша-

манским приговором высыпал в фарфоровую чашу щепотку измельченной травы, положил какой-то лист, опустил туда же красноватый, с золотистыми крапинками корешок, нечто, напоминающее труху, залил все пенистым кумысом, перемешал. Перелил снадобье в походный кожаный бурдюк, несколько раз энергично встряхнул, протянул Аргасу.

– Приторочь к лошади, не снимай даже ночью, через два дня доспеет. Пей к вечеру, по чарке. Но помни, что я тебе говорил, – строго поднял указательный палец старый Соргон-Сура. – Это тебе не простой кумыс, не архи, а сильное снадобье, переберешь – о-о-о! – схватился он за голову.

– Конечно-конечно. – Старый Аргас растерянно потоптался. – Надеюсь на тебя, потому и приехал.

– Ты вот что, сообщи мне потом с кем-нибудь, помогло ли тебе это снадобье? – сказал Соргон-Сура.

– Конечно-конечно. Обязательно сообщу.

– Для меня, для человека, занимающегося лекарствами, изучающего разные составы, это очень важно. Если же эти травы не подействуют, может, я в следующий раз заварю кое-какие другие травы, отправлю тебе.

– Ну, друг мой, сверстник, благодарю тебя... Я в долгу не останусь. Отплачу добром за хлопоты. Ты меня знаешь.

– Скажешь же такое! – Соргон-Сура рассмеялся, поглаживая сверкающую макушку. – Тебе спасибо, что приехал. Порадовал меня, выходит, что мы еще век не отжили! Кое-чего еще можем! – выставил он кулак.

– А как же иначе! На долю нашего поколения выпала редкая участь: по велению Чингисхана мы прошли далекие земли и страны.

– Да я-то ведь не отлучался от чанов с кумысом...

– Мы пили твой кумыс с тойоном Чимбаем, когда окружали Тайхал. Мой меген тогда входил в состав тумена, которым он командовал. Кумыс веселил нас кровь, и мы зажали врага, как петля аркана затягивает шею кулана.

– Мне трудно понять: зачем нужен Тайхал, если мой бедный мальчик убит...

– Чимбай был прирожденным воином. Необыкновенным, выдающимся полководцем. Он останется в памяти потомков.

– Лучше бы он остался живым. Был бы сейчас со мной, унаследовал бы мое дело: кумыс у него получался лучше, чем у меня. – Соргон-Сура опять прослезился, вспомнив сына. – Без Чимбая жизнь для меня потеряла всякий смысл...

– А как же Чилайин? – Аргас, пожалев, что задел незаживающую рану несчастного старика, постарался повернуть разговор в другое русло. – Ведь у тебя еще есть старший сын?

– Что с Чилайином делается, живет, ходит, – махнул Соргон-Сура, грустно вздохнув. – Ничем не интересуется, никогда ни о чем не спросит. Заедет – молчит, к нему приедешь – тоже молчит. Будто чужой. Из-за него на старости лет и живу бирюком. Ни себе, ни людям не в радость.

– Да будет тебе! – Аргас шутливо боднул друга детства

плечом. – Может, тебе тоже снадобья своего выпить да молодуху завести?!

При этом старый воин подмигнул Игидею, который словно пригорюнился в сторонке.

– Скука – это еще что! – вдруг оживился тот. – Главное же в том, что без людей, без их интереса и любопытства к тебе начинаешь тут же чахнуть, как травы и деревья в засуху. Вот, возьми меня. Казалось бы, водил по дальним странам караваны, а теперь здесь начинает казаться, что это было не со мной, и главное, что я не смогу этого сделать, не получится.

– Вот и у меня почему-то кумыс перестал получаться такой, как прежде... Кислятина какая-то!

– Неужели? – чуть не поперхнулся Аргас. Снова пригубил пиалу, почмокал губами. – Я лучше кумыса во всю жизнь не пивал!

– Да и я... – Игидей поддержал Аргаса. – Кумыс отменный.

– А-а, – безнадежно махнул старый кумысодел. – Не разбираетесь вы в ни в чем... Вам лишь бы в голову шибало! А у кумыса привкус должен быть, при-ивкус!

– Что касается меня, – ударил себя в грудь старый вояка, – то я согласен: мне что в рот легло, то и хорошо. Но Игидей за столом у великих Ханов кумыс пивал! Он-то уж знает толк!

– Аргас, ты, едва взглянув на подростка, – был непреклонен Соргон-Сура, – сразу определишь, выйдет из него тойон или нет. И какой важности тойон может выйти: арбанай или

менгетей? В этом нет тебе равных. А вот Игидей в деле торговли обставит любого.

– Ну, не любого...

– Ну, нас с Аргасом?

– Это уж как пить дать.

– Так и я в кумысе кое-что понимаю лучше некоторых.

Сила кумыса зависит от закваски. С осени ее надо приготовить, и тоже вовремя. И добавлять ее надо в парное кобылье молоко, когда оно еще с пенкой. А чуть добавил зернышко ячменя или другой какой растительности, вкус уже иной. Опять же высушенные лошадиные сухожилия – смотря откуда взять: с лодыжки – один вкус, с хребта – иной. А можно и козьего молока для особого запаха добавить. В какой чан залить – старый, новый – все на вкус влияет!

– Ты – талант! – Бывший купец заметно повеселел, кажется, и думать забыв о недавней тоске.

– А поедем со мной! – воспрял духом и Аргас, готовый к любым действиям уже и без снадобья. – Ты, мой старый товарищ Соргон-Сура, будешь готовить кумыс для моих парней. А ты, Игидей, будешь торговать недалеко от нас.

Наступала та пора, когда увеселенные зельем, люди не хотят расставаться и жизнь им кажется простой и легкой.

– Разве это возможно? – засомневался по своей привычке Соргон-Сура, но по всему было видно, что он воодушевлен и мог отправиться в путь хоть сейчас.

– Я не говорю вам сегодня же отправляться, – вдруг, насу-

пив в сосредоточенности брови, разумно и сдержанно проговорил Аргас. – Определитесь со скотом, челядью, потом приедете, пусть даже через месяц, через два или три.

– Нет, завтра же! – Торговый человек, привычный не топориться с решениями, на этот раз согласился быстро. – Что ты думаешь, старик?

– Не знаю, не знаю... Слишком неожиданно... И в то же время... – Соргон-Сура беспомощно и радостно поглядывал по сторонам, все поглаживая лысину.

– Какую удачную сделку я провернул, а! – Аргас, радуясь от сердца, потер себе бедра.

Понимая, что разговор может повернуться вспять, он вскочил:

– Ну, на том и порешим! Мне, путнику, некогда. А вы оставайтесь, только долго не тяните, и собирайтесь. Игидей, ты старика подталкивай, помоги увезти с собой всю утварь, кожаные сосуды, необходимые предметы, ну а что не возьмете, найдем на месте.

Аргас, не забыв захватить бурдюк со снадобьем, выскочил наружу.

– Жили не тужили... и на тебе... Выходит, мы на войну с тобой собрались? – сказал Соргон-Сура, помолчав какое-то время.

– Эх, была, не была, я привык к бродяжничеству. – Игидей рассмеялся. – Первый раз в жизни здесь, с тобой по соседству, прожил больше года на одном месте.

– А я как раз наоборот, до сих пор не выходил за пределы долин рек Онон и Керюлгэн, думал, тут и закончу свою жизнь, а получается, вовсе в Китай собрался.

– Не тужи, старик! Мы с тобой свободные люди. Если не понравится, устанем или надоест, тут же повернем обратно. Так что давай без всяких проволочек поедem, посмотрим чужие края, поглядим, как другие люди живут.

– Пусть так...

Глава третья

Впереди Чагаан-Хэрэм

По состоянию 1 года нашей эры отношения хуннов с китайцами были стабильные. На границах было спокойно. Китайцы старались приобщить хуннов к китайской культуре и за хорошую оплату привлекали к военной службе.

В армиях Китая обязательно полагался штат доносчиков, а хунны, находившиеся на китайской службе, этого не терпели и раскрытых доносчиков убивали. У хуннов основная пища была мясная и молочная, а у китайцев больше рисовая. Разными были семейные обычаи и традиции. Поэтому хунны не воспринимали китайскую культуру. Китайцы и хунны считали: надо стараться жить мирно, но порознь. Китайское правительство старательно поддерживало мир.

Р.Н. Безертинов,

«История великих империй», том I (XXв.)

Словно торопя их, затянутое тучами небо враз прояснилось, холодные ветра перестали дуть, заморозки отступили, засияло весеннее солнышко. Тут же начал таять снег, шумно побежали множество ручьев и ручейков, низины наполнились талыми водами.

После отъезда Аргаса Игидей с Соргон-Сура совсем захлопотались, неожиданно для себя готовясь к путешествию.

Игидей велел выбрать лучших коней, чтобы перегнать их в Китай для продажи. Хотелось закупить больше выделанных коровьих и лошадиных шкур, но времени было в обрез. К тому же все семьи уже перекочевали с зимников следом за зеленью, только-только начинающей проклеиваться на солнечных местах. К наступлению самой жаркой поры они должны будут достичь северных гористых степей.

– Давай двигаться! – Старик, по его словам, тяжелый на подъем, оказался более быстрым в сборах. Расторопно закончив свои дела, он торопил соседа: – Время уходит. Макушка весны уже начинает убывать. А пока мы доберемся до места, уже будет лето. Сейчас самое выгодное время для перехода. А как начнет солнце жарить, так пески пустыни Хобо напитаются солнцем, самое настоящее пекло будет, ни одна живая душа не выдержит.

– Откуда тебе знать, как там, в Хобо? Ты же всю жизнь провел здесь, возле чанов с кумысом? – удивлялся Игидей.

– О-о, мил человек. Я за этим столом, угощая людей кумысом, столько разговоров наслушался, что кажется, будто везде побывал и все обо всем знаю.

Игидей смотрел на ладно упакованные тюки, сложенную утварь и едва сдерживался, чтобы не смеяться: кто бы мог подумать, что прикипевший к месту человек на старости лет так будет стремиться в путь?!

– Да ладно тебе, ходил я в Китай. Пусть летом всю дорогу солнце припекает, зато сейчас на пути столько луж: море раз-

ливанное! – Игидей нарочно припугивал старика. – Вброд придется идти, а то и вплавь!

– К чему такая спешка? – убеждали старика и люди из челяди. – В самом деле, сейчас даже самые маленькие речки полны воды, не перейти. Лучше дождаться, пока вода на убыль пойдет.

– Ничего, – горячился Соргон-Сура, – где на верблюдах переправимся, а где вплавь! Чай, не соль, в воде не растаем.

– Так, холодно еще!

– Кумысом крепким погреемся, молочной водкой: сколько у меня ее наготовлено! Застудился – ноги, руки растер, внутрь чарку, другую принял – и ступай себе дальше!

– Да этот старик торопится поскорей до места добраться, чтобы успеть кобыл подоить, кумыс завести! – Игидея все-таки разбирал смех. – Мы холодной воды не боимся. Сядем на двугорбых и будем на свои отражения любоваться. Как гуси!

– Смех смехом, – начинал строжиться старик, – а раз такое приглашение получили, такой, – он поднимал указательный палец вверх, – почет, нечего рассиживаться! Нужно побыстрее добраться до места, пока зелень еще не пожухла.

Небеса благоволили к путникам. Пока караваны Игидея и Соргон-Сура двигались по перелескам и Степи, грело ласковое весеннее солнце, суша водные разливы и оголяя твердую землю. Так что, если и приходилось переправляться вплавь, то это было вполне по силам. В громадных кожаных

мешках, которые в избытке имелись в скарбе кумысодела, переплавляли вещи и утварь, таща на привязи за лошадьми и верблюдами. На такой непромокаемый мешок усаживался и сам Соргон-Сура и под ликующие возгласы сопровождающей челяди выходил сухим из воды! А как подошли к первым, словно вылезшим на лакомую Степь, языкам песков, с севера поднялись огромные тучи, которые, как древние защитники их племени, драконы, медленно проплывали над головами, прикрывали солнце, защищая от жары. Тучи уходили, опережая людей, туда же, на юг, зазывая своим величественным высоким полетом.

Скоро навстречу попались конные: оказалось, что один из самых уважаемых людей в Великой степи Аргас не просто пригласил Игидея и Соргон-Сура в гости, а так их ждал, что послал своего сюнзя по имени Курбан, чтобы тот помог им в пути и проводил до места.

Аргас к их приезду уже собрал несколько сот молочных кобыл. Соргон-Суре весьма по душе пришлось это начинание. А кобылы в здешней местности были словно налитыми, сытыми, удойними.

Неспроста же веками здесь селилось столько людей. Природа великой страны, словно румяная лепешка, пылала растительностью, обильной и прекрасной.

Старика стало не узнать. Обычно неторопливый и неповоротливый, любящий поворчать по любому поводу, он теперь дни напролет даже не присаживался толком, весь погрузил-

ся в заботы и хлопоты.

На черных, подсобных работах здесь были заняты китайцы. Работниками они оказались очень терпеливыми, старательными, – мало кто мог бы сравниться с ними в труде. Стоило им дать задание, объяснить как и что, и можно быть спокойным: все будет в лучшем виде. Да и говорящих по-монгольски среди них тоже оказалось достаточно. Так что где-то на пальцах, где-то на словах, но объясниться было можно.

Однажды вновь прибывших именитых монголов специально повезли показывать Великую Китайскую стену. Игидей хоть и видел ее не единожды, но все равно был взволнован. Могуществом и величием стена поражала воображение: не верилось, что это дело рук человеческих!

А Соргон-Сура и вовсе лишился дара речи при виде высившейся бесконечной каменной стены, оседлавшей вершины высоких гор от горизонта до горизонта.

– Говорят, эту стену строили пятнадцать веков, – рассказывал старик Аргас, лично сопровождавший их. – Высота стены, как сами видите, более десяти маховых сажений. А ширина такая, что две арбы могут свободно разминуться.

– Тыый! – удивлялся и восхищался Игидей.

– Длина же пятьсот кес – пятьсот пеших дневных переходов, – продолжал Аргас, временами косясь на, казалось, окаменевшего старца Соргон-Суру.

Мастер-кумысодел повел головой, будто пытался охватить взором все это необъятное расстояние, невольно дернул

узду, как привороженный, направляясь к основанию стены. Старый воин остановил его, указав наверх, где наготове, с заложеными в луки стрелами, стояли стражники: было ясно, что эти ребята шутить не приучены.

На обратном пути Соргон-Сура несколько раз натягивал повод, чтоб остановить коня, снова посмотреть на стену.

– И что, неужели на всем протяжении этих пяти сотен кес живут китайцы? – вымолвил он наконец.

– Да. Это такой многочисленный народ, будто искрошенный конский волос.

– Зачем же тогда, соорудив надежную крепость, они перебираются сюда, селятся по другую сторону стены?

– Так их много, что не хватает земли.

– Не могут вместиться на протяжении пятисот кес?

– Выходит, так.

– Они же оседлый народ? А для оседлых, не кочующих, подобно нам, людей много земли не требуется, – Соргон-Сура был глубоко задумчив. – Во сколько раз тогда их больше, чем нас?!

– Во множество раз! – Аргас вопрошающе посмотрел на Игидея. – Может, более чем в десять раз?

– Ну что ты-ы! – умиленно протянул Игидей. – Более чем в сто. Только в одной этой местности живет людей больше, чем всех монголов, вместе взятых!

На этот раз Соргон-Сура ничем не выразил своего крайнего изумления. Молча выслушал и до самой Ставки молча,

словно оглушенный, сидел в седле, все думая о чем-то..

Только вечером, после ужина, заговорил:

– Скажи-ка, – повернулся он к Аргасу. – Или я чего-то не понимаю, или вы не в своем уме?

– О чем ты, друг?

– Вот вы... – Соргон-Сура кончиком пальца ткнул Аргаса в грудь. – С чего это вы решили, что сможете завоевать столь многочисленный и великий народ? Какими силами и каким таким умением? Численностью вы с ними тягаться и близко не можете, сноровка у них не хуже. Умом своим, распорядительностью? Это спрашиваю я, знающий вас прекрасно. И хотел бы выслушать твой ответ.

– Что я могу сказать? – Аргасу почему-то было весело. – Что могу знать я, старик, всю жизнь не слезающий с седла? Я плетень невысокий.

– Так я тебе и поверил, что ты ничего не знаешь, не слышишь и не понимаешь!

Разве половина военачальников всего Ила – не твои воспитанники?

– Так-то оно так. Но я человек военный, прикажут встать – встаю, сесть велют – сажусь. Великий Хан приказывает воевать – не размышляю.

– О, несчастные! Неужто вы в слепоте былых побед не способны себя трезво оценить? Не с нашим рылом Китай воевать!

Испугавшись неожиданной правой ярости старика, все

молча опустили глаза.

Ярсь еще больше и этим себя подзадоривая, Соргон-Сура продолжал:

– На что надеются, о чем только думают, добровольно лезут в пасть смерти!.. Хана, видите ли, они имеют непобедимого. Дурни! Да я-то хорошо помню, как еще вчера ваш Хан ходил с деревянным ярмом на шее, с головой в его дырке! Да и всех нас недавно еще никто за людей не считал, а уж в глазах китайцев-то мы вечно были не лучше скота!

Рядом с любопытством помалкивал купец. А вокруг сидели молодые воины.

– Ты прав, уважаемый Соргон-Сура. – Аргас не стал перечесть старшему по возрасту, начал издали: – Ты многое помнишь, немало повидал на своем веку. Но ведь и я не юноша. И я тоже часто думаю подобно тебе: жить бы тихо, мирно и вольно дышать на своей земле, не высовываясь, никому ничем не угрожая, не ввязываясь ни в какие войны. Но я не помню, чтобы рядом с нами жили мирные соседи. Нас всегда хотели захватить, поработить, истребить, уведя наших женщин и детей. Скажи мне, если бы в свое время мы побоялись одних, казавшихся более сильными, уступили другим, более многочисленным, если бы не бросались бесстрашно первыми в бой, то смогли бы сейчас у Великой стены распивать чай? Я помню, у тебя погиб любимый сын, герой и настоящий воин. Но если бы не такие, как он, если бы мы не рвались в бой, опережая противника, разве бы мы все не стали

пищей степных стервятников?

– Это было в прошлом. Мы воевали с большими и сильными народами, но даже все вместе взятые – они не были Китаем! Сегодня разве мы не становимся на путь верной гибели, нападая на народ, в сотни раз превышающий нас численностью? – отвечал старец вопросом на вопрос.

– Может быть. Но другого пути для нас нет. Нет никакого сомнения в том, что стоит нам сложить руки, начнут наступать они. – Аргас продолжал, не повышая голоса. – Китай только снаружи кажется единым. А на самом деле эту великую страну раздирают распри изнутри. Она раздроблена на десятки осколков, стремящихся к первенству, старающихся вытеснить друг друга, готовых растерзать друг друга за маленький лакомый кусочек. Страна почти столетие живет под гнетом чжурчженев, которые не дают всем остальным поднять головы. Стоит нам нагрязнуть со стороны, тут же развяжется узел многолетней вражды и ненависти. Большинство восстанет и пойдет с нами против ненавистных чжурчженев.

– Кто знает, – размереннее заговорил старец. – Уж больно просто, по-твоему, выходит. А мне кажется, что у народа, сто лет находящегося под гнетом, наверняка воля подавлена давно: они пойдут за теми, кому привыкли подчиняться.

– Великий народ не приходит в упадок, даже когда кажется, что он сломлен. Разве есть еще где-то в мире столь же выносливые, терпеливые люди, как Хани? Но стоит повеять вольному ветру, они тут же выпрямятся, поднимутся с колен.

– Ах да, как же это я не понял сразу, вы, оказывается, к своим седлам приторочили свободу для ханей? Ты, выходит, освободитель Китая? – Соргон-Сура опять закипятился.

– Да, и я тоже. – Аргас прямо посмотрел на старика.

– Смотри не загордись. Там, у юрты, лужа сверкает. Выйди, внимательно всмотришь в свое лицо, с каким ты направляешься дать свободу Китаю. Когда возвеличишься и в гордыне станешь забывать свое имя, посмотришь на себя вновь, и может, вспомнишь, зачем ты сюда пришел.

* * *

Игидей с большим интересом слушал этот непростой разговор. Сначала по сиротской доле, позже благодаря избранному делу ему довелось обойти и объехать немало земель, встретиться и познакомиться с огромным количеством людей и уж, казалось бы, столько разных речей наслушаться, чтобы никогда уже ничему не удивляться. Но на этот раз какая-то странная тягучая тревога стала вселяться вовнутрь его и онемением пробегать по телу. Два близких ему немолодых человека беседовали непривычно откровенно. Запрета на подобные разговоры не было, но никто вслух не выражал тех мыслей, которые спокойно произносили Аргас и Соргон-Сура. Это могли подразумевать, об этом думалось. Но язык не шевелился заговорить: не перевелись люди, которым слаще сладкого передать услышанное верховным тойо-

нам или приспешникам Хана, преувеличивая все во сто крат. А там пошло и пошло, так что до ушей правителей дойдет великой крамолой. А быть в опале, на худом счету никому не улыбается. Поэтому умные люди, пекущиеся о своем будущем, привыкли выражаться скупой, осторожно, укорачивая свой язык.

Купец даже поймал себя на том, что невольно тайком поглядывает по сторонам и чуть отстраняется от друзей, как бы показывая, что он к этому разговору отношения не имеет. Превозмогая себя, Игидей усмехнулся, ведь беседовали почитаемые всеми монголами старейшины: что и кто им может угрожать?

Вообще, людские раздоры имеют странную особенность рисовать мир иным, чем он оказывается на самом деле. Когда Игидей скитался по чужбине, всегда с радостью и гордостью выслушивал вести о монголах. Их имя звучало грозно, а победы были громкими. Но приходил в знакомые монгольские земли и видел ту же сирость, какая удручала его еще в детстве. Ровно то же самое случилось, когда он попытался вернуться на родную Селенгу. Ему помнился рокот стремительных волн реки с ее бурлящей мутной водой, и рассказы повстречавшихся на путях-дорогах людей, которые бывали на Селенге, рисовали буйство жизни, редкие красоты природы. Все это наращивало тоску, пока наконец, влекомый мыслью о возвращении к подлинной, дарованной от роду жизни, он не напросился, не прибыл в родные пределы. Только тогда

он понял, почему, восторгаясь, говорили: «Суровый край». Холодно, неприветливо. Одиноко и жутко.

А ведь когда-то дед ему так и говорил: «Внук мой, пока не поздно, уходи из этой степи, превратившейся в логово сатаны, пока еще не сделали из тебя палицу, которою замахиваются или бьют других, пока не стал разменным товаром за чужой интерес, иди, куда ноги ведут, – советовал единственно родной человек на свете. – Мир под солнцем велик, белый свет открыт, может, и подхватит тебя течение жизни, как щепочку, авось и пристанешь к прочному берегу. Никогда не оборачивай назад свои мысли, забудь, что у тебя есть родина. Здесь для честного человека не стало другой судьбы, кроме как стать навозом. В здешних степях жизнь скоро не наладится. Так что не теряй времени, лучше карауль двери чужих стран. Добрый человек хоть соринку найдет, посмотрит милостивыми глазами. Запомни: выбирай такие края, где заночевало счастье и которые избрало пристанищем изобилие, как говорится, от большого достатка хоть крохи, а бедняку – роскошь. Никогда не приставай к обездоленным, не водись с несчастными и увечными. Голод приставуч, худое заразно, так что обходи далеко стороной все это».

И тогда Игидей ушел. Уже понимая, что маленькому сироте без многочисленной и сильной родни никогда не избежать участи раба и слуги, не видать иной доли, чем доля челяди. А в бесконечных междоусобных распрях племен и родов, на тропе вражды первыми жертвами всегда становятся

именно такие черные нукеры, как он.

Игидей все время шел прямо на запад, выбирал непроходимые, глухие места, обходил стороной многочисленные поселения, заходил отдохнуть на несколько дней, набраться сил к бараньим пастухам, когда становилось совсем невмоготу терпеть. Потому что имущие, богатые почему-то, как правило, оказывались наиболее безжалостными и скупыми, а бедные в большинстве своем – добрыми и нежадными. Временами хотелось остаться у пастухов на лето или осень, но слова деда будто подгоняли вперед.

Чем больше отдалялся он от родной земли, тем яснее становилась голова и дышалось все свободнее.

По пути как-то встретил караван, состоящий из сотен верблюдов, как теперь он понимает, перевозивший рулоны шелков и множество всякой всячины из Китая. Первое время он служил подручным у найманских купцов за одно только пропитание.

Постепенно всем по душе пришелся этот шустрый смысленый мальчуган, всегда первым кидавшийся выполнять поручения, в любом деле проявлявший старательность. Сколько степей и пустынь он промерил вдоль и поперек босыми ногами, служа днем грузчиком, погонщиком скота, а ночами охранником. И своей прямоотой, честностью, преданностью завоевал доверие. Ему давали самые важные поручения, обучали.

От природы наделенный математическими способностями

ми парень быстро освоил премудрости торговли, сам тоже начал постепенно набирать силу. Заметив это, взял его к себе в помощники купец Хайдар, потом он стал его доверенным человеком.

Один из самых влиятельных людей Найманского ила, купец Хайдар мог бы сосватать свою единственную дочь за отпрыска самого знатного рода, но почему-то выбрал сироту Игидея. Сколько ему пришлось выдержать нападков, стерпеть насмешек в ту пору от равных ему. Но мудрые оценили его выбор. Поняли, что старый хитрец Хайдар поступает с дальним умыслом: знатный жених, привыкший жить на широкую ногу, не станет уважительно относиться к купцу, разбросает нажитое годами добро налево и направо. А скромный, без запросов, но очень работающий и толковый зять и голову в благодарности вечно будет склонять, и богатства только приумножит.

Даже став зятем богача, Игидей все так же забывал за хлопотами о сне и еде, трудился от темна до темна. Ложился позже своих работников, а вставал раньше их. С тех пор как взял Игидея в зятя, пространство торговли купца Хайдара ширилось, будто река в половодье, а богатство разбухало, словно тесто на доброй закваске.

Обшаривая все закоулки ближних и дальних стран, купец Хайдар как прозорливый человек не ограничивался одной куплей-продажей. Он целенаправленно наблюдал за обстановкой, за настроениями и обучал этому Игидея:

– Каждый умеет видеть видимое глазом, слышать слышимое ухом. А умный человек должен улавливать невидимое и неслышимое, предвидеть то, что только еще должно произойти.

– Хм, тогда нужно было родиться шаманом? – не понял Игидей.

– А торговый человек, как и настоящий правитель, должен быть в своем роде шаманом. Научиться пропускать мимо ушей и глаз то, что тебе навязывают или предлагают в суете дня, и уловить важное для тебя, для твоего дела. А в том или ином событии установить первопричину явления, нащупать его корни. Только тогда научишься распознавать по неброским, незаметным для других признакам начало грядущего, так, чтобы события завтрашнего дня были неожиданностью для кого угодно, но не для тебя. Торговля может развиваться, если будешь шагать в ногу с жизнью, замешкаешься, не осилишь скорости течения – тут же все начнет стопориться: то исчезнет сбыт, то не станет нужного товара.

Игидей слушал тестя, не всегда понимая, иногда даже делая это для виду. Но со временем все слова его отложились в сознании и стали весьма значимыми. Что могло быть интереснее, чем стараться поймать момент, когда иные еще дремлют, и повернуть дело в неожиданную сторону, или вдруг начать осваивать торговое пространство там, где и копыто верблюда не ступало! И опять приходилось порой насмешки слышать, сладко тая в себе ухмылку или даже раскатистый

смех, которым пока еще для людских ушей не пришло время.

– Купец, думающий лишь о сиюминутной выгоде, живущий одним днем, никогда не развивается, не разбогатеет, – говорил выдавший виды Хайдар, глядя так, что казалось, он видит зятя насквозь. – Умный торговец должен подняться выше уровня простого обмена, жульничества и видеть оборотную сторону людских мыслей далеко вперед. Почему и к чему стремятся люди? Какая нужда наступает? Если правильно предположишь это, угадаешь их желания, получишь в десятки раз больше, нежели если словчишь.

Теперь, когда старика нет в живых уже лет десять, можно только поражаться его дару предвидения.

Своим родным найманам он давно предсказал участь «недолговечных, пропащих людей». Говорил, что взяли верх меры, возможной для обеспечения скорого заката и полного краха: связали всех и каждого по рукам и ногам крепкими путами и решили, что нашли спасение. Заставить народ делать одно или другое принудительно можно ненадолго. А про вражду Тайан-Хана с братом своим Кучулуком однажды сказал так: «Эта вражда приведет потом к расколу всего народа, близкие роды пойдут друг на друга, и страна погибнет».

Про кэрэитов, на взгляд Игидея, весьма могущественных, выразился: «Будут жить одним Илом, пока цел этот старик, Тогрул Ван-Хан, или поп Иван, как его еще называют. По-

мрет – сразу же распадутся». По поводу меркитов, казавшихся непобедимыми, предупреждал: «Сторонитесь их, не надо там держать большие богатства, их непокорный, строптивый характер неминуемо приведет к беде».

Зато о монголах, которые тогда еще воевали друг с другом, разделившись на десятки мелких враждующих групп, и близки были к вымиранию, заявил, что за ними – будущее. Недоверчивый ко всем правителям, он поверил в Темучина, как только пошла о нем молва: «Монгольский вождь поднял знамя древнего закона, единого для всей Степи. За ним – непреодолимая сила». Это сейчас для всех очевидно, а в те годы его слова многими воспринимались как старческий бред или даже предательство. И уж совсем казалось это немыслимым делом, когда Хайдар, возвращаясь из Китая, специально сделал крюк, чтобы встретиться с Тэмучином, а потом почти никому еще неизвестному юному Хану, сильно пострадавшему в войне с кэрэитами, стал помогать деньгами и товаром.

– Пусть другие говорят, что хотят, а я вижу: выдающийся отрок подрастает! Стоит ему окрепнуть, стать на ноги, – равных Тэмучину не будет! Чем раньше люди это поймут, пойдут за ним, не оглядываясь, тем лучше. С Тэмучином мы, худые монголы, можем высоко подняться! Только бы дожить до этого, не пасть где-нибудь.

Это сейчас все стали называть себя монголами. А в те времена гордились принадлежностью к совершенно разным на-

родам, несмотря на легендарную Моголджин-хотун – общую прапраматерь. Игидей тогда с удивлением услышал, как старик причислил себя к монголам, так и сказав: «мы, монголы».

С той поры купец Хайдар начал выспрашивать у Игидея про Тэмучина, его окружение, родных, происхождение, хотя, как скоро выяснилось, он и сам все знал прекрасно.

Теперь стало ясно: старик заранее предвидел, куда повернет история, именно потому и выбрал Игидея в зятя. На самом же деле ничем он особым не отличался: таких, как он, у Хайдара было хоть отбавляй. Правдивый, честный, простой и верный данному слову Игидей превосходил других одним: кровной близостью с Тэмучином.

Купец Хайдар был стариком молчаливым, подавляюще действующим на окружающих людей, видным.

Раскрывался редко: заводил разговор обычно только во время дальних путешествий. Однажды, подгадав такой момент, когда старик был в особо хорошем и приподнятом настроении, Игидей спросил у него:

– Ты по чему, по каким признакам предрекаешь Тайан-Хану бесславный конец? На мой взгляд, сидит он прочно. Если не считать их мелкой размолвки с Кучулуком, кажется, нет никакой силы, способной противиться ему.

Старика, кажется, заинтересовал вопрос зятя. Помолчав какое-то время, вроде бы невпопад ответил:

– Чем человек могущественнее, чем больше жизней находятся у него в подчинении, тем больше скрывается истинное

отношение к нему, тем больше выпячивается ложь, лесть для замасливания глаз. Ты же видишь, как по-разному относятся люди даже ко мне. Пока меня нет рядом – одно, но стоит мне войти – сразу все меняется. А ведь я всего-навсего купец. А каково положение тех, кто распоряжается судьбами людскими, решает, кому подняться, кому упасть, кому жить, а кому умереть?

– Я и вправду вижу, как пытаются подлизываться к тебе, стараются угадывать желания, чтобы быть на хорошем счету. А как быть с этим?

– Что можешь ты, если сам Бог создал людей такими? Но мудрый человек должен знать, замечать это, давать правильную оценку, главное, не обольщаться. Если не поймет, почувствует себя таким, каким якобы видится в глазах окружающих, он – слепец! А поводыри найдутся. Уведут туда, куда им выгодно, и вчерашний великий правитель или удачливый купец потеряет способность различать добро и зло, правду и ложь, подхалимство примет за уважение – станет ничем!

– Значит, Тайан-Хан не понимает...

– Я этого не утверждаю. Видел-то я Хана всего несколько раз, однако по манерам, по его речам предполагаю, что, по всей вероятности, он мало знает о жизни собственного Ила, не владеет положением.

– А говорят, он человек очень жестокий, крайне жестко обращается со своими подданными.

– Я тоже слышал подобное. – Купец Хайдар горько усмех-

нулся.

– О, почему так? Неужели все великие правители таковы?

– А я думаю, что так поступают бессильные правители.

Брать горлом, лить кровь направо и налево проще и легче.

Ну, ладно, сынок, хватит об этом. Судачить о правителях – небезопасно. Наше дело купеческое – угождать всем на своем пути. Тогда до старости будешь водить караваны, – сказал купец Хайдар и рассмеялся.

Глава четвертая

Судьба беглого хана

Из главы «Забота о Государстве»:

Сунь-цзы сказал: «Путь есть то, что обуславливает обращение к первооснове и возвращение к первоначалу. Долг есть то, что обуславливает совершение поступков и достижение результатов. Рассудительность есть то, что обуславливает удаление от вреда и приобретение выгоды. Сообразительность есть то, что обуславливает поддержание дела и сохранность сделанного.

Если действия человека не согласуются с Путем, а поступки не согласуются с долгом, то пусть этот человек и находится среди великих, пребывает среди знатных, все равно – беда непременно постигнет его.

Поэтому совершенный человек посредством пути приводит людей к быту, посредством долга управляет ими, посредством норм руководит их действиями, посредством гуманности привлекает их.

Где эти четыре добродетели осуществляются, там – подъем; их отбрасывают, там – упадок». Сунь-цзы, «Трактат о военном искусстве» (IV в. до н. э.)

из книги Н.И. Конрада «Избранные труды» (XXв.)

Говорят, почтенные старцы-мудрецы, хранители вековой

памяти, способные видеть жизнь под курганами лет как настоящее, всегда считали, что секрет развития или разрушения любой страны, народа зависит от его нравственных и моральных качеств. Почему так? Без нравственности и морали человек, может, и живет некоторое время в веселье и удовольствии, но его заживо словно бы разъедает тля, порча: будущего у него нет!

Нравственность настраивает человека на завтрашний день, на созидание, дарует образ будущего, без которого сегодняшнее теряет смысл; мораль оттачивает человеческие поступки, и в результате появляются «люди длинной воли», способные к великим свершениям. Рождается общенациональный подъем.

А так ли все просто? Ведь чем выше возможности человека, тем больше его прихоти? Нет ли тут двойной морали?

Старый Кехсэй-Сабарах, доверенное лицо всех владык Найманского ила, начиная еще с самого гур хана Ынанча Билгэ, за свой век был и ханским советником, и сегуном – военным главнокомандующим, занимал и пост тюсюмьяла – руководил ведомством, которому были подвластны все промысловые люди страны.

Еще не так давно, каких-то лет сто назад, его предки владычествовали над всем Великим Китаем: их уважительно и подобострастно величали Великими киданями, они держали под тяжелой пятой все достигаемые пределы, и не было ничего в среднем мире равных им по мощи, богатству и возмож-

ностям. Казалось, так есть и будет всегда. Кидани жили как хотели, делая то, что запрещали другим, ни в чем не зная ограничений. Но именно это стало началом конца.

Себялюбие породило вражду, на почве распутства и вседозволенности выросли козни и коварство, двойная мораль со временем разбила на два лагеря войско. И выстроились кидани в две шеренги друг против друга, и сразились в непомерной гордыне, теряя лучших сыновей своих, поливая землю братской кровью. А в это время третьи, худшие из рода, в мстительной жажде первенства привели к власти доселе покорных, плативших исправно дань чжурчженев.

Когда воины этого прежде тихого народа вошли в раскрытые ворота крепостей, то в одно мгновение превратились в невиданных злодеев и разбойников. Пригласивший их для установления мира Китай потонул в реках крови.

Чжурчженены, взяв власть в свои руки, не разбирались, кто на чьей стороне. Истребляли, прежде всего, цвет народа: самых талантливых, умных, образованных!

О, китайский народ! Разве может быть народ лучше, терпеливее, простодушнее, трудолюбивее, чем хани, безмерные числом и верные данному слову?!

Они копошатся, будто муравьи, живут по какому-то своему даже им самим неведомому закону, и каждому, сумевшему угнездиться на широкой спине этого великана, кажется, что он стал здесь хозяином, все в его власти, тогда как на самом деле – он всего лишь одуванчик, весело возвысив-

шийся в Степи над другими травами. Дунет свежий ветерок – и нет головы!..

Народ хани силен не столь числом, сколь твердыней внутренних заповедей.

Бедные китайцы, и во времена киданей не знавшие ласки и доброго отношения, не слышавшие доброго слова, хоть и попали в еще более жестокую беду, но по своей привычке противопоставлять любым напастям безграничное терпение ради выживания, так и остались жить, не поколебав устоев своей жизни, сделав вид, будто покорились новым хозяевам.

А кидани разделились на четыре части, избрали четыре сомнительных пути. Одна группа, сумевшая организовать ряд восстаний против чжурчженев, была истреблена под корень. Вторая – целиком и полностью прибилась к власти победившего народа, став его бьющей рукой, лежащей ногой и кусающими клыками. Третьи – разбрелись во все стороны, большей частью растворились среди тангутов, монголов. А четвертая группа, объединившая восемь киданских родов, под предводительством достопочтимого гур хана Энийэта ушла на северо-запад за триста-четырееста кес – безостановочных дневных переходов – и прослыли найманами и кара-китаями. Найман, по-монгольски, означало «восемь», а кара-китай – «северные кидани».

Издавна для найманов большими бедами оборачивались внутренние распри их вождей, чем козни внешних врагов.

Родные по крови люди соперничали, разъедаемые завистью друг к другу, и никто никому не хотел подчиниться или смириться с участью равного, словно чье-то проклятие лежало на этом народе. Каждый раз к закату жизни очередного правителя возникало новое противостояние, всегда кончавшееся кровопролитными распрями. Если у вождя было два сына, то народ делился на два лагеря, если же трое, то на три, а если больше – по количеству наследников, чтобы с оружием в руках оспаривать первенство. Иногда победитель выяснялся в результате нескольких молниеносных сражений. Иногда же борьба растягивалась на десятки лет. И каждый раз на полях сражений народ терял лучших своих сыновей. Сомнительные серые людишки, умевшие отсидеться за чужими спинами или, еще лучше, ловко извернуться, вовремя оказать услуги будущему сиятельному властителю, предав ближнего, добивались высоких должностей, богатства.

Энийэт, подобно своему отцу, уселся на ханскую подстилку, окропив его кровью трех родных братьев. Благополучно дожив до старости, он оставил после себя сыновей: Тайана и Буйурука. По завещанию отца его место занял Тайан. Младший брат тут же отделился от него, ушел со своими

людьми. Тайан-Хан не противился решению брата, не пытался его удержать, зная нравы своего рода. Потом он несколько раз выражал желание по-братски сблизиться, предлагал высокие государственные должности. Но Буйурук так и не примирился с участью второго, не дал своего согласия, не просил помощи, даже погибая от рук монголов.

Тайан-Хан был первым, кто сумел сплотить свой горделивый народ, превратил в единую силу с мощным организованным войском, равным которому не было в округе. Найманы вернули себе былую славу их предков, Великих киданей. Во всех войнах, в которых принимали участие или которые развязывали сами, они выходили победителями. Разбогатели, стали могущественными. И вновь все возвращалось на круги своя: пришла уверенность в постоянном успехе и благополучная, сытая жизнь – неизменные спутники военных побед. Как властных Ханов, так и сам народ охватила вера в собственную избранность и непобедимость. Найманы постепенно превращалась в спесивых, пресыщенных людей, не способных ни к радости, ни к удивлению. Неспроста же они, услышав о победах монголов над многими, говорили: очень хорошо, значит, не придется нам распыляться, одним ударом подомнем под себя обширные земли.

Вместо того, чтобы готовиться к войне, найманы заранее начали делить еще не добытые земли, считая собственную победу делом само собой разумеющимся. Иные Ханы, опережая друг друга, предприняли одиночные вылазки, опираясь

лишь на силы своих улусов, дабы побить монголов и стать хозяевами над ними. И поступив так, сами сунули головы в пасть беды. Одни были полонены, войска других – разбиты.

Тайан-Хан собрал и повел найманское войско, также в большой уверенности, что идет наказать этого монгольского выскочку Чингисхана: он был уверен в легкой победе и настраивался на показательные учения, а не на войну.

Кучулуку тогда было четырнадцать лет, но отец уже выделил ему пять боевых мегенов, и во главе их юноша стоял позади основного войска, в резерве. Как ему хотелось скорее ринуться в бой, впереди всех, разбить наголову врага, но судьба тогда уготовила Кучулуку другую участь.

Отец его, непобедимый и великий Тайан-Хан, с основными силами попал в окружение. Странники найманов – татары, кэрэиты, хатагы, ойураты, Дурбуены, салджиуты, воевавшие под началом меркита Тохтоо-Бэки, – тут же бросились врассыпную, что называется, дали деру. Большинство из них потом собрались и двинулись следом за джаджыратами Джамухи, предавшими Тайан-Хана еще до начала сражения и ушедшими в Алтайские горы.

А Кучулук с Тохтоо-Бэки убежали на запад, к берегам Иртыша.

Племена, ушедшие в сторону Алтая под предводительством Джамухи, вскоре перессорились между собой и, если не передрались, то расстались, разошлись разными тропами. Наиболее разумные из них вернулись в восточные степи,

влились в рать Чингисхана: тот великодушно прощал вчерашних врагов и ставил в ряд со своими воинами.

Найманы Кучулука прожили бок о бок с меркитами четыре года. Весной года Желтого Дракона (1208 г.) по их следам нагрянули преследователи – монголы во главе с Джучи. Тохтоо-Бэки погиб, меркиты были почти полностью истреблены. От найманов же Кучулука выжила лишь половина, да и те разбежались. Сам он в сопровождении всего лишь нескольких воинов сумел уйти к кара-китаям.

* * *

В начале Года Серого Зайца (1172 г.) умер хорезмский правитель Ил-Арслан. Вместо него на престол сел отец Мухаммета, Тэкис, одержав победу над младшим братом, Баргы. В этой борьбе он обратился за помощью к тогдашней царице кара-китаев Чэн-Тэнь и завоевал трон благодаря ее поддержке. Тэкис обещал царице Чэн-Тэнь умножить дань, которую правители Хорезма издавна платили кара-китаям.

Получив в наследство слабую во всех отношениях страну, Тэкис мучительно размышлял над путями ее укрепления. С одной стороны, собственные его владения состояли из нескольких областей со своими, мало зависимыми от него, вождами, с другой – на нем висело тяжкое бремя ежегодных податей кара-китаям.

С целью укрепить свое войско он взял в жены дочь кип-

чацкого хана-кочевника Дженкира – Турхан-хотун. В качестве калыма вместе с хотун в Хорезм прибыла великая числом диковатая тюркская рать, противостоять которой никому в соседних странах было не под силу.

Обретя такую мощь, Тэкис теперь мог не бояться своих господ. И он не преминул тут же подмять под себя Бухару, Нишапур, Рей, Мерв, находившиеся доселе под пятой кара-китаев.

На западе Тэкис подчинил себе восточную часть Ирана. Таким образом, у Хорезма по обе стороны выросли крылья. Воодушевленный победами, Тэкис решил углубиться дальше в Иран, чтобы захватить центр исламского халифата Багдад.

Но, уже собрав все войско, двинувшись в поход, внезапно заболел на территории Сахристана и умер 13 июля года Та-кыкая – Обезьяны (1200 год).

Тогда-то на трон Хорезмского ила и взошел сын Тэкиса от Турхан-хотун, Мухаммет. Молодой Султан оказался достойным своего отца. Первым делом он захватил земли курдов, простирающиеся вплоть до Индии. Став правителем такой громадной страны, равной которой не было в землях сарацинов – народов, исповедующих ислам, – Мухаммет посчитал, что не подобает великому повелителю мусульман выплачивать дань каким-то ничтожным людям, поклоняющимся богу Тэнгри. Он решил дать бой кара-китаям, к которым в трудные времена прежде всегда обращался за помощью.

В Год Белой Змеи (1209 г.) встретились лицом к лицу две силы, два огромных войска, не знавшие на то время поражений. Три дня и три ночи шел жестокий бой, лилась кровь так, что земля превратилась в красное месиво. А на четвертый – сарацины оказались в сжимающемся, словно удавка, кольце. Мухаммет был вынужден сдаться. Но что не под силу оружию и воинской доблести, то подвластно материнской любви и женскому сердцу. Турхан-хотун не пожалела никаких средств, чтобы устроить побег Султанского сына.

Султан Мухаммет оказался человеком упорным. На следующий год, собрав достаточно сил, он нанес кара-китаям сокрушительный удар.

* * *

Кучулук прибыл к кара-китаям накануне этих событий.

Если бы он приехал к ним в прежние, благополучные, полные достатка и уверенности в своих силах, времена, вряд ли здесь встретили бы его, нищего бродягу-изгнанника, приветливо. А то могли и прогнать без всяких разговоров, несмотря на благородное происхождение!

Отправляясь на аудиенцию к правителю такого могущественного народа, как кара-китай, почти единовластно царившего на благодатной земле Семиречья, ставшей центром вселенной, Кучулук достал единственную реликвию, оставшуюся от предков – золотой шлем своего деда Ынанча Би-

лгэ-Хана.

Пользуясь тем, что до сих пор все переговоры от имени Кучулука вел старый Кехсэй-Сабарах и его никто в лицо не знал, перед тем как отправиться к гур хану, найманский вождь поменялся одеждой с молодым джасабылом. Они были ровесниками, друзьями с детства, и теперь, глядя друг на друга, хохотали от души.

– Теперь я Хан Кучулук! – оглядывал себя джасабыл в ханском наряде.

– Да, но если гур хану найманы были не по душе, то это он тебе велит отрубить голову!

– Зато меня похоронят с ханскими почестями, а тебе всю жизнь придется быть обычным командиром или даже простым воином!

Кехсэй-Сабараху их шутки не нравились:

– Не подобает в игры играть в серьезном деле! – укорял он. – Как бы худом это не обернулось! Мы же прибыли в великую страну за решением своей судьбы.

– Понадеемся на милость Господа Бога нашего Иисуса Христа! – перекрестился ряженный «Кучулук».

– Если сами себя подведем, Бог не спасет! – молвил Кехсэй-Сабарах.

– Чему суждено, того не миновать, – не унывал Кучулук-«джасабыл».

Так, смеясь и веселясь, молодые люди и отправились к нарядному сурту гур хана Дюлюкю.

Чуть впереди – «Кучулук»-джасабыл, рядом, отстав на полшага, – «джасабыл» Кучулук.

Он и держал перед собой на вытянутых руках дар гур хану – сияющий шлем своего деда.

Суровые, надменные тюсюмялы, которые в обыденной жизни бровью не поведут без взятки, приподнимались, вставали, сгибали спины и мягчали лицом при виде боевого старинного шлема. Прислужники гур хана с неожиданной резвостью и подобострастием распахивали доселе неприступные двери.

Тем не менее иноземных гостей продержали перед воротами, ведущими в покои Великого Хана, время, за которое можно сварить баранину. И пока джасабыл «Кучулук» важно прохаживался туда-сюда под чужими взглядами, настоящий Кучулук внимательно наблюдал за поведением тюсюмялов, которые входили к гур хану, издали начав отбивать поклоны, и выходили, пятясь спиной и все кланяясь до земли. Судя по всему, кидани далеко отошли от своих исконных простых, бесхитростных обрядов и близко приняли обычаи и традиции страны западных сартелов.

Сначала тюсюмялы немного поспорили между собой: вползать ли гостям на коленях или все же Кучулуку, как премнику древнего ханского престола большого народа, а значит, избраннику небес можно войти во весь рост и, склонив голову, опуститься перед гур ханом на колено.

– Сам ничего не спрашивай, – строго предупредил один

тюзюмял переодетого в Хана джасабыла.

– Ничего не проси! – грозно добавил другой.

– Ты можешь лишь давать подробный ответ на вопросы гур хана! – учил третий.

– Как только гур хан даст знать, что разговор окончен, тут же оба должны выйти, пятась назад. И ни в коем случае не поворачивайтесь к нему спиной!

На это «Кучулук-Хан» ничего не ответил, только смотрел угрюмо исподлобья. А вот «джасабыл» вдруг гонористо стал напоминать про знатность и родовитость «своего» хана, но Кехсэй Сабарах незаметным и весьма ощутимым тычком в бок осадил его велеречивый порыв.

Становилось ясно, что старик был прав, но теперь уже ничего нельзя было исправить, и оставалось лишь продолжать легкомысленно затеянную глупость, за которую и впрямь могли отправить на плаху.

* * *

Найманы были оглушены и поражены необыкновенно торжественной обстановкой, какой им не приходилось видеть даже в прежние победные времена. Чего тут только ни было!

От золота и драгоценных камней слепило глаза. Стены ярко освещенного сурта казались сотканными из молока. Выстроившиеся по обе стороны от дверей люди в разноцвет-

ных одеяниях беспрерывно дули в трубы, издавая протяжный звук разной высоты.

– Ух ты!.. – переодетый Ханом джасабыл согнул колени и, чуть присев в оторопи, выдал в себе холопского сына.

Кучулук, подняв над собой старый помятый шлем деда, в столь беспощадном блеске показавшийся жалковатым, шагнул вперед в качестве сопровождающего господского слуги, преодолевая стыд. Вошли внутрь, ступая по разостланной на полу мягкой пестротканой материи.

Десятки глаз стоящих вдоль стен сурта высших сановников, будто по шаманскому заклятью, впились в шлем, который Ынанча Билгэ-Хан надевал в своих победоносных сражениях. Слава давно почившего легендарного героя словно одушевила шлем: подернутое налетом времени, истончившееся местами золото вдруг засияло, а потускневшие, только что казавшиеся омертвевшими драгоценные камни вдруг так брызнули россыпью искрящихся огней, что затмили сверкающие богатства роскошного ханского сурта.

– Ух ты! – Теперь восхитились тюсюмялы.

– Вот это да! Настоящее, изысканное творение старых великих мастеров!

– О, какой жемчуг, как прекрасен этот алмаз! – раздавались восторженные голоса, произносившие совершенно незнакомые Кучулуку слова.

К нему, «джасабылу», удивительно легко и грациозно подскочил человек в длинных черных одеяниях, напоминающих

одежду священника, только почему-то увешанный бесчисленными золотыми и серебряными подвесками. Похожий на ворона человек осторожно, кончиками пальцев взял шлем, положил перед гур ханом.

Гур хан взял шлем в руки, долго разглядывал, поглаживая каждый камень. Было заметно, как стали подрагивать кончики его пальцев. Вдруг властительный Хан снял с головы венчавшую ее корону, как ребенок, сверкнув глазами, примерил боевое убранство. Шлем оказался ему велик, сполз набок, словно надетый на палку.

– Головастый старик был, оказывается! – Гур хан восхищенно поцокал языком.

– Этот шлем принадлежал не только Ынанча Билгэ-Хану, – будто невзначай, повернул речь в нужное русло мудрый Кехсэй-Сабарах. – Когда-то его надевали в сражения наши общие предки, киданские цари, когда они владели Великим Китаем. Ынанча Билгэ-Хану он достался по наследству, чтобы ныне обрести другого всевластного повелителя.

Шлем перешел в руки сидящей около с гур ханом старшей жены. И тотчас вокруг боевого убранства защебетали, восхищенно восклицая, касаясь длинными пальцами, младшие жены и дочери его, все казавшиеся на одно лицо. Гур хан улыбался среди девичьего царства, покачивая головой, словно хотел сказать, мол, все вы хороши, да нет среди вас парня. Неужели у него не было сына?

Вдруг гур хан изменился в лице и посмотрел на гостей

тяжелым, испытующим взглядом:

– Ну, рассказывайте. Кто из вас Хан и кто – слуга?

От этих слов Кехсэй-Сабарах чуть сквозь землю не провалился. Беда! Какой позор! Выходит, гур хан сразу разгадал их маскарад!

В то же мгновение Кучулук мужественно шагнул вперед.

– Я – прямой потомок царей Великого Китая, внук Ынанча Билгэ-Хана, единственный сын Тайан-Хана, Кучулук-Хан.

Люди загудели, удивленные явлением вошедшего в качестве слуги вождя найманов. Затем наступила напряженная, угрюмая тишина, готовая разразиться громом.

Но, к счастью, вместо ожидаемых громовых раскатов слышался залиvistый смех.

– Забавляетесь, добрый молодец, – разом снял напряжение гур хан. – Я в молодости хорошо знал твоего деда. Несколько раз гостили друг у друга на Курултаях по приглашению. Увидев тебя, я сразу догадался, кто ты. По внешности, по стати ты – вылитый дед. Породу не спрячешь. Для пытливого взора она заметна и в лохмотьях раба, – с подчеркнутой гордостью заявил гур хан, оглядывая свиту.

– Великий гур хан! Прошу, не думайте, что от безделья озорую или так поступил от неуважения к вам, не забавлялся я, наоборот, поостерегся, как человек, находящийся в крайней нужде. Мало ли что могло случиться. Не гневайтесь, плохого не думайте, – просил Кучулук, стараясь сгладить непри-

ятный осадок, оставшийся от выходки, не достойной родовитого наследника.

– Хорошо, – со сталью в голосе произнес гур хан, как бы показывая, что устал от общения с комедиантом. С почтением обратился к Кехсэй-Сабараху: – Судя по внешнему виду, ты, старик, за жизнь немало повидал. Чем занимался на своем веку, кому служил, какого призвания?

Кехсэй-Сабарах, шагнув вперед, упал на колени:

– В молодости я на самом деле немало побродил по свету. А призвание у меня одно – с тех пор как помню себя, я воевал. Война стала делом моей жизни... моим единственным занятием.

– Имя?

– Кехсэй-Сабарах.

– Да ну! Вон как! – воскликнул радостно гур хан. – Вот ты каков, оказывается, тот самый знаменитый, прославленный Кехсэй-Сабарах. – Повелитель вскочил, приблизился к старику, положил руку ему на плечо.

– Приятно слышать, – вдруг задрожали губы старого воина, и навернулись слезы на глаза. – Думал, что проторенные мною тропы давно уже исчезли с лица земли, поросли травой, предано забвению имя мое.

– Мы, народы, оторванные от родных исконных земель, даже во сне не расстаемся с оружием: войной живем, из войны извлекаем средства к существованию, поэтому высоко чтим славных воинов. – Гур хан похлопал старика по пле-

чу. – Ну, хорошо! Скажи мне, в чем ваша нужда? Я дам тебе все, что захочешь!

– Все предназначенное мне на этом свете я получил сполна. О чем теперь могу еще просить? – сказал Кехсэй Сабарахи, указав на своего молодого тойона, продолжил: – Одного прошу: чтобы вы посмотрели милостиво на моего молодого правителя – Кучулук-Хана, внимательно его выслушали. Он отпрыск знатного рода, потомок славного племени, хоть и находится сегодня в крайней нужде. О, если бы вы дали ему возможность, помогли крепко встать на ноги, он мог бы стать верной опорой и надежным союзником.

– Хм!.. Ты задал непростую задачу. – Гур хан несколько раз многозначительно кашлянул, испытующе глянул на Кучулука. – Сегодня он пришел ко мне в чужой одежде, хотя шел просить помощи у самого гур хана. А не изменится ли его личина, когда твой молодой тойон Кучулук-Хан получит из моих рук власть над людьми и наберется сил?

– Среди здешних народов бытует древняя пословица, что яблоко падает недалеко от дерева, на котором росло. Точно так же Кучулук, хоть и балуется по молодости лет, подобно молочному жеребенку, но никогда и ни за что не отступит с дороги своих великих предков. Я склоняю перед вами, перед вашим величием свою седую голову, которую не склонял еще ни перед кем, кроме своих Ханов, – сказал Кехсэй-Сабарахи дрожащим голосом и, опустившись перед гур ханом на правое колено, поклонился ему до земли.

Гур хан вскочил, подхватил старика за подмышки, поднял и растроганно воскликнул:

– Не надо, не надо! Если есть человек, который по-настоящему понимает и ценит твои выдающиеся победы над грозными врагами, добытые для своих Ханов, твою великую мощь и громкую славу, которая грозным эхом катилась по Степи, укрепляя основы Ила, то это я! Мы решим так. Ты, великий воин, не роняй сегодня своего победного имени ради какой-то мелкой просьбы. Пусть будет так, что ты мне не кланялся, а я этого не видел.

– Почему?.. Почему, гур хан?.. Я прошу потому, что пришел крайний случай, нет иного выхода. Что значит эта пустая былая слава, преходящая, словно проплывающие по небу облака? Наши победы, сверкнувшие на мгновение и угасшие, подобно сорвавшейся с неба звезде. Теперь, когда все уже позади, оказываешься перед леденящей душу истиной: в настоящем не имеет значения, кто победил или кто потерпел поражение в минувших смертных боях.

– Нет-нет! Не говори так! Хотя и не по нраву пришлась мне глупая шалость молодого человека, но не могу отказать тебе! Пусть будет по-твоему! Мы признаем Кучулук-Хана как единственного найманского Хана и подтверждаем это! Я сказал! Бичиксит! Пиши указ.

Все, кто находился в сурте, упали перед гур ханом на колени.

– А вы... – Гур хан повернулся к своим тойонам и сказал

тихо, совершенно другим, жестким, голосом. – А вы посмотрите на этого великого старца. Как он, забыв обо всем, защищал своего Хана! Пусть это послужит наукой для вас. Он даже перед Чингисханом на колени не становился. Более того, когда Величайший, желая видеть его в своих рядах, предложил ему чин и должность, не принял, вернулся к своему неокрепшему еще, слабому, но исконному Хану. Вот это и есть верность данному слову, нерушимость произнесенной клятвы! – На какое-то время гур хан замолчал, оглядывая столпившихся вокруг придворных, людей из свиты. – Вас бы так испытать. Как бы себя повели? Я не уверен, – повернулся он к Кехсэй-Сабараху, – чтобы кто-то из них поступил, как ты. И от этого мне очень и очень горько...

В сурте наступила тишина. Тойоны, каждый из которых считал себя большим человеком, не чета какому-то там старику-бродяге из угасшего племени, с обидой восприняли эти слова. Но все они молча опустили глаза.

– А что делать с этим слугой, переодевшимся в одежды Хана? – Гур хан указал в сторону джасабыла, и без того отупевшего от стыда. – Тот, кто проник в мои покои под видом другого человека, может покинуть их только без головы.

Молчавшие до сих пор тюсюмялы зашептались одобрительно, зашумели, будто обрадовались этому странному объявлению.

Кучулук шагнул вперед.

– Великий гур хан! Если вы признали меня Ханом, то мой

джасабыл оделся в эти одежды по велению Хана. Так виноват во всем я. Признаю свою ошибку, допущенную не по злему умыслу, а по молодости и глупости. И нижайше прошу, усмирите свой гнев, проявите милость. – Теперь Кучулук упал на колени и низко склонил голову. – Я преклоняюсь перед вашим высоким именем и благодарю за великодушные ваше! Пусть я сегодня сирота бесприютный, но даст Господь Бог Христос сил, вдесятеро отплачу за добро ваше!

– Хороший ответ. Первое испытание ты прошел: не оставил друга, пусть он всего лишь твой слуга. Мои люди соорудят для вас стан, достойный твоего ханского звания.

* * *

Вот так за столь короткое время в покоях Великого Хана Кучулук несколько раз попадал из огня да в полымя.

Он возвращался в сурт, куда определили его с товарищами на постой, молча. Хорошо было на душе. Даже чуток слишком. Все-таки получить поддержку самого гур хана, которая означала признание и подтверждение его высокого звания, – это многого стоит! Кучулук думал о том, как он оправдает доверие, будет истово служить, и видел себя на белом коне впереди большого войска. Шедшие следом за ним друзья также за всю дорогу не обронили ни слова, видимо, разделяя его чувства. И лишь когда вошли в сурт, Кучулук с удивлением обнаружил, что у верных его товарищей пону-

рый вид.

Джасабыл снял с себя ханское одеяние, из-за которых чуть не поплатился головой, переделся в свои привычные боевые доспехи, и только тогда облегченно вздохнул, тотчас упав перед своим Ханом на колени:

– Кучулук-Хан, пока жив, буду благодарен тебе за то, что спас меня, заслонив собой!

– Не говори ерунды! – отрезал Кучулук. – Нас осталось так мало, что если не будем беречь друг друга, защищать, а уж тем более будем предавать, подставлять друг друга, то все перестанет иметь какой-либо смысл! А не будет нас, перестанет существовать великий народ. А пока мы есть, пока мы вместе – найманы живы, и у них есть будущее!

Кучулук улыбнулся, чуть застыдившись своей пафосной речи.

– Ладно, – добавил он просто, – иди, лучше поешь добудь. Мы должны есть хорошо.

Джасабыл опрометью бросился исполнять поручение.

Кехсэй-Сабарах, глядя на молодых друзей, шурил благодушно глаза. Однако так ничего и не сказал, оставшись наедине с Ханом. Оба сидели неподвижно, глядя в разные стороны, одинаково прислушиваясь к чему-то, пронзительно гудящему в душе каждого из них.

Кучулук-Хан с удивлением обнаружил, что ломит кости и горячо жжет в груди. Немудрено: в свои семнадцать лет он столько отведал горького и сладкого, пережил взлеты и па-

дения, большой чаркой хлебал беды и радости, прошел-проехал такие расстояния и встретил на пути своем столько народов, что другому человеку вдоволь хватило бы на три жизни! Чудом вырывался из цепких когтей смерти, оказываясь зажатым в кольцо врага; не раз обдавала леденящим холодом пролетевшая на волосок от него шальная стрела; грозное острие копья скользило по его виску. Страшно бывало – мурашки бегали по спине! Но такого чувства опасности не было! Там требовались смелость, смекалка, быстрота! А здесь... думать надо и думать. Как говорится, держать ухо остро.

Здесь все решают острый ум и бойкий язык. Высказанная вовремя умная мысль, веский довод, верное слово могут в корне изменить твою судьбу. Странно, но пышная, благодушная придворная жизнь таит в себе особую опасность. И как выматывает она, и как заставляет бояться даже его, который доселе казался себе бесстрашным человеком!

– Да, в трудную переделку попали. – Кучулук покачал головой, обращаясь к Кехсэй-Сабараху. – Не знаю, что было бы с нами, не будь тебя рядом. О, не зря, оказывается, говорят, что громкая слава открывает крепостные ворота! Старик гурхан ценит тебя! Видел и помнит моего деда, потому сразу же узнал меня. Кого я хотел провести! И как только он простил меня? А ведь вы предупреждали, да я, глупец, не внял вашему совету. Теперь, задним числом, и сам не пойму, зачем, из каких соображений я так поступил? Больше никогда не буду

перечить вам! Я сказал!

– Ты сказал, я услышал. – Кехсэй-Сабарах усмехнулся горячности мальчишки. – И если ты готов следовать моим советам, не горячись! Не давая обещаний, которые завтра могут помешать тебе. Что значит, никогда не буду перечить тебе? Да, я больше повидал, знаю побольше, но все же я – лишь твой советник. А ты – Хан. Ни на миг не забывай, что ты Хан. Сегодня у тебя один советник, а завтра их будут десятки. И у каждого по одному вопросу могут быть разные мнения. Как бы ни доверял мне, что получится, если будешь следовать лишь советам одного человека?

– Хм... Что я тогда должен был сказать? – Кучулук усмехнулся и, подобно маленькому мальчишке, почесал затылок.

– Скажи, что всегда будешь внимательно выслушивать мои советы и взвешивать их. Для меня этого достаточно.

– Но ведь я и так вроде почти всегда слушаю тебя. – Хан опять почесал затылок.

– Правильно, слушаешь. Но часто именно «вроде». А на самом деле, если что-то не по тебе, пропускаешь мимо ушей. А вот если что-то по нраву, конечно, слушаешь всем сердцем и принимаешь. Вот и кажется тебе, что слушаешь, считая это за заслугу.

– Что правда, то правда. Признаюсь! – Хан засмеялся, совершенно став похожим на провинившегося ребенка. И снова царапнул затылок. – Почему я такой?

Кехсэй-Сабарах грустно вздохнул, глянув на парня. До-

вольно долго молчал. Несколько раз старик даже набирал воздуху, порывался что-то сказать, но получился лишь вздох.

– Я должен знать причины своего поведения, – помог заговорить ему Хан. – Понять свой характер, чтобы управлять им. Понимать ошибки, уметь их признавать, сдерживать чувства. Без этого меня могут называть Ханом, но настоящим Ханом я не буду.

– Вот это дельные слова! – Помутневшие глаза Кехсэй Сабараха загорелись, лицо посветлело. – К широкому пути приведут лишь мудрые решения. Ну, раз ты сам просишь, сам желаешь услышать... Истину знает лишь Всевышний, лишь высшие силы способны узреть ее! А смертные люди могут судить да предполагать, исходя из жизненного опыта, из того, что от людей слышали да из преданий узнали.

Старик с радостью увидел, как внимательно, совершенно по-новому слушает Кучулук. Прежде молодой Хан уже нетерпеливо ерзал бы на месте, улыбался из вежливости и потряхивал головой, мол, все понятно, старик, давай покороче! Его манила Степь, где подростковые забавы текли вперемешку с грозными взрослыми делами. Кехсэй-Сабарах иногда даже с опаской подумывал: да, хорош парень, и ловок, и смел, боец удалой, но сомневался, получится ли из него предводитель и повелитель? Теперь Кучулук восседал на пестрой подстилке, будто сокол перед охотой. Крутой лоб словно нависал над лицом, а в глазах отражалось каждое сло-

во учителя. Как он в эти мгновения был похож на своего отца! Старый воин спрятал улыбку умиления и продолжил суровую речь:

– Любой человек должен понимать, что его характер и внешность передаются ему от предков, как древесный ствол растет из корней. У глупца, произошедшего от рода никчемного, случайного, и судьба обретает случайный характер, подобно щепке, плывущей по течению. А тот, у кого благородные, знатные предки, прежде чем совершить тот или иной поступок, может воспользоваться своей родовой памятью, как копилкой, заранее взвешивая все достоинства и недостатки своего характера. Он имеет возможность просчитать, основываясь на опыте предков, возможные ошибки и сделать выводы. Родовитый человек, даже самого пылкого нрава, всегда ведет себя осторожно, руководствуется разумом. Тогда ему удастся преодолеть многие преграды, уходить из расставленных недругами ловушек.

– Потому я должен знать не только легенды, воспевающие величие нашего рода, но также всю его подноготную. Только ты один можешь поведать мне всю правду, не искажая ее ни в чем, – сказал Кучулук, вскочил и заметался в маленьком сурте, словно зверь в силках. – Ведь сам я еще не выстроил своей судьбы, и все мои достоинства и недостатки – наследство предков!

– Истинную правду говоришь. – Кехсэй-Сабарах во все глаза смотрел на своего мальчишку, еще не веря, что Хан так

быстро уловил суть его слов. – Жизнь человеческая подобна наконечнику длинной стрелы, выпущенной из лука.

– Все зависит от того, из чего сделан, кем и как был натянут лук и верно ли заточен и насажен наконечник. Так откуда пошла стрела моего рода и какова она?

– Ты думаешь, что готов выслушать правду, выдержать и понять?

– Выбора не дано. Я должен знать правду о своих предках, какой бы она ни была. Я рожден Ханом.

– Это слова настоящего правителя!

– Давай для ясности рассмотрим то, что произошло сегодня. Сейчас мне самому понятно, что я, в шутку переодев джасабыла Арсыбая в собственные одежды, не считаясь с твоим советом, рисковал не только своей жизнью, но и судьбой нашего народа. Теперь спрашиваю прямо. Только я такой уродился или в отце, в деде тоже были похожие черты?

– Хм... – Кехсэй Сабарах долго мялся, крякнул и заговорил опять иносказаниями: – Если покопаться в прошлом, то из старого сундука многое можно вытащить...

– Правду! Ты должен рассказать все по правде! Не бойся, что бросишь тень на святые лица моих предков или обидишь меня. Нет здесь никого постороннего. Ты говоришь только мне. А я должен знать это!

– Хорошо-хорошо. Только ты не наседай на меня так. Не горячись. Я уже немолод, надо собраться с мыслями. Думаю, как тебе объяснить....

– Говори прямо, – замер напротив старика Кучулук.

– Теперь я вспоминаю, что и дед, и отец твой на самом деле обладали нравом вспыльчивым, горячим, что вело иногда к опрометчивым поступкам. Очень часто в угоду своему характеру стремились воплотить в жизнь даже случайно влетевшие в голову мысли, а это почти всегда оборачивалось несчастьем.

– А если это были случаи, когда нужно было мгновенное решение, надо было ловить момент?!

– Бывало и такое, бывало. В решительные моменты они вели себя как герои. Но это не всегда оборачивается крупными победами. В жизни ничего не решается однозначно. Одно дело – уметь принять решение. Это очень важное качество для повелителя. Вот бедного Тогрул-Хана погубила его привычка слишком долго раздумывать, не принимая решения в неотложных вопросах, сомневаться именно в такие моменты.

– Я тоже слышал про это.

– Но это одна сторона. Другое дело – поймать удобный момент. Этот момент в девяти случаев из десяти нужно уметь подготовить! Пусть иные говорят: «Как ему везет!» Но ты о своем везении должен уметь позаботиться сам.

– Выходит, медлительность все-таки лучше горячности?

– Выходит, так. Но еще лучше – взвешенность суждений.

Не зря есть выражение: золотая середина.

– Значит, только тот, кто ходит по середке, сможет про-

жить свой век без больших ошибок и упущений? – Кучулук усмехнулся и опять уселся на подстилку, нахохлился, став похожим на хищную птицу. – Но ведь середка, она и есть – середка. Может, это и спокойная долгая жизнь, но – по середке! Без больших и уж тем более выдающихся побед и завоеваний!

– Как сказать... Лично я предпочел бы долгую, размеренную жизнь глупой смерти по собственной дури. А сколько на моих глазах сильных племен и родов оказывались истребленными под корень из-за большой горячности и пыла своих предводителей! О, таким орлам укорачивали крылья те, кто с виду казался телком, но обладал осторожностью и расчетливостью. Да можно ли вести войско по чужой стране без опаски, без оглядки?! – У Кехсэй Сабараха от волнения даже задрожал голос, и он невольно перенесся мысленно в прежние, счастливые для найманов времена. – Я делал переходы с войском в сотни мегенов!..

Кехсэй-Сабарах вдруг осекся, застыдившись, что позволил себе погордиться.

– Я знаю, мне не раз говорили, – поддержал его ученик, – что ты ни разу не попадал в засады и не оказывался в неожиданных ситуациях.

– Ладно, что прошлое ворошить. – Старику все же было неловко. – Прошло безвозвратно. Как будто ничего и не было.

– Но, по рассказам людей, тебя знавших, воевавших с то-

бой, выходило, что ты не был таким уж осторожным военачальником?

– Что теперь скрывать, дело давнее. – Старик усмехнулся: – Я был хвастуном.

Этого Кучулук никак не ожидал услышать.

– Да ну?! – не поверил он.

– Правда, сынок, правда. Уж я-то знаю. – Старик вздохнул. – Когда Хан хвалил, а люди возносили хоть малейшую мою удачу, мысли мои парили, язык развязывался. Признание людей окрыляет любого, даже самого посредственного человека. А если я видел, что Хан не понимает, не поддерживает меня, делает замечания или ругает, я терял всякую способность думать, падал духом.

– Видимо, это было так. Даже я помню, как огорчился тойоны, когда Хан тебя отстранил от руководства войском перед самым сражением с монголами, и ты не стал спорить. Кучулук заговорил с укором. – Молча и покорно согласился с его решением.

– С решением Хана не спорят. Нельзя спорить. Если Хан будет менять свои решения, то люди перестанут в него верить.

– Пусть так. Но слишком дорогой ценой заплатил отец и все найманы за это решение. Если б ты настаивал, я уверен, отец понял бы и послушал тебя. Тогда, возможно, не случилось бы столь страшной беды. – Кучулук, во власти вспыхнувшей досады, стукнул себя по колену.

– Задним числом мы все умны. Я сам не раз думал об этом и жалел. Хотя уверен в другом: до той поры при Тайан-Хане найманы не знали поражений, и он решил, что ему нет равных на всем свете, И никто, никакие доводы, никакая сила не заставили бы его изменить свое решение.

– Неужели мой отец Тайан-Хан был так самолюбив, что не стал бы слушать тебя, самого лучшего своего полководца, которому действительно не было равных? – Теперь в голосе Кучулука послышались грозные нотки.

– Никогда не имей привычку судить о прошлом с высоты сегодняшнего дня! – поднял голову Кехсэй Сабарах.

– Высотою сегодняшнего дня ты называешь черные дни, когда мы находимся в крайней нужде, вынуждены просить милостыню у чужих людей, пряча глаза от стыда?! – Кучулук смотрел в упор на своего старого советника.

– И тем не менее это так. Высота или ничтожность времени никогда не определяется ни богатством, ни счастьем. Ты на две головы стоишь выше своего отца.

– Каким это образом я, превратившийся в нищего, могу стоять над временами моего отца, прославившего найманов?! – Кучулук пожал плечами, широко раскинув руки. – Я, все войско которого состоит из трех нукеров, тогда как мой отец имел свыше двух сотен мегенов?! Все мое богатство вмещается в две сумы, а у отца были табуны, золото, у него было невиданное Ханство!

– Ты еще имеешь выжившего из ума советника, нерасто-

ропного, туповатого джасабыла...

– Да ты смеешься надо мной, старик?! – гневно воздел руки Кучулук. – Как смеешь ты потешаться над Ханом?!

– Вот теперь я узнаю потомка Тайан-Хана. А ты еще хочешь, чтобы с таким нравом он стал слушать меня, своего подчиненного. Тайан-Хан не стал бы менять своего решения, потому что никто из нас тогда и представить не мог, что монголы, еще недавно маленькое, жалкое племя, могут в считанные годы сделаться сильными и опасными! Никто не мог представить в полной мере то, что сегодня понятно каждому: воинское величие вождя монголов Чингисхана! И это первое, что делает тебя выше твоего отца: наш опыт. А второе... Как ты думаешь, что второе?

– Ну, говори уж, не тяни душу!

– То, что ты рано познал нужду, лишения.

– Ты полагаешь, это возвышает Хана?!

– Ты знаешь, что такое беда целого народа! А твой отец даже предположить тогда не мог. Тайан-Хан, подражая сарацинским Султанам, считал себя «земным отражением Господа Бога», а потому до глубины души истово верил, что Бог должен вызволить его из любой беды. Он и поплатился за грех гордыни, который не водился за нашими древними предками. Расплата легла и на твои плечи. Теперь дело в тебе: ты встанешь выше на три головы, если сделаешь выводы.

– Выводы я делаю! – с горечью воскликнул Кучулук. – Только что толку?! Если за мной – никого! Хан – без хан-

ства! Искра, одиноко метнувшаяся в небо из догоревшего костра! Вой сраженного марала, несущийся эхом по горному распадку!

– Не гневи Бога, спасшего тебя. Подумай: зачем Ему было угодно вывести тебя из огня?! И спасти меня, последнего из войска предков, послав с тобою?!

* * *

Кехсэй-Сабараха мучила бессонница. В голове по кругу неслись тревожные мысли о волнениях последних дней. Вспомнилось, как в детстве, разбуженный кем-то среди ночи, он всегда видел деда, сидящего у костра. Тогда ему казалось, что деду просто нравится смотреть на огонь!

Старый воин улыбнулся во тьме. Вздохнул. Сомкнул веки, силясь погрузиться в сон, но из крошечной тьмы выплыло широкое, бородатое, перекошенное гневом лицо Ынанча Билгэ-Хана. Кехсэй Сабараху даже почудилось, что на щеку ему попали брызги слюны грозного правителя.

Дед Кучулука, богатырь Ынанча Билгэ-Хан, по внешнему виду был совсем иным, чем его бледнолицый, жидкобородый сын Тайан-Хан. Они были разными и по характеру, но при этом тот и другой обладали таким нравом, что людям рядом с ними даже дышать становилось трудно. Оба умели подавлять волю человека.

Дед умер еще до рождения Кучулука. И отца он видел

немного. Но кровь есть кровь: Кучулук с юных лет паразитично похож и на деда, и на отца.

Кехсэй-Сабарах после бесполезных попыток уснуть поднялся и вышел из сурта.

Небо было сплошь затянуто облаками. Больше прежнего придавливало душу. Кехсэй-Сабарах подставил ладонь, пытаясь определить, моросит ли? Но руку овеял странный сухой ветер, которого, казалось бы, не должно быть при таких тучах. И в этом тоже померещился знак: ни дождя, ни про света. Ни в чем не было ясности!

Кровь кровью, но бедняга Кучулук, еще не созрев умом, попал в столь страшные передраги, встретил столько унижения, что вряд ли на его месте и отец, и дед выстояли бы духом. А парня беды только закалили.

Сейчас старый воин сожалел лишь о том, что он, водивший в бой тумены, никогда не занимался воспитанием. Это был громадный стратегический просчет всех найманов. Монголы в этом преуспели. Кехсэй-Сабарах вспомнил разговор с великим стариком Аргасом, которому Тэмучин доверил обучение десятилетних подростков – отпрысков знатных родов. Когда Кехсэй-Сабарах увидел этих ребят во время состязаний на лучшего мергена – самого меткого стрелка, – то испытал восхищение и оторопь. Казалось, будто под юными лицами, словно под масками, скрыты взрослые мужи. Сильные, умелые, хваткие, расторопные и вместе с тем – степенные, когда надо, спокойные. Счастливые люди, при-

шедшие править на века!

Старик Аргас старался вникнуть в любые вопросы, говорил с ними на равных, направлял их мысли и энергию в нужное русло, умел развить лучшее в них. Был добр и вместе с тем строг, заботлив и суров.

«Вот бы, – не раз сожалел Кехсэй-Сабарах, – Кучулук попал в такие руки, какой бы из него получился правитель!»

Обучение будущего полководца ли, правителя ли – дело тонкое! Это высокое мастерство не каждому дано. И боевой навык не всегда здесь пригоден. Нужно что-то в душе иметь, любить воспитанника и при этом уметь верно оценить любой поступок его. И себе не давать покоя, с себя уметь спрашивать. Так что неизвестно, кого он, Кехсэй-Сабарах, сейчас больше воспитывал: Кучулука или себя. Постоянно, почти каждый миг, он видел себя со стороны, как бы глазами монгола Аргаса, он уж и сам иногда начинал казаться себе Аргасом.

Аргас умел добиваться результата – ученики на него не обижались, когда он был строг, не ленились и не теряли выправки, когда становился мягок. Но Аргас владел словом, зная кроме воинского искусства бесконечное множество преданий и книг. А что бедный Кучулук может получить от него, косноязычного вояки? Ведь по большому счету он ничего не знает, и память его мало что сохранила, кроме походов, битв и сражений. Вся жизнь – поход и сражение. А мирное бытие – это парение в пространстве, где нет видимых

троп, перевалов или ущелий. Как научить птенца орлиному полету?

Глава пятая

Чао-линь

Из главы «Забота о Государстве»:

Сунь-цзы сказал: «Правя государством и управляя армией, надлежит учить общественным нормам, воодушевлять сознанием долга, внушить чувство чести.

Когда у людей есть чувство чести, в большом государстве этого достаточно, чтобы защищаться.

Поэтому и сказано: когда государства Поднебесной воюют, то у тех, кто победит пять раз, случается несчастье; кто победит четыре раза, тот ослабевает; кто победит три раза – становится ванном; кто победит один раз – становится верховным властителем. Мало таких, кто овладел Поднебесной частыми победами, но много таких, кто от этих побед погибал».

Сунь-цзы, «Трактат о военном искусстве» (IV в. до н. э.)

из книги Н.И. Конрада «Избранные труды» (XXв.)

Давно подмечено, что в решительные моменты избранникам судьбы помогают свыше неведомые силы, оставляя в живых там, где, казалось бы, их ждала неминуемая гибель, позволяя одерживать победы, когда все шло к поражению. Небеса словно ведут этих редких людей, вкладывая в их головы

и сердца недоступные обычному человеку разум и страсть; или же Божьи избранники сами вырастают духом своим до шири и глубины небес.

И тогда ведомое таким избранником никому неизвестное слабое племя вдруг сплачивает под своими знаменами прежде соперничавшие или даже кровно враждовавшие друг с другом народы, которых начинает вдохновлять собственное единодушие, и они стремительно распространяются по белу свету, перелицовывая его на новый лад.

А иные племена, будучи многочисленными и некогда дружными, вдруг без видимой причины рассыпаются на сотни групп, хиреют. Так случилось с великим, в течение многих веков безраздельно властвовавшим в пределах досягаемых земель народом хани, при одном имени которого вожди больших стран опускали глаза. Хани распались, близкие и родные по крови люди стали соперниками или даже врагами и как следствие сначала оказались покоренными воинственными киданями, а потом – доселе мало заметными и кровавыми чжурчженами.

Что же это такое?

А что может быть, кроме воли Божьей? Но как человеку не удивляться и не поражаться этому?

Однако, если перебрать по крупницам хаос былого, вытягивая, как нить из пряжи, череду поступков и событий, то всему находится объяснение, жизнь сплетается в обозримый единый ковер, и в нем открываются недостающие клеточки,

в которые словно провалились целые народы и страны.

Полвека назад, после того знаменательного совета Ила, кажется, на следующий год, весной, привели к Алтан-Хану плененного вождя одного из вечно враждующих между собой татарских родов Амбагай-Хана.

Амбагай-Хана захватили в нарушение всех обычаев и неписаных законов, не задумываясь о последствиях: в мирное время прямо на свадьбе его собственной дочери. В дополнение к содеянному бесчинству Алтан-Хан велел распять пленника на столбе и так возить тело повсюду, выставляя, как чучело, на показ и поругание.

Может, никто и не понял и не оценил сразу, насколько эти деяния были оскорблением достоинства не только для племени Амбагай-Хана, но и для всякого народа, почитающего обычаи предков.

Втоптать в грязь понятия, впитавшиеся в кровь степняков за долгие века, не считаться с ними – удел сброда, не имеющего прочных корней, обреченного на короткую жизнь. А для владыки великой страны – подобное было втройне непростительным.

Как бы то ни было, что могло породить обречение на позор вождя, любимого своим народом, кроме лютой враждебности и жажды мести?

Говорят, Чингисхан, которому вот уже несколько лет нет равных по всей бескрайней Степи, близкий кровный родственник Амбагай-Хана. Это наверняка правда. У тюрков

и пришельцев, которые называют себя «монголами», Ханами становятся только отпрыски одного древнего рода. Так что не ошибешься, если назовешь всех этих монголов, стремительно носящихся на своих неприхотливых лошадях, людьми, вскормленными на ненависти и чувстве мести, настаивавшимися на этих сильных чувствах, как кумыс на закваске.

* * *

На китайские земли во все времена любая беда приходила с севера. Ибо с запада и юга их защищали неприступные горные вершины, а с востока – океан. Не зря же предки выстроили Великую стену в качестве надежного щита от северных недругов.

Долгое время неукоснительно выполнялся указ: никого не выпускать за пределы Стены! Но постепенно, когда народу при спокойной жизни наплодилось слишком много и не стало хватать провизии, мужчинам разрешили покидать пределы Стены. Потому что знали: стоит выпустить женщин, люди начнут вить семейные гнезда, обосновываться, множиться, появятся поселки и, может быть, города.

Так и произошло, когда во времена чжурчженев суровый запрет был смягчен, женщины подались за ворота Стены вместе с мужчинами, и скоро на вольные земельные просторы хлынул целый поток народу. Конечно же, казалось, ниче-

го плохого в осваивании новых площадей, расширении границ имеющихся владений не может быть. Наоборот, страна прирастала пахотными и охотничьими угодьями! И запоздало пришло понимание, что в ограничениях, некогда введенных специальным указом, было свое здоровое начало.

В запретном указе заключалась простая, но мощная стратегия национальной безопасности: закрыл ворота – и живи спокойно. В тесноте, как говорится, да не в обиде! Теперь на севере, по ту сторону Стены, были свои, и при нападении врага их надо было или защитить, или успеть впустить, оставляя добытчикам выращенный ими урожай и живность.

Великая стена в течение тысячелетий определяла направление жизни всего Китая. И эту зависимость в век, другой – не ломать! За Стеной – человек тут же начинал чувствовать себя мишенью для подготовки мэргэна – умелого стрелка. Тем более, что по соседству несло охрану границ монгольское войско. Поэтому те, кто остался за Великой стеной, кем бы они ни были и как бы ни были вооружены, стали дрожать от страха, когда ворота, по особому разрешению впус-тив или выпустив путников, вновь наглухо запирали.

Так поступать было нельзя, но Чао-Линь, как ни силился, как ни напрягал мозги в поисках путей спасения своего народа, ничего иного придумать не мог. Ворота захлопнулись, и среди людей по ту сторону Великой стены начались нешуточные волнения. Появились вожаки, призывавшие бросить все нажитое и сообща вернуться восвояси. Казне такой по-

ворот дела был невыгоден: подати с новых земель приносили доход, кормили стражников. Да и что значит вернуться? Потеснить кого-то, кто живет по эту сторону Стены, а это повлечет новые волнения! Наконец, какой хозяин может отказать от освоенных земных владений?

Глава улуса Чао-Линь покашлял, побряхтел, но вдруг застыл от неожиданно мелькнувшей мысли: а что, если ему со всеми улусными тюсюмялами выехать и демонстративно поселиться за Стеной?! Неужели и тогда люди не обретут уверенность?

Была одна опасность.

Не заподозрят ли его люди Алтан-Хана в сговоре с монголами? В таком случае нужно представить дело так, будто он действует не по своей воле, а согласно распоряжению сверху.

Когда Чао-Линь подошел к Стене, ворота крепости были наглухо закрыты, будто война уже началась. Потребовал начальника поста, но стражник-чжурчжен не тронулся с места, заявив, что тот занят. И тогда Чао-Линь, несмотря на ночь, отправил своих людей к Алтан-Хану.

Через два дня от Алтан-Хана пришло письменное распоряжение о немедленном переезде Чао-Линя со всеми тюсюмялами за Стену. Не мешкая, Чао-Линь с придворными и челядью выехали за ворота.

С появлением Чао-Линя тревога людей, живших за Стеной, действительно, несколько улеглась, население почувствовало себя увереннее, и жизнь до поры до времени вроде

вернулась в прежнюю колею.

Монгольские войска при этом мирно стояли неподалеку, на видимом расстоянии, не приближаясь к Стене, далеко не отлучаясь из своего лагеря, не растоптав на обихоженной китайцами территории ни травинки.

Некогда паниковавшие жители постепенно и сами попри-
выкли к монголам, будто так и надо: стоит в сторонке чужое войско, да и пусть себе стоит.

Дней через десять почти с тремя тюэнами пешего войска в крепость прибыл новый глава охраны – Джен-Джемин. И тут же выгнал бывшего военачальника Сун-Чоя за стены вместе со всем старым гарнизоном.

Что тут началось! Воины, годами томившиеся в крепости, вырвавшись на свободу, по привычке к мздоимству начали грабить и мародерствовать, не зная меры. Потерпевшие бежали жаловаться к правителю.

Чао-Линь попытался объяснить с Сун-Чоем. Но тот, вместо того чтобы урезонить своих подчиненных, принялся хохотать во все горло:

– Пусть потерпят всего несколько дней свое собственное войско! Ведь мы за них же будем жертвовать своими жизнями!

– Да ты что, друг, не говори так! Ведь вы сами выбрали судьбу воинов. Люди-то в этом не виноваты.

– И мы ни в чем не виноваты! – Сун-Чой будто не замечал, что перед ним сидит ровесник его отца. – Почему же мы

должны воевать и умирать ради вас?!

– Я не нанимал вас в качестве войска, так что ты передо мной не заносись! Не забывай, что давал клятву перед Алтан-Ханом, что будешь защищать свой народ, свою землю! Хочешь вымести на беззащитных людях злобу на нового командующего, выгнавшего тебя из крепости?

Услышав имя Алтан-Хана, Сун-Чой вмиг замолчал. Но, судя по тому, как задрожал выпирающий клинком подбородок, он не смирился, а просто затаил злобу.

* * *

Всю ночь моросил мелкий дождь. Но к утру прояснилось, солнце засветило еще ярче. Поблекшая было от засухи природа опять ожила, заиграла всеми цветами. По влажному воздуху плыли густые ароматы разных трав и деревьев.

Чао-Линь отправился в путь до рассвета, чтобы застать нового главнокомандующего, так что вошел в крепость к пробуждению людей. По влажным каменным ступеням поднялся наверх. Хорошо знакомые узкие каменные коридоры вели в светлую комнату с высокими окнами.

Джен-Джемин оказался совсем молодым человеком, что было неожиданно для военачальника с такой высокой должностью. Вышел навстречу, как ученик, встретил старика поклоном. Это тоже удивило Чао-Линя, но он хорошо понимал, что это дань его возрасту, доброму имени, не запятнан-

ному за многие годы правления этой областью.

После дежурных фраз, подобающих случаю, за чаем повели неспешную беседу.

– Мне очень понравилось, что ты сам выехал за Стену, тем самым успокоил взбудораженных жителей. Потому и велел Сун-Чою выехать из крепости, чтобы стал тебе подмогой. Да и Монголы будут вести себя осторожнее рядом с таким войском.

– Монголы ведут себя так тихо, будто нет в той стороне живой души. Никого не трогают, конные же части даже посева объезжают, чтобы не топтать. А что касается нашего войска, то радости от его защиты не испытываю.

– Почему?

– Едва выйдя из крепости, воины Сун-Чоя тут же начали мародерствовать, грабить собственный народ. Окончательно расшатали и без того неустойчивое положение. Да и уж больно обидно терпеть унижения от собственного войска!

– Выясним! – еле выдавил из себя Джен-Джемин, изменившись в лице. Какое-то время он молчал, отвернувшись к узкому окну. Вновь заговорил уже пылко и яростно: – Ну вот! Другие народы набирают в свои войска самых достойных людей, лучших из лучших. А у нас, наоборот, специально отбирают всякие отбросы, жуликов, тех, кто ни к чему не приспособлен. И откуда после этого взяться хорошему войску? Вот где лежит корень наших бед! К доброму, разумному они глухи, им понятен лишь язык кнута!

Чао-Линь в очередной раз поразился смелости высказывания и остроте ума столь юного полководца.

Понимая, сколь опасными могут быть последствия подобных выводов для начальника такого ранга, достигни они ушей командования чжурчженев, он тихо произнес:

– Это уже давно удручает меня. Но пусть твои сетования останутся между нами. Вряд ли они понравятся правящей нации.

– Пусть! Сейчас идет война. Пришло наше время. Теперь они вынуждены слушать нас, считаться с нами.

С досадой и горечью Джен-Джемин смотрел в пространство, и взгляд его преображался. Похоже, там, вдали, виделось ему иное войско, с иным, разумным, строем рядов и гордой статью ратников.

– Война не продлится вечно. Скоро придет ей конец. И опять настанут бесконечно долгие дни торжества всяких донощиков, интриганов, шептунов. Вот о чем я печалюсь.

– Это еще нескоро. Ты правильно предупреждаешь, как старший. Но разве не станут куцыми и сами мысли, если постоянно говорить с оглядкой, прикусывать язык, так и не сказав вящего слова? – прищурился Джен-Джемин, будто от боли.

– Умный человек пойдет далеко, если только не будет попадаться в разные ловушки, сумеет заранее предугадать и обойти опасные места. Я прожил на свете немало, хорошо это знаю. Напролом идти всегда невыгодно и опасно. Всегда

лучше найти обходные пути, если есть такая возможность.

– Благодарю за совет. Вы первый, кто мне говорит открыто обо всем, предостерегая от опасности. А мне нужен хороший советник, который бы честно и прямо указывал на мои ошибки или неудачные ходы.

– Хорошо. Но не покажется ли тебе, что я пытаюсь поучать столь высокое лицо, каким ты являешься, не станешь ли обижаться? – Чао-Линь испытующе посмотрел на молодого человека, похожего на прилежного ученика.

– Буду всегда стараться понять предупреждения старшего, пытающегося меня защитить, уберечь, желающего мне добра, – сказал Джен-Джемин. – Есть еще одна просьба. Хоть и кажется, что у меня много разведчиков и лазутчиков, но утверждать, что знаю истинное положение вещей, трудно. А мне необходимо постоянно знать, в чем сила и слабость врага в данный момент. Вы не могли бы как можно ближе сойтись с монголами, познакомиться с ними? Потому что такому мудрецу, как вы, достаточно глянуть краем глаза, услышать краешками ушей, чтобы потом делать глубокие выводы.

– Да... возложил ты на меня тяжелую и опасную задачу... если услышат об этом верховные власти, неизвестно, в чем они заподозрят меня...

– О нучах разговор отдельный. Сейчас мы не должны отвлекаться на страдания по поводу их реакции, мы должны думать лишь об одном: как вызволить из этой беды наш на-

род, страну без потерь. А если это неизбежно, то хотя бы уменьшить несчастья.

– В корне будет неправильно ставить задачу выхода без потерь. Потому что на войне нет ничего опаснее, чем недооценивать истинные возможности врага.

– Хотите сказать, что монголы настолько опасны? – Джен-Джемин удивленно посмотрел на старика. – Ведь их в десятки раз меньше нас! У меня достоверные данные.

– Пусть. Немало было случаев, когда многочисленное, но неорганизованное, расшатанное войско терпело поражение от малочисленного, но сплоченного и уверенного в себе войска.

– В любом случае много – это всегда много... Хотя я, может, чего-то недопонимаю? Надо разобраться в этом внимательно. – Джен-Джемин молча смотрел на Чао-Линя с задумчивым видом. Потом продолжил: – По правде говоря, я всегда удивлялся монголам: на что рассчитывает эта горстка, наступая на такую могучую страну?

– Не надо делать окончательные выводы. Война всегда имеет какие-то тайные законы, не подвластные человеческому разуму. Не зря ведь во время войны часто происходит что-то непонятное.

– Но почему так?

– Кто знает... Можно только догадываться, что в ход войны, видимо, вмешиваются какие-то невидимые силы, Высшие Божества.

– Хм... – Джен-Джемин был озадачен, но промолчал. Просто посмотрел на старика. – Возможно.

– Так что могу посоветовать лишь одно: перед боем нельзя ни на что полностью полагаться и нужно быть готовым к любому повороту событий, всегда быть начеку.

* * *

Чао-Линь возвращался из крепости воодушевленный, обнадеженный. Казалось, будто все вокруг стало краше. Какой парень! Как хорошо, что есть он – светлый мыслями, наделенный способностью так вольно и свободно, по-настоящему смело рассуждать! Вот тебе, старый ворчун, приунывший, что многолетнее верховенство чужой нации окончательно подавило саму способность думать! Есть люди! И всегда будут! Пусть хоть как гнетут, но подобно тому, как из-под кучи навоза пробивается яркая зелень, ничто не может остановить развитие! Да будет так!

Нужно помочь этому мальчику чем только возможно, нужно его беречь!

Конные воины из сопровождения, скакавшие впереди, попытались разогнать нагайками толпу, перегородившую дорогу. Подъехав, выяснили, что люди поджидали его, чтобы пожаловаться в очередной раз на воинов Сун-Чоя, сегодня опять угнавших прямо на глазах хозяев несколько голов скота.

Как бы ни гневался про себя Чао-Линь, промолчал, зная, что ничем не сможет помочь. Наверняка скот уже забит, съеден, не вернуть.

На следующий день из крепости выехала группа высокопоставленных тойонов, около тридцати человек. Выстроили войско Сун-Чоя на поле, вывели из строя около сотни виновных в разбоях за последние дни. Привязали их к столбам, повесили на груди таблички с иероглифом «вор», целый день возили по селениям напоказ, а к вечеру всех казнили. Обезглавили.

* * *

Чао-Линь пригласил к себе купцов из числа сартелов, монголов, уйгуров и других племен, давно уже имевших торговлю здесь, угостил на славу, оказал почести. Расспрашивал о состоянии дел, о том, чем торгуют, сделал заказы на следующий год, перечислив, в чем остро нуждается улус, какой товар будет пользоваться спросом, будто ничего не случилось.

Сразу чувствуется, что купцы прекрасно осведомлены, какие наступают дни. Суровые, уверенные и хитроумные люди, из любой ситуации извлекающие для себя выгоду, умеющие вовремя отойти в сторонку, получив свой куш. Кажется, для настоящего купца не существует таких понятий, как родина, родной народ.

Подобно птицам-падальщикам, их становится особенно много перед грядущими войнами и после них. Но стоит начаться самим сражениям, они словно растворяются, затаившись где-то в ожидании.

Что поделаешь, такова уж купеческая природа.

В любое время без купцов не обойтись, как иначе удовлетворить запросы улуса? Чао-Линь прекрасно понимал это, так как постоянно имел дело с ними.

И на этот раз по изменившимся повадкам и поведению своих гостей, до приторности проявляя к ним любезность, будто находясь рядом с больными, он понял, что купцы абсолютно уверены в неминуемой и скорой победе монголов. Чао-Линь также старался быть подчеркнуто вежливым и спокойным, скрывая обескураженность и откровенный испуг.

Увы, это была не та обычная азартная игра равных соперников, в которой, выведывая тайны, одерживал победу более искусный! Купцы трезво оценивали ситуацию, избегали откровений, говорили с оглядкой, будто монгольские тойоны находились прямо за их спинами. Если купцы так опасались монголов, значит, те действительно очень сильны, имея крепкое основание быть уверенными в победе над войском, в сотни раз превышающим по численности их собственную рать.

Нужно срочно довести эти сведения до Джен-Джемина.

Глава шестая

В чем корень беды?

Конфедерация г. до н. э. представляла собой новую попытку спасти китайское общество от опасности перманентной войны, которая не только не ослабла, но и стала всеобщей братоубийственной войной. На сей раз две великие державы, которые в течение восьмидесяти восьми лет сражались за гегемонию, подчинились авторитету Сун – самого старого и наиболее уважаемого из маленьких государств центра. Они были вынуждены отказаться от взаимных претензий и согласиться с коллективным главенством Центральной конфедерации на платформе взаимного равенства. Так мудрая государственная дипломатия действительно обеспечила передышку для уже изрядно подорванных социальных тканей Китая.

Арнольд Джозеф Тойнби (1889–1975)

Теперь Джен-Джемин лично со всеми своими приближенными вышел из крепости, чтобы поближе рассмотреть монгольское войско. Выслушал отчеты наблюдателей, специально расставленных, чтобы следить за каждым шагом монголов, делать сводку донесений, обобщенные результаты которых регулярно отправлялись в столицу. Сун-Чой получил

такой нагоняй, что со страху превратился в зайку. Так, стуча зубами, дал главнокомандующему слово: завтра же принять срочные меры для поднятия боевой подготовки и морального настроя в войске.

На обратном пути Джен-Джемин заехал к Чао-Линю. В доме, говорят, и стены слышат, поэтому управители окраинного улуса, отправились в чистое поле, чтоб поговорить без посторонних ушей.

– Монголы стоят смирно, не похоже, чтобы они собирались немедленно начать сражение. Да и маловато их, кажется. Может, торопимся мы поднимать тревогу по первым доносениям разведчиков? – посмотрел в монгольскую сторону Джен-Джемин.

– Боюсь, не оказалось бы поздно, – туда же поглядывал и Чао-Линь. – Монголы в повседневной жизни кажутся чрезмерно спокойными и даже медлительными. Но они легки на подъем, действуют, словно единый организм. Необыкновенно чутки. Вроде спят глубоким сном, но стоит загрохотать барабанам, не успеешь выкурить трубку, как целый тумен стоит строем в полной боевой готовности.

– В самом деле?! – воскликнул Джен-Джемин.

– Я говорю то, о чем точно знаю и что видел своими глазами. – Старик глубоко вздохнул. – В сравнении с ними наши люди могут выглядеть расторопными: суется, бегают, но стоит пробить тревогу, будут копошиться полдня, пока их соберешь и построишь.

– А почему так получается? Почему мы расторопны, когда дело касается нас лично, и так медлительны и неповоротливы, когда речь идет об общем деле?

– Когда-то наши предки были необыкновенно сплоченными: шутка ли – сумели построить такую стену! – Чао-Линь повел рукой вдоль Великой стены, показавшейся в этот миг исполинской. – Потом, это уже на моем веку, нучи из забитых и тупоголовых вдруг стали сметливыми и быстрыми. Не зря же они одолели нас. Развивающийся народ всегда бывает более энергичным, сильным.

Джен-Джемин все смотрел на Стену, будто видел ее впервые.

– Да, истинно, такое под силу только Богам! – Он с прищуром коротко глянул на старшего друга. – Значит, ты хочешь сказать, что настало время монголов?

– Но ведь складывается так по всем признакам. – Чао-Линь понизил голос и оглянулся, хоть и было их всего двое в поле. – На мой взгляд, при малом числе, крепко сбитые в стаю, смелые, воинственные, хорошо обученные, монгольские воины смогут победить армию, превосходящую в десятки и, может быть, в сотни раз.

В глубокой задумчивости Чао-Линь вновь посмотрел в сторону монголов.

– Неужели?! Неужели такая горстка монголов сможет одолеть нас? – прошептал Джен-Джемин ошеломленно. – Да не может этого быть, не может быть!

– Смогут ли они одолеть нас, я не знаю. Война – не мое ремесло. Я стал хозяином улуса еще до твоего рождения. Всю жизнь руководил людьми, занимающимися земледелием. Так что могу и ошибаться. Мне самому очень хотелось бы ошибиться! Но вижу, что монголы очень, чрезвычайно опасны. Меня особенно поражает их нечеловеческая дисциплина. Ну, не может человек с оружием в руках среди чужого народа быть таким смирным, послушным!

– Согласен. Как бы там ни было, мы с тобой условимся ничего друг от друга не скрывать. – Джен-Джемин опять огляделся вокруг. – Чтобы принять верное решение, мне нужна правда, какой бы горькой она ни была. Хорошо?

– Хорошо.

* * *

В тот вечер порадовали купцы. Старик не знал, что бы такое придумать, чтобы, не вызывая подозрений, каждый раз самому не приглашая их, а как бы ненароком выведывать сведения. Он уж им и по дороге «совершенно случайно» встречался, заранее узнав маршрут, и товары приходил рассматривать, будто приценивался. Но бестию-купца не проведешь! Он товар-то показывает, расхваливает, заодно не теряя надежду, что под сурдинку удастся всучить тебе какой-нибудь заваливающий хлам, а сам улыбается, отлично понимая, зачем пожаловал глава улуса. И вдруг купцы явились

сами, без приглашения.

И были среди них такие важные персоны, как Игидей, Сархай, Махмут. Давние знакомые!

– Закрыли ворота Великой стены, ограничили свободный торговый оборот, мы терпим большие убытки, – заговорил от имени всех купцов Игидей.

– Мы попытались поговорить со здешним военачальником Сун-Чоєм, – поддержал его Сархай, – да ничего не получилось. Он, как это свойственно молодым воинам, к торговым людям относится с небрежением. Даже разговаривать не пожелал!

– Зато сразу затребовал провизию! – добавил Махмут.

– Друзья, чем я-то могу помочь? – стал на купеческий манер хитрить и Чао-Линь. – В спокойное время – пожалуйста. Это было в моей власти решить: открывать или закрывать ворота. А теперь, когда, как вы сами видите, существует военная угроза, это дело военных. – Чао-Линю хотелось, чтобы купцы заговорили про военную обстановку.

– Ты старый человек, сам прекрасно понимаешь, что ограничение свободной торговли никому ничего хорошего не может принести, – гнул свою линию Игидей. – Уже сегодня не хватает продуктов, товаров. А завтра пойдут народные волнения и недовольства.

– Понимаю, понимаю, – вздохнул Чао-Линь. – Так что нам лучше действовать сообща! Я завтра же отправлюсь в крепость вместе с вашими представителями, попробуем перегово-

ворить с военачальником. Он человек, действительно, молодой, новый, прибыл всего несколько дней назад, но, на мой взгляд, очень разумный. Обратимся к нему с вашей просьбой.

– Спасибо тебе, – поклонился Сархай.

– Будто гора с плеч, – вздохнул Махмут.

– Мы пойдем с радостью! – оживились купцы. Стали собираться к выходу, понимая так, что дело на сегодня кончено.

Но у Чао-Линя были свои планы.

– Благодарить меня пока рано, – сложил он руки на груди, улыбаясь. – А уж раз пришли в кои-то веки, будет не по-китайски выпроводить гостей, не напоив чаем. А у меня чай особый! Прошу вас в комнату для чайных церемоний, друзья, посидим, поговорим спокойно, не спеша!

Одним чаем не обошлось. Были и пельмени цзунцзы, сложенные из бамбуковых листьев, начиненные рисом, кусочками свинины, солеными каштанами и чесноком: по поверью, цзунцзы ограждали людей от разных напастей. Подали и вино, смешанное с растолченным алым камнем реальгаром, имеющим целительные свойства.

– Китайская земля испокон веков славится развитой торговлей, может, потому Китай и стал так велик, – начал изда- лека Чао-Линь. – По моему мнению, страна с суровым отношением к купцу становится на путь упадка, а развитие торговли укрепляет устои жизни, дает толчок развитию мысли.

– Это так, – масляно зарделся Сархай. – Но не каждый правитель улуса так глубоко понимает значение торговли в жизни народа и государства. Не каждый бывает так радушен! Спасибо тебе за почет и угощение.

– Мы очень рады и бесконечно благодарны тебе, что ты сразу понял нашу нужду и поддержал нас, – кротко склонил голову Игидей.

– Но нечасто удается собраться вот так, – сладко улыбнулся Чао-Линь, поворачивая ход беседы в свою сторону. – Вы, путешественники, ездите по всему миру, многое видите, знаете. А мы, люди оседлые, недвигающиеся с места, подобно лежащему черному камню, врастаем в землю, покрываемся мхом и плесенью, живем в неведении о новостях иного мира. Что там, как? Единственная возможность что-либо узнать – это услышать ваши рассказы о житье-бытье в чужих краях?

– Что-что, а рассказывать-то нам есть о чем! – приосанился один из молодых купцов. – Вот недавно...

– Вы правы, почтеннейший, ездить приходится немало! – не дал ему развить мысль, понизив тон, Махмут. – Пословицу про волка, которого ноги кормят, люди, наверное, придумали про купцов. Чем больше у купца троп, тем шире его возможности.

– И шире возможности торгующих народов...

Чао-Линь, подчеркнуто проявляя внимание, одобрительно кивая, наблюдал за именитыми купцами и удивлялся их спокойствию и выдержке. Можно было подумать, будто го-

стей вовсе не волнует все растущее напряжение военной обстановки и причина закрытия ворот для них совершенно не важна, а тревожит лишь благосостояние царей и народов, которое может уменьшиться из-за нарушения отлаженной системы торговли. Ну, не могли они не понимать, что возможные грядущие события, а проще говоря, война, не приведет к гибели одной из сторон. Купцы даже были уверены, знали почти наверняка, какой именно. Если не чудо! Поэтому он заговорил напрямую:

– Мы, скрывать не буду, сильно встревожены сосредоточением в этих местах невиданных доселе по численности монгольских войск. Что будет дальше, чем все это обернется? Не зря же монголы стягивают сюда войска, перебрасывая их даже через пустыню Гоби?

– Тревога ваша обоснованна. – Купец Сархай еще больше вытянул свою гусиную шею. – Война ничего, кроме беды, никогда не приносит. Везде и всюду войну сопровождают смерть, слезы и голод.

– Но никто разрешения начать войну у нас не спрашивает, – сказал Чао-Линь. – Это всегда как гром с небес или дождь: нужно исходить из обстоятельств. Но во время ливня хорошо тому, кто захватил с собой зонт или заранее приоткрыл дерево, под которым можно спрятаться.

– Вот так всегда! – потряс Сархай кулаком. – Хотим добра, думаем о богатстве, и ведь каждый здесь скажет, что не только для себя: хотим, чтобы все жили в сытости и достатке. А

чуть эти воины взяли за мечи, наострили копья и стрелы, помираем от страха, будто мы твари бездумные и бессловесные! Да кто они такие без нас, кто им дал право так с нами обращаться?!

Гневная тирада Сархая не вызвала у друзей никакого отклика. Только Чао-Линь чуть кашлянул в сложенную ладонь.

– Здесь, вблизи Великой стены, на рубеже страны, – заговорил он, скосив глаза куда-то в сторону, – приходится хорошенько подумать, прежде чем сказать. Вам, иноземным купцам, может казаться, что если кто-то не нуждается в вашем товаре, то не обращает на вас внимания. Не сомневайтесь, что каждое ваше слово берется на учет, как бусинки нанизываются на нить.

Купцы накрепко сомкнули губы, сгорбились, как по команде: стали похожи на сусликов у дороги. Теперь кашлянул Сархай. Распрямился, как селезень перед гусыней.

– Пока жив человек, нельзя запретить ему думать и высказывать свои мысли. Там, где руководствуются запретами, жди беды. На страхе долго людей не удержишь. Страна, где все подданные вслух говорят лесть, а гадости прячут глубже в душу, обречена на гибель. Это истина, в которой я не раз убеждался за долгие годы странствий. Я всю жизнь торгую оружием, хорошо знаю военных. Для них война – главный смысл жизни, средство наживы, возможность добиться чинов и должностей. Если мир длится долго, они начинают вырождаться. Так что расплодишь слишком много военных

– они все сделают, но обязательно доведут дело до войны. К тому же, видя, как множится твое войско, соседи тоже начинают спешно вооружаться из предосторожности.

– Ну, что мы-то можем сделать?! Протестовать?! – рассмеялся купец Махмут. – Собака лает – караван идет!

– Пусть! Но собака должна лаять, корова – мычать. А человек должен вслух высказывать свои мысли! – горячился Сархай. – Нельзя жить с камнем на сердце!

– Мы все страшно опасаемся, что начнется война, – попытался перевести разговор на спокойный лад Чао-Линь.

– А тебе-то что особо тревожиться?! – рубанул Сархай. – Пусть военные тревожатся, охрана! Что, у тебя своих забот мало? Твое дело – руководить улусом, растить урожай! Это – твой путь. У нас другой путь – торговля. Если хочешь быть живым и здоровым, оставь войну военным. Пусть они оспаривают первенство. Тогда и не надо будет за слова свои бояться!

– Но ведь ты только что...

– Да. Я говорил лишь о природе войны. – Сархай все еще не уступал. – А если нет никакой возможности остановить войну, приходится только отойти в сторону...

– Вроде так и получается... – Чао-Линь только и смог, что согласиться обескураженно, не находя что противопоставить такой логике.

– Война – все равно что стихийное бедствие, пожар или наводнение, в живых остается лишь тот, кто заранее опре-

делил, подготовил пути спасения, – спокойно объяснял Махмут. Любо-дорого было смотреть на его могучее сложение: уж такой-то богатырь наверняка знал надежный способ спастись от любой беды.

Чао-Линя поразили не слова купцов, известно – язык без костей, а их странное спокойствие. Ведь каждому понятно: если разгорится война, любому человеку сложно будет выжить в обстановке паники и общего смятения. Кому, как не купцам, знать про это. Но почему они так спокойны? Видимо, им ведомо что-то такое, о чем он даже не подозревает. Что именно?

Купцы – такая человеческая разновидность, которой неважно, кто победит, а кто погибнет. Они, подобно питающимся падалью птицам, обзирают все со стороны. Дармовая добыча появится, когда по любую, а еще лучше – сразу по обе стороны Стены, начнется голод.

Для них заботы о войне и мире – пустое дело. Торговать, подсчитывать барыши – вот их интерес!

Известно, что истина – это правда, о которой все много пекутся, но мало кто при этом не гребет, как курица, под себя. А мысль, высказанная искренне, во весь голос, звучит порой нелепо, хуже того – кажется опасной.

– Да и мы часто встречаем во что-нибудь, не понимая сути, – добавил Махмут, мрачно поглаживая густую, окладистую, рыжеватую с проседью, бороду. – Ничего никому даром не дается, и нам, купцам, чтоб чего-то достичь, всю

жизнь приходится трудиться в поте лица, бегать, рыскать, словно зверь, не зная отдыха, по всему миру. А сколько поклонов надо отбить, сколько унижений вынести, чтобы нажать состояние! И всегда существует опасность разом лишиться всего! Поэтому, ради сохранения своего нажитого имущества, приходится в любом случае принимать сторону более сильного.

– Все имеет свои русла и берега, – вступил в разговор Игидей. – Конечно же, лучше не прыгать с головой в омут, а сплавляться по течению, держась берега.

– Если подходить к жизни по учению о мудрости, то, наверное, вы правы, – закивал Чао-Линь. – Вы, купцы, люди свободные, можете выбирать: плыть, сидеть на берегу или вообще уйти в иные земли. А нам, слугам императора, что ни нагрять, приходится лезть в полымя, подставлять голову, воочию видя и понимая всю опасность положения. Не могу же я уйти, убежать, бросить своих людей на произвол судьбы?!

– Ты можешь скрыться за Стеной.

– Как я могу убежать обратно, если сам добровольно вызвался выехать за пределы Стены, чтобы успокоить жителей вверенного мне улуса? Это была моя воля, мое решение, с которым согласился император. Убегать не стану. Я – глава улуса, обязан сделать все возможное, чтобы не допустить больших жертв и разрушений, попытаться договориться с той и другой враждующей стороной.

– Ха-ха, – не сдержал смеха Махмут. Он посмотрел на Чао-Линя совсем другим, очень мягким и жалостливым, взглядом. – Кто во время военной суматохи станет слушать твои слова, даже если они трижды разумны! Никто не посмотрит, глава ты или нет. Махнет мечом, и вопрос решен! Война не навечно, когда-то она кончается. Как после буйной грозы светит солнце, так после войны опять начнется жизнь. Послушай доброго совета: уйди за Стену и ни во что не вмешивайся, не лезь, будто тебя и нет!

– Нет, – пережив некоторое внутреннее бореие, твердо произнес Чао-Линь. – До сих пор я разделял судьбу своих людей, их горести и радости. Люди доверяют мне, как отцу родному. Для них я – наместник Императора, его лицо, душа, поступки. Пока они верят мне, они верят в него, верят в Великий Китай, верят, наконец, в разумность всего существующего. И теперь я намерен разделить их участь, как равный им и первый из них. Да и пожил уж я на этом свете, – светло заулыбался Чао-Линь. – По указу Алтан-Хана и велению Будды и Тэнгри буду стоять за свой улус. Что бы ни случилось, буду стоять до конца.

Купцы помолчали. Призадумались. Перед каждым, видимо, нарисовалась жизнь как выбор: забота о собственной шкуре, право на свое единственное имя или Божий промысел во всем этом?

– Да что вы, друзья?! – с излишним задором воздел руки Сархай. – Китайское войско насчитывает несколько бум-

таев! При этом оно находится под защитой Великой стены! Какую опасность может представлять ему эта горстка нищих бродяг – монголов?! Китайское войско раздавит их, как слон полевку. Мокрого места не останется! Монголы просто игრაюТ на страх, распуская слухи о своей силе! Им важно дать о себе знать! – сказал Сархай. – Мне доводилось встречаться с Чингисханом. И я скажу, это осторожный человек, он не пойдет на очевидное безрассудство, не станет добровольно класть голову на плаху!

Чао-Линю очень хотелось верить словам Сархая. Но вопрос назревал сам собою:

– Тогда скажи, если монголы не собираются воевать, зачем им понадобился такой долгий и трудный переход через пустыню?

– Говорю же, чтоб напугать, показать силу, чтоб знали об их существовании, считались с ними, – сказал Сархай. – Как долго ваш Алтан-Хан единовластно господствует в степях? К тому же давно уж, наверное, счет своим войскам потерял. Это не может не пугать и не волновать монголов, какими бы они ни были отсталыми. Все живые люди! Каждому нужна уверенность в завтрашнем дне.

– Вот это истинные слова! – горько вздохнул старый Чао-Линь. – Именно неуверенность в завтрашнем дне привела монголов к этим грозным стенам. Ибо за многие века, когда отсюда, для них – с юга, одна за другой шли в Степь карательные отряды, когда вопреки установившемуся пере-

мирию был пленен и казнен Амбагай-Хан, монголы крепко усвоили эти жуткие уроки. Вот результат той политики: сегодня она оборачивается войной.

– Да ладно вам, не наше дело – рядить да судить, из каких соображений принимают такие решения великие Ханы. Не нашего ума это дело! Так что хватит умничать по-пустому, – многозначительно протянул Махмут. – Я просто хочу сказать тебе, Чао-Линь, раз уж просишь совета: не хочешь уходить за Стену, не уходи. Но ни во что не ввязывайся. Мало ли что ты – наместник китайского императора. Твои люди – это мирные земледельцы, от которых всем польза. Монголы не трогают мирных жителей, не принимающих участия в военных действиях.

– Да как это может быть? – Чао-Линь удивился.

– Это уж точно, – подтвердил Игидей. – Мы много раз видели воочию, каковы эти монголы. В военное время у них ни один нукер шагу не сделает своевольно, такие уж у них суровые правила, такая жесткая дисциплина.

– О, неужели?! Разве такое возможно?! Ведь война – это завоевание, это такое жестокое испытание для каждого человек. Неужели победивший воин, опоенный вражеской кровью, может подчиниться дисциплине и не пойти грабить и убивать безоружных?!

– Поэтому монголы и стоят у Великой стены. Степные народы их принимают и не беспокоят внутренними войнами. Скажу больше, монголы для них как подарок: они сами не

воруют и другим не дают. А порядок сверху – для простого человека всегда благо. – Махмут вновь рассмеялся. – В войне побеждает тот, у кого больше мужества и уверенности, у кого более крепкие ряды. Ваши люди, видимо, вступают в сражение раз в десяток лет, потому и ударяются в панику, теряют разум, как только возрастает напряжение и, не приведи бог, чуть засвистят стрелы. А для монголов война – как для тебя посев или сбор урожая. Обычное дело.

Чао-Линь наконец понял, а точнее, сказал себе то, что он боялся произнести даже мысленно: война неизбежна.

Моголы пришли сюда не просто показать свою силу, как утешения ради утверждал Сархай, а воевать.

– Что мы можем знать? – заметив, как задумался правитель, сказал Игидей, желая смягчить произведенное впечатление. – Чутье подсказывает всем нам, что войны не миновать, сколько бы ни говорили, ни судачили, какие бы меры ни предпринимали. Это не в нашей власти. Лишь чудо или Всевышний могут отвести удар.

– Горе! Бедная наша прекрасная страна! – стоном вырвалось из груди Чао-Линя. – Как бы там ни было, жили мы мирно, как один народ.

– Да ну! – махнул Сархай. – Разве это жизнь? Дышать боимся, говорим полусловами, поступаем лишь так, как угодно чужому народу. Вам, наверное, и неведома доля, когда народ может жить по своей воле, распоряжаться собой, как ему хочется. Такой великий народ, как кидани, находится под вла-

стью чжурчженков!

– Ладно-ладно, язык у тебя больно длинный, как бы ни подкоротили! – урезонил собрата Игидей. – Только-только пушком начали обрастать, дайте шерсти вырасти!

– Многочисленность – великая сила, стоит китайцам сплотиться – кто сможет против них устоять? – стоял на своем Сархай. – Пусть сегодня они словно в спячке. Китай проснется, объединится, и не будет ему равных на земле!

– Смотри-ка, предсказатель выискался! – усмехнулся Игидей.

– Говорят: загад не бывает богат. Мечтать о далеком будущем хорошо в спокойное время. А уж коли мы все открыто признали, что не сегодня-завтра начнется война, – решил, видимо, подытожить разговор Махмут, – надо подумать, как спастись: сообща или поодиночке. По какую сторону Стены оставаться? Или, может, пока не поздно, бежать отсюда куда глаза глядят?!

– А я считаю, – вскочил с места Сархай, – что нам не надо, как утопающему, хвататься за соломинку! Не поможет! А надо как раз наоборот – думать о последствиях! О будущем! О том, как наши сегодняшние дела и поступки отразятся на судьбах наших детей, внуков и правнуков! Вот тогда наконец-то мы выйдем из спячки, став единым народом!

– Ты не горячись. Не пускай пыль в глаза. Ты лучше скажи прямо, – все так же спокойно усмехнулся купец Махмут. – Лучше прямо скажи, кто, по-твоему, победит в этой войне?

Монголы или чжурчжены?

– Конечно же, монголы, – отрезал Сархай без тени сомнения.

– И ты хочешь подвести нас, а в большей степени, Чао-Линя, к мысли, что нужно заранее переметнуться, или, скажем, мягче, занять сторону победителей?

– Чао-Линю не следует колебаться, бегать в ту или иную сторону. Он должен непоколебимо исправлять обязанности главы улуса, выполнять все, что требуется. Пришла война не мимолетная, не быстрая, а длительная и кровопролитная. Мой совет прост: монголы никогда не трогают тех, кто не оказывает сопротивления. Нужно опасаться только своих, найти способ прожить, не вызывая подозрения. Чао-Линь, никого, кроме своей охраны, в ставку не пускай. А когда придут монголы – открой шире ворота!

– Скажешь тоже! – произнес Махмут невозмутимо. Но потому, как он повел плечами и распрямился, можно было судить, что его бросило в жар. – Как будто тебе известно, чем это может потом обернуться? Ты говори: откуда такая уверенность в победе монголов?

– А почему бы и не сказать, – расположился удобнее Сархай. – Настали такие времена, что пора перестать таиться, осторожничать! Поэтому открыто даю совет такому хорошему человеку, как Чао-Линь: вы без малейших сомнений держитесь монголов прямо с этого дня! Будущее за ними. Если кто и способен спасти вас от такого невиданного гнета чужо-

го народа, то это они. Если вы не сможете уловить этот момент и не поможете монголам, неизвестно, сколько еще веков придется жить, терпя унижения от чжурчженев.

– Хм... – Чао-Линь потерял дар речи от неожиданности, молча смотрел на Сархая во все глаза, наконец заговорил: – Мы, народ хани, дошли до такой беды из-за собственной спеси, замутился наш разум, слишком много грехов за прошлые годы накопилось. Возомнили себя всемогущими от сытой и вольной жизни, нрав наш загнил, вместо единения избрали путь раздоров, разделили страну на десятки мелких враждующих кусков. Наблюдавшим издалека, наверно, кажется, что малочисленные нучи сумели завоевать великий Китай. На самом же деле, если б мы сами не сдались, кому бы под силу было нас одолеть?

– Истину говоришь! – согласился Сархай. – Если войне суждено начаться, результат ее будет зависеть от того, на чью сторону станете вы, настоящий китайский народ. Туда и качнутся чаши весов. Монголы или чжурчжены? Времени на выбор дано немного. Решение нужно принимать незамедлительно!

– Выходит так, – призадумался Чао-Линь. Но он не был бы китайцем, если бы ответил тотчас. Поэтому сказал: – Вопрос сложный.

– Конечно, будет непросто. Во всяком случае, взвесьте все «за» и «против». Можете донести о нашем разговоре чжурчженам и останетесь им слугою. А можете сообщить мне

о принятом решении, и будете спокойно продолжать заниматься земледелием со своими людьми. Желательно это сделать в ближайшие дни, – перешел на шепот Сархай.

* * *

Разве уснешь после такого разговора? Всю короткую весеннюю ночь Чао-Линь так и не сомкнул глаз.

Как сильно пахли деревья и травы после ночного дождя! Как разошлись птички, напоминая своим пением многоголовый гомон встревоженной толпы. Где-то далеко и глухо прогремел гром.

Как только зарозовело небо на востоке от лучей восходящего солнца, Чао-Линь разбудил слуг. Велел оседлать лошадей и, чтобы не привлекать любопытствующих глаз, отправился в крепость один, без сопровождения.

Джен-Джемин немало был удивлен столь ранним визитом старика, его изменившимся лицом.

– Что случилось?

– Нет, пока все благополучно с Божьей помощью, но услышал-узнал такое, что не мог не приехать к вам в тревоге.

– Ну?

– Приехал рассказать о таких вещах, что в мирное время скрыл бы, боясь быть заподозренным в чем угодно, – сказал Чао-Линь, глядя прямо в лицо своему молодому военачальнику.

– Я понимаю, старик. Но будьте уверены, что бы вы ни сказали, об этом не услышит ни одно постороннее ухо. Благодарю за доверие ко мне. В такое опасное время мы должны знать правду, какой бы горькой она ни была.

– Потому и явился сюда в такой спешке. А потом будь что будет. Если уж на то пошло, свое я на этом свете отжил уже, – сказал Чао-Линь и резко открыл дверь. Убедился, что никого за ней нет. Снова прикрыл. – Купцы уверены, что победа будет за монголами.

Продолжил он свой рассказ по возможности сдержанно, подробно передавая вчерашний разговор с купцами.

Джен-Джемин молча и очень внимательно выслушал старика, прошелся по комнате, постоял у окна. Заговорил с неожиданной улыбкой:

– Что ж, друг?! Твои слова подтверждают мои собственные соображения.

– Надо же! А ведь наши правители монголов ни во что не ставят. Смотрят на них, как на бездумных бродяг, на неорганизованную толпу.

– Может, так раньше и было, когда они воевали друг с другом, разбившись на десятки лагерей. А сейчас другое время, другая обстановка. Они сумели не только сами сплотиться, но и собрать вокруг себя немало других народов, обрели мощь.

– Это точно. Только наши чжурчженены в ус не дуют. У них одна забота: как бы первым добыть легкую победу, как бы

опередить другого!

– А разве чжурчжены когда-нибудь кого-то считали равней себе? Ничего и никого не хотят слушать, что им ни говори. Уверены, что все знают сами. Не только твое мнение не принимают в расчет, но, более того, любая свежая мысль у них вызывает подозрение. – Джен-Джемин вздохнул горестно. – Я хоть и командующий объединенными войсками, это высокая должность, но все равно за моей спиной стоит заместитель-чжурчжен, контролирующий каждое мое движение. Есть еще и особые войска, которые мне не подчиняются, а действуют только по прямому указанию из центра. Это два отборных войска из нучей и киданей.

– Так трудно командовать.

– Невозможно. В вашем рассказе есть резон. В последние годы монголы стали сильны как никогда. Купцы – народ осторожный, просто так никому не доверятся. Уж они-то люди ушлые, вряд ли могут ошибиться, оценивая, на чьей стороне сила.

Киданьскую кровь выдавал даже внешний вид Джен-Джемина. Высок ростом, крепок и могуч телом. По всему видать, силушкой не обделен. И лицо его с суровыми крупноватыми чертами было озарено таким внутренним светом, который Чао-Линь на своем веку встречал лишь у редких, избранных людей.

– Я в смятении, – признался земледелец, – совсем запутался. – По правде говоря, не смогу дать ни одного дельного

совета.

– Вы уже дали его, сказав правду. Опыт и молодость, это такие союзники, которые обязательно найдут правильный ответ. Главное, что нас уже двое. – Джен-Джемин положил руку на плечо старику.

– Я... – Чао-Линь задохнулся от подкативших к горлу слез умиления. – Прожил жизнь, так и не встретив верного друга, кому бы доверился от всего сердца, с кем можно было бы поговорить откровенно. Угнетенный народ, в первую очередь, лишается взаимного доверия. А без этого человек не может сблизиться с другим человеком, подружиться по-настоящему.

– Ну, значит, теперь мы будем внимательно наблюдать за обстановкой. – Джен-Джемин постоял молча, не отрывая взгляда от висевших на стене картин с изображением ближайших местностей. – Что ни говори, а сразу видно, какой мудрый и дальновидный вождь у монголов. Когда рассматриваешь последовательность его действий, то видишь, какое глубокое содержание имеет каждый шаг Чингисхана. Скажите мне, чего он добился, напав на тангутов?

– Покорил тангутов, завладел их богатствами.

– Это только на первый взгляд. На самом деле он в два захода сумел угнать лошадей и тягловый скот тангутов, наших лошадей и наш скот, который содержали они! Теперь мы не можем в имеющиеся сроки нарастить численность лошадей, не способны подготовить нужное количество всадников: на-

ши конные войска парализованы.

– Надо же! А я об этом и не подумал!

– Как вы могли подумать? Ведь у нас никто ничего не знает, все покрыто тайной. И я, понявший его ход с табунами лошадей, вынужден помалкивать и никого не пытаюсь убедить, что Чингисхан не просто конокрад, как полагают наши правители, а мудрый завоеватель!

– Выходит, сколько бы ни мобилизовали мы народу, сможем собрать только пешие войска?!

– Да, именно так! А как сражаться пешим строем с людьми, которые всю свою жизнь проводят верхом на лошадях? Их не догонишь и от них не убежишь!

Когда за дверью послышались голоса, Джен-Джемин проводил старика через потайной вход.

– Поскольку мы с тобой оба находимся под неусыпным надзором, лучше нам встречаться впредь так, чтоб никто не видел. Послезавтра загляну к вам под предлогом объезда окрестностей Стены.

* * *

Многие века историки бьются над разгадкой причины падения Китая. Как случилось, что сильный, великий числом и умением народ, столетия единолично властвовавший на своей исконной обжитой, ухоженной и плодородной земле, сначала завоевали кидани, а потом – чжурчжены. Понятно, что

распад такой громадной страны не происходит в одночасье. Беда, как болезнь, вызревала исподволь в течение многих и многих лет. Если внимательнейшим образом перечитать и сопоставить труды ученых и исследователей, многие стороны вопроса начинают проясняться. Но в равной степени, чем зримее становятся возникшие тогда противоречия, тем все больше возникает путаницы и тайн.

Хани развивались уверенно, наступательно и продолжительно, подобно таежной чаще. Окружающие народы рядом с ними напоминали кратковременным цветением полевые травы. А если говорить о киданях и чжурчженах, то они вообще были полудикими, не имея ни научных знаний, ни письменности, ни образования, ни традиций, накопленных веками! Этих народов в прошлом практически не было на исторической сцене. Существовали кочевые племена, никогда на одном месте подолгу не жившие. Все богатство их помещалось в дорожных кибитках! В голове не укладывается: как можно было потерпеть поражение от таких соперников? Но еще сложнее понять: почему Китай, по существу, и не пытался оказать достойного сопротивления!

Конечно, очень много «неизвестных» оказалось благодаря тому, что народы-завоеватели впоследствии уничтожали неудобные документы, жесточайшим образом преследуя и наказывая тех, кто пытался сохранить и передать знания, правду. Так что с годами стали бояться не то что говорить, но и думать о ней.

Чао-Линь, изучив историю своей страны, понял, что за многие десятки лет до того, как нагрянула беда, в императорской семье начались раздоры, вся родня разделилась на враждующие кланы. Никто уже не способен был думать о судьбе и будущем страны, каждый клан ради выгоды и обогащения лишь стремился посадить на великий трон своего ставленника. Со временем была забыта всякая мораль, остались лишь черная зависть и жажда власти. Каждый стремился подставить возможного соперника еще до того, как тот начал проявлять себя таковым. Оговорить, опорочить стало обыденным делом. Столько светлых голов, горячих сердец было погублено по ложным доносам, брошено в тюрьмы, покалечено. А тайных убийств – не перечесть.

Что хорошего можно было ожидать, если так недостойно, подобно беспородной челяди, вели себя представители лучшего, выдающегося рода, возглавлявшего всю страну? Нравственность пришла в упадок, расшатывая сами устои жизни, складывавшиеся веками. Гниль проникла во все прослойки общества. Народ, прежде всего, духовно захирел.

К тому же, как это всегда бывает, впавший в сумятицу народ стали преследовать то ежегодные наводнения, то засухи, которые обретали характер стихийных бедствий. В результате непомерного роста налогов даже в самые урожайные годы простые труженики перестали сводить концы с концами, начались голод и мор.

Уныние, равнодушие, неспособность мыслить, принимать

решения, брать ответственность на себя стали нормой существования. От безысходности люди потеряли всякие нравственные ориентиры, они с легкостью разбазаривали нажитое предками, ломали, рушили.

Чем иным, если не равнодушием к народной судьбе, к будущему страны могла обернуться такие безоглядность и нежелание дорожить чем-либо, кроме своей шкуры? Размыслись, рухнули берега, течение меняло русло.

И где Великому Китайскому илу как государству было найти силы для противостояния внешнему врагу, за многие века рядом с грозным соседом научившемуся строгим порядкам и жесткому правлению? Вместо необходимого объединения различные династии, роды и поселения стали использовать неприятеля в борьбе друг с другом.

Наконец, случилось то, что случилось: одна из противоборствующих сторон призвала на помощь чжурчженев и открыла перед ними ворота неприступной Великой стены.

Но даже тогда остальные не опомнились, не объединились против вторгнувшегося на их земли врага, а все так же продолжали жить междоусобицами. Когда были истреблены северные жители, южане радовались. Над бедами восточных смеялись хани западные. И так... пока их всех не поработил или не истребил пришлый народ.

Когда народом овладевает такая чрезмерная вражда и жажда мести, у людей словно затмевается разум. Они перестают понимать, что свой родной человек, с которым ел из

одной посуды, пил из одного источника, жил в одной среде, несравненно ближе пришлого, пусть даже предложившего кратковременную выгоду, человека. Обиды можно простить, забыть, а из рабства выбраться очень непросто.

* * *

Чао-Линь мог судить о произошедшем некогда закабалении родной страны по отрывочным сведениям, запечатленным в тщательно отыскиваемых им скрытых письменах, по иносказаниям и легендам, дошедшим до него.

Пусть все эти сотни противоречивых причин естественным образом привели к развалу и упадку его великой страны, процветавшей в течение веков, но мозг, сердце не мирились, никак не желали признать виноватым свой народ. Как хотелось думать, что причина пришла извне!

Старик в последнее время постоянно вспоминал разговор со своим молодым родственником – Элий-Чусаем, ныне ушедшим к монголам.

– Только теперь я понял, в чем лежит корень беды нашего народа хани!

– Тебе все просто! Над этим думали все светлые головы народа хани, все образованные люди, к их числу могу отнести и себя, но не смогли этого понять! А ты, семнадцатилетний юнец, взял и решил проблему! – Чао-Линь не скрывал иронии. – Ну-ка, скажи, а я послушаю, узнаю наконец, как

оказалось, что мы, хани, стали на путь исчезновения?

– Корень лежит в нашей спеси и чрезмерной гордыне.

– Вон как, оказывается, все просто. Разве другие народы менее спесивы или менее горделивы?

– Нет, это не я, а вы все упрощаете. А я как раз мыслю глубоко! – Элий-Чусай посмотрел прямо в лицо своему старому дяде. – Наша спесь туманит взгляд, кружит голову, порождает неверное восприятие всей окружающей среды, самой жизни, что, в свою очередь, влечет к совершению ошибок.

– По твоей логике выходит, что чжурчженев давно бы уже на свете не должно быть! Уж спесивее их не найдешь! А они, как мы видим, все более процветают. На второй год после завоевания нашей страны они записали в летописи свою родословную, будто ведущую начало от самого Господа Бога! Они открыто называют себя «Богом избранным народом», вершащим на земле высокое предназначение. А всю многовековую историю великого народа хани перечеркнули напрочь, изобразив его ничтожным, неразвитым, напрочь лишенным способности мыслить и действовать. Так себе, какой-то ничтожный, многомиллионный народец!

– Сто лет – всего лишь один век, а это в масштабах вселенского времени всего лишь миг. – Элий-Чусай не сдавался. – Вы не думайте, что власть чжурчженев вечная и ей придет конец. Если мы не воспользуемся этим, придут другие. Гордыня – великий грех, за который приходится расплачиваться

ся. Как мы кичились своей образованностью, как смотрели на весь мир свысока! Разве этого не было?

– Было, было такое.

– Разве не привыкли мы в итоге этого ко всем не похожим на нас народам относиться с пренебрежением, покупать всех взятками, пытаться навязывать всему миру свою волю?

– Тут уж ты через край хватил. Этот способ привлечения на свою сторону других народов применяет всякий великий народ. Когда однажды я пытался преподнести подарок одному северному купцу, то он закачал головой, сказав на своем языке: «Бэлэх-тусах». Что означало: бэлэх – подарок, приношение, тусах – петля, силки. Запомни это. Обычай дарить подарки, делая человека обязанным тебе, не нами придуман, пришел к нам из глубины веков и после нас останется.

– Ну, это совсем другая тема. Вы смотрите в корень. Разве гордыня и желание повелевать всем миром, считая все другие народы полуживотными, – не великий грех, не попытка вмешиваться в Божий промысел?

– Скажешь же такое. – Чао-Линь удивился, куда неожиданно повернул разговор парень. Но, не желая выказать удивления, продолжал сидеть, закрыв глаза. – Неожиданная, новая мысль, но каждый народ, считающий себя великим, стремится оказывать влияние на соседние народы. Это тоже древняя традиция.

– Нарочитое пренебрежение другим народом, бессовестное притеснение его ведет к тому, что в течение веков копит-

ся ненависть, вражда. Значит, тем самым мы сами же подпитываем ненависть к себе, к своей стране. А это в конце концов неминуемо оборачивается бедой. Это – во-первых.

– А что – во-вторых и в-третьих?

– Во-вторых, такой народ, который, подобно нам, считает себя самым умным и знающим, перестает отличать друга от врага, добро от зла, следовательно, все его малые и большие пути идут по неправильному направлению. А если спотыкаться на каждом шагу, то рано или поздно упадешь. Так и любая великая страна, шагая в разные стороны, в конце концов рухнет. И судьбы такой ей не миновать!

– Как древние хунны, великие тюрки, кидани...

– Так! Они тоже не вынесли собственного величия, загордились, захотели поступать со всем миром так, как им вздумается.

– Нет! Мы никогда не стремились единолично владеть миром. Мы даже принимали решение не выходить за рамки Стены, чтобы самих себя ограничить. Не знаю ни одного другого подобного народа.

– Это лишь одна сторона жизни. Неужели вы станете отрицать, как мы гордились, кичились собственной образованностью, своими незыблемыми древними корнями, развитостью, богатством, относились к другим с пренебрежением? Все было. Мы должны все это признать. А вы все тянете в одну сторону, лишь бы меня переспорить.

– Осуждать легко. А разве ты сам тоже не перегибаешь

палку в другую сторону?

– Я пытаюсь понять правду, – ответил парень упрямо, отвернувшись к окну. – Это одно – отстаивать свою правоту в простом споре, и совсем другое – попытаться понять истину, не уклоняясь в свою или вашу сторону. Ошибку мы найдем, только докопавшись до истины. Только тогда выйдем на прямую дорогу, сможем спасти свой народ, свою прекрасную страну...

Элий-Чусай отвернулся, пытаясь скрыть навернувшиеся слезы.

– И скор же ты на решения, парень! – Чао-Линь лишь поцокал языком в смятении. – Ты многого еще не знаешь. А тот, кто не знает, всегда бесстрашен, ему не ведомы сомнения, он упорно продирается вперед. Когда-то давно, пока были молоды и дерзки, мы тоже делали нечто подобное. Но для любого руководства нет худшего врага, чем правда. Так что любой правдолюбец, говорящий правду в лицо, стремящийся к правде, долго не живет.

– Значит, вы хотите сказать, что я лишь по молодости и неопытности своей правды ищу, а потом, когда мне подрубят язык, затаюсь, буду знать, понимать, но помалкивать?

– Нет. Я просто предупреждаю, ибо хочу, чтобы ты жил. – Чао-Линь вздохнул. – Любую высокую вершину переходят по самым удобным и пологим местам, а любую глубокую реку – по броду. Путь правды не только тернист, но и опасен. Любой правящий народ первыми уничтожает людей, отста-

ивающих истину.

– Не любой, а тот народ, у которого нет будущего, преследует за правду.

– Кто знает, я сомневаюсь, что есть какой-нибудь правящий народ, который бы не опасался правды...

– Есть! Такой народ есть!

– Хм... Кто же они?

– Монголы!..

– Что, монголы?! Как это они единственные оказались такими правдолюбцами? – спросил Чао-Линь специально, будучи сам прекрасно осведомлен о монголах.

– Потому что основной политикой, главным критерием их нового Ила является правда, правдолюбие. Даже врага, говорящего прямую правду, выражающего истинные свои мысли, они превращают в друга, доверяют ему. Больше всего они опасаются лжи, хитрости, лести. Потому что такой человек становится предателем. Лжецов они наказывают сурово.

* * *

В словах Элий-Чусая есть резон. Не только монголы, но и любой молодой, начинающий вставать на ноги народ становится настоящим, только объединившись вокруг добрых, свободолобивых идей. Сама человеческая природа, его предназначение требуют этого: молодость чиста, непорочна и здорова. Стареющий, дряхлеющий человек, как и народ,

становится вместилищем болезней, а если он не воспитал себе наследников – то и пороков.

Действительно, буквально на глазах растет и крепнет здоровое племя с чистыми помыслами и великими устремлениями. Монголы привлекают к себе самых лучших, выдающихся людей всех ближних народов. С каждым годом все крепнет и мужает новый Ил.

Чао-Линь хорошо понимал Элий-Чусая. Но чем больше он размышлял, понимал, тем больше возникало сомнений, неразрешимых вопросов. Неужели человек с самого начала создан так, что проживет на земле, так и не постигнув до конца дней своих всех тайн? Видимо, так.

Почему народ хани, в течение многих веков никому не дававший поднять глаза долу, вдруг так обессилел, превратился в сонную и вялую людскую массу? Почему так бессловесно терпит невиданные притеснения и унижения? Сколько веков прошло, как он покорно живет под пятой немногочисленного, не имеющего ни прошлого, ни вчерашнего народа, даже до недавних пор без своей письменности?

Нет ответа.

Понять и объяснить это простому смертному не под силу. Каждый представитель угнетенного народа всегда с тайной надеждой встречает любые новые вести, всякие смутные времена. Ждет чего-то хорошего. И сейчас все зорко следят за каждодневно меняющейся обстановкой. При этом не заметно никаких признаков пробуждения Великого Китая.

Народ, словно безнадежный больной, смирившийся со своей участью, все так же вял и равнодушен. Виноват он или безвинен – готов покорно подставить под розги спину. Почему так покорен, кроток? Почему не осмелится распрямиться перед угнетателем или хотя бы посмотреть прямо в глаза?! Но почему также существует убежденность, что в конце этой дороги горя, когда уже будет виден край, произойдут спасительные перемены?! Нет ответа и выхода не видать!

А теперь ниоткуда вот возникли монголы... Кто они? Спасители или каратели?!

Глава седьмая в Балагасуне

То, чего удалось добиться правительству Сун в г. до н. э., позволило мудрецу, рожденному в следующем поколении в соседнем центральном государстве Лу, обессмертить себя в своем нетленном творчестве. Конфуций посвятил свою жизнь делу спасения китайского общества от самоубийства через наставление его правителей на философский архаический путь. Однако личный опыт Конфуция лишь передает меру оживления, охватившего общество накануне конфедерации г. до н. э. Следует помнить, что Конфуций вошел в историю ярчайшим примером того, что нет пророка в своем отечестве. Мудрец, слава которого пережила не только века, но и тысячелетия, оказался неспособным привлечь к себе внимание хотя бы одного из современных ему правителей. И если потомки оценили по достоинству мудрость рекомендаций Конфуция и попытались применить их для лечения китайских бед, не следует удивляться, что поколение, которое отказалось принять эти целебные средства, ввергло себя в катастрофу еще более серьезную, чем поражение, подкосившего его отцов.

Арнольд Джозеф Гойнби (1889–1975)

Кара-китайского гур хана Дюлюкю объяла тревога: в по-

следней битве с Султаном Хорезма Мухамметом силы оказались равны. А ведь испокон веков в обозримом мире не рождались богатыри, которые могли бы одолеть кара-китаев.

Мухаммет, прославленный упорством своим, почуял: да, поначалу враг теснил и теснил его воинов, однако же вот они уравниваются друг с другом, две чаши на весах успеха, и вот он копит и копит свежие силы, и вот он, Мухаммет, предпринимает один натиск за другим, не ведая устали. И получается, что одна сторона все время растет и крепнет, а другая – слабеет на глазах.

Старый гур хан лишился покоя и сна. Неужели в прошлое канет время его безграничной власти, подкрепленное бесспорным превосходством? Что ему делать, как ему надобно поступить?

Не раз на большие и малые советы созывали лучших ученых, мудрецов, военачальников и верховных жрецов-тюсюмялов, но ни единый из них ничего дельного не высказал. Будто створожились их мозги, стали столь бесплодны, что мыслить уже не могут. И открылось, что ум их – короток, узок их взор на мир, и не дано им видеть дальше собственного носа... Им бы понять, какая лютая беда грозит их благоденствию и самой жизни, им бы объединить силы, думы собрать воедино, чтобы совместно найти наилучший выход из тупика, найти новые пути военной стратегии. – Так нет же! – Они непрестанно соперничают один с другим да интриги строят...

Так что эти несчетные долгие совещания не только не принесли добра, не привели к цели – они лишь усугубили внутренние раздоры, стали полем сведения взаимных счетов. Каждый только и норовил побольней укусить давнего соперника, подстроить ему какую-либо каверзу, на чем-нибудь подловить его. Они были взбудоражены, раздражены, снедаемы старыми обидами.

Вот, оказывается, как скудеет и хиреет мысль, как мельчают думы, когда падают нравы людей... Потому-то на этих многодневных советах и не прозвучала ни одна толковая мысль, за которую можно было бы ухватиться. Все бесконечно пережевывали давно известное, перемалывали бесполезное. Зато разбередили множество полузаживших ран и полузабытых свар.

Гур хан впал в печаль и в кручину.

Вдобавок ко всему жизнь его клонилась к закату, и с каждым новым днем он все сильнее чувствовал, как тают его силы, и главное: нет у него сына, которому он мог бы передать свой Ханский титул. И это тоже усугубляло тяжесть его положения. Скорее всего, именно поэтому стало меняться отношение высших подданных гур хана к нему – «стареющему», дряхлеющему под грузом павших на него бед, словно под тяжестью больших снегов, рухнувших на его голову. О, если б рядом с ним сидел молодой и сильный сын – какую он обрел бы в нем опору! Но не дал Всевышний такого счастья гур хану...

А вот сыновья Султана Мухаммета, который моложе его лет на двадцать, выросли и стали владыками разных стран. И уже гремит повсюду имя его младшего отпрыска, успевшего снискать славу искусного воителя. Недавно же весть пришла о деяниях Джучи, старшего сына Чингисхана: он без единого боя, лишь силой ума смог убедить доселе вольные и жившие сами по себе народы пойти под его руку, сумел присоединить к своим владениям около десяти племен на севере. А четверо других его сыновей, встав во главе четырех воинств, покоряют сейчас Китай. А ведь Джэсэгэй-Батыр тоже приходился ему ровесником. Умер почти полвека назад, а каких сыновей оставил!

Вот оно, истинное счастье! Да что толку завидовать издали...

Три дочери есть у гур хана. Две старшие – замужние. Когда-то мечтал он: будущие крепкие зятя станут ему опорой. Но и эти надежды не сбылись. Оба зятя оказались столь же робкими, сколь и глуповатыми: самое малое дело нельзя им доверить. Последняя надежда на младшую дочь: подыскать бы ей мужа – сильного да верного. Но сколько ни старался гур хан – не углядел такого...

Не зря говорят: у потерявшего – сто грехов. Вот гур хан и продолжает приглядываться к молодым людям в надежде обрести достойного зятя. И сразу же взор его пал на нищего, но высокородного наследника главы рода найманов... Но настораживает гур хана его чрезмерная прыть, его тяга к про-

казам и откровенная наглость в глазах... Уж больно прыток да скор!..

К тому же слишком юн пока... может быть, кровь молодая в нем кипит-играет, плещет через край юным озорством? Может, остепенится он с годами, и откроется его глубинный, настоящий нрав? Вкусит власти, которую дают чин и должность, почувет, как сладко повелевать людьми – вот и проявится его истинная натура... Эх, если б не эти нынешние бедствия, если б не попали кара-китаи в столь опасное положение, сыскал бы гур хан возможность испытать его, подыскал бы ключ к нему!

Но надо присмотреться...

* * *

Гур хан повелел своим людям отправиться к Иртышу и прознать, каково сегодня найманам и какими тропами ходят они, да возвращаться как можно скорее.

И в очередной раз гур хан созвал на совет всех высших воителей своих, выплеснул на них свое недовольство: с каждым днем положение становится все опасней, и воинство словно стареет и силы его иссякают, и вот-вот наступит час, когда враги, прежде и глаз своих поднять не смевшие, поймут, что силы их уже равны. И спросил гур хан собравшихся, что думают они об этом, чем объяснить могут такую беду. Почему среди воинов все меньше порядка и послушания,

хотя денег из казны идет на них все больше?

И тут же, как всегда, тойоны-военачальники принялись жаловаться на разные нехватки, вновь стали сваливать неудачи на других: начальник легкой конницы винил начальника конницы тяжеловооруженной, тот – предводителя пеших войск, и так далее... Каждый, встав, твердил одно и то же – что говорил и в прошлый раз, и в позапрошлый. Каждый считал: виноват кто-то другой, но не он. О, никчемные людишки! Но кто же их возвысил, кто дал им их высокие чины и должности? Разве не сам гур хан? Конечно, сам... Он винил себя. Надо же было подобрать столько бездарей. И где были прежде его глаза и чутье?!

Наконец гур хан велел позвать на совет Кучулука, с самого начала его ожидавшего у шатра.

Всем своим видом Кучулук сразу же дал понять, что ему не по нраву стоять перед многочисленными тойонами. Гур хан, с живым интересом смотревший на него, усмехнулся про себя: ишь ты, с малых лет норов выказывает... Дай такому остепениться да надели властью – суровый, беспощадный будет вождь. Ничего, пусть пока потерпит, спрячет до времени свой норов в рукав...

– Мудрый человек умеет извлекать пользу не только из побед, но даже из горьких поражений, – заговорил наконец гур хан, оглядев тойонов, с любопытством взиравших на юнца. – Вот была битва у горы Нахы – о ней до нас с опозданием дошли лишь отрывочные вести, а нам сейчас важно услы-

шать правду от тебя, ибо ты участвовал в той битве.

– Да я ведь тогда был всего лишь одиннадцатилетним мальчишкой, хоть и величали меня предводителем всего воинства, – начал свой рассказ Кучулук. – Было заметно, что ему не по душе вспоминать о былом унижении. – От моего имени повелевали военачальники. Так что вряд ли я могу знать все в точности, как оно было на самом деле.

– Случилось непредвиденное, от которого никто не застрахован. По всем раскладам вы – найманы – намного превосходили противника. Вы запросто разделались бы с монголами. – Гур хан с отвращением поморщился и отвернулся.

– Может быть... Никто не знает, как бы все могло повернуться. – В голосе Кучулука явственно слышалось раздражение. Не по сердцу ему пришлось то унижение, которому он подвергся в этом разговоре. – Задним числом все можно истолковать как хочется...

– Кто не способен грамотно продумать прошлое, отделить в нем верное от неверного, *тот* и всегда спотыкаться будет!

– Истину говоришь, о гур хан... – Кучулук склонил голову в поклоне, усилием воли подавив в себе распиравший его изнутри гнев, так подсказал ему вести себя старый советник.

– Вот это уже лучше... – Гур хан повернулся к тойонам. – Ну что, слышали, до чего доводит пренебрежение к силе врага и преувеличение своих сил, куда ведут кичливость и гордыня? Теперь поразмыслите... Но не с высокомерием, а оно, знаю, кое-кому из вас не чуждо.

– Вряд ли усилит нас и чрезмерное осторожничанье, и ни к чему нам усложнять то, что просто, – заметил средних лет тойон с лицом, сплошь поросшим седеющей бородой. – Не прибавит ли это нам неуверенности? Полагаю, ратному человеку умничанье не надобно.

– Да разве тут есть такие – чрезмерно осторожные или умствующие? – Гур хан обвел всех вокруг ехидным взором. – Неужели такой человек тут найдется? Я что-то его не вижу...

– Правильно говорит гур хан! Это мы, ничтожные, все понимаем превратно! – тут же выскочил высокий, высохший старец преклонных лет, видимо, то был давний соперник первого тойона. Но тот не смолчал и тут же дал отпор. И – слово за слово! – опять разгулялась бесконечная словесная перепалка с перечислением давних и недавних, мелких и крупных ошибок, промахов; взаимные обвинения, которые стороннему человеку могли бы показаться ничтожными, опять заполонили пространство сурта-шатра. Такие схватки на советах уже стали привычными, никто уже в них и не вслушивался, кое-кто из сидевших тихо переговаривался меж собой. Но находились и такие, что подзуживали да подзадоривали спорщиков, каждый из которых время от времени находил «весомые доказательства»: «Гур хан знает!», «Так говорил гур хан», «Сам гур хан был тому свидетелем», либо – «Мы с гур ханом так решили», «Гур хану это не понравилось».

... Меж тем Кучулук отметил, что большинство тойонов –

ровесники самого гур хана. Тех, что помоложе, было меньше пальцев одной руки. А молодых, тем более ровесников его, Кучулука, вообще не было.

– Ну ладно... – спустя некоторое время заговорил гур хан, оборвав этот вялый, пустопорожный спор и возвращая обсуждение в прежнее русло. – Еще раз спрашиваю вас: есть ли у нас привычка в мыслях чрезмерно уничижать врага и за счет этого преувеличивать свои силы?

– Хм...

– Да как сказать...

– Вроде бы и есть...

– Истинно есть, гур хан! Немало здесь таких, кто все время своими победами хвастается, а про неудачи и поражения не помнит.

Опять было началась словесная перепалка. Но на сей раз гур хан резко прервал ее, пока она не разгорелась:

– Спорить об этом нет смысла, только лжец да слепец или полный дурак может отрицать очевидное!..

Только что галдевшие тойоны вмиг смолкли: слышно стало даже, как мухи жужжат... Тихий голос гур хана обрел твердость:

– Этот открытый и честный разговор надобно мне было завести лет десять назад, ну, хотя бы пять. Это моя вина... Я сам виновен в этом... В том, что, кичась своими победами над пешими и плохо обученными воинами якобы глупых врагов, мы стали считать себя непобедимыми... Я одерживал

победы над Султаном Тэкисом везде и всюду: и в Степи, и в горах, брал все его крепости – и полагал, что это суть плоды моей ратной исключительности. А на деле все причины коренились в слабости его войск, в том, что у него было мало хорошей конницы. Почему я так решил? Как только Тэкис женился на Турхан-хотун – дочери кипчакского Хана, почтившегося всеми тюркскими племенами, сразу же у него и конницы прибавилось, и все его воинство окрепло. И окончательно доказал нам это сын Тэкиса – Мухаммет. Вы сами видите: он крепнет, зреет, он становится искуснее от битвы к битве. Да, сейчас наши силы равны, но это равновесие держится на конском волоске... Так – сегодня! Но кто из вас может сказать, что станет завтра?

Гур хан свирепо глянул на тойонов, не смевших глаз поднять.

– Почему я сам должен был додуматься до этого? А где же были вы – стратеги, советники, мыслители? Самое обидное – поздно... Почему никто из вас не предупредил меня об этом лет хотя бы пять тому назад?! Нет, вам было не до того, вы погрязли во взаимном соперничестве, вы исходили желчью зависти!..

Вновь недолго в шатре-сурте нависла звенящая тишина.

– Ну что? Нечего сказать? Тяжко правду-то слушать? – После бесполезного ожидания гур хан вновь оглядел ряды своих тойонов, но все они сидели, опустив глаза, втянув головы в плечи и даже затаив дыхание.

– Что ж, если так, через три дня я снова созову вас на совет. Но вы должны будете явиться ко мне с дельными и полезными предложениями и мыслями. Почему, отчего и где мы растеряли наши силы? Что нам стало помехой? Каким путем нам должно укреплять наши войска? Обдумайте это и приходите с ответами. А теперь – расходитесь...

Тойоны, явно обрадовавшись, ринулись к выходу. Кучулук тоже собрался идти вслед за ними, но кто-то взял его за рукав и удержал.

Гур хан, ни слова не говоря, широким жестом указал на подушку рядом с собой. Не поняв этот жест, Кучулук подошел и опустился на одно колено. Гур хан нахмурился:

– Ты что, дружок?! Ты ведешь себя не так, как подобает человеку, носящему титул Хана!

Кучулук все еще не понимал, чего от него хочет усмехающийся гур хан.

– Ты ведь не слуга и не тойон даже, чтоб на колени предо мной становиться. Хоть твое нынешнее положение и не назовешь завидным, все же ты – Хан! не забывай об этом, иначе забудут это и все другие, и кто же тогда будет относиться к тебе как к владыке?

Наконец, опомнившись, Кучулук вскочил:

– Я... Ни на миг единый не забываю, кто я есть. Но этим я как молодой человек хотел подчеркнуть свое преклонение перед старшим, всеми почитаемым человеком, который вдобавок знал и отца, и деда моих...

– Ладно, сынок, садись... – Гур хан еще раз указал ему на подушку, приглашая сесть. – Не надо тратить слова на пустяки. Сначала сядь-ка напротив меня, как равный перед равным, и мы поговорим с тобой именно на равных... Как два Хана! Один – дряхлеющий, другой – еще в силу не вошедший...

Кучулук не знал, что делать и как ему себя вести. Озадаченно, как мальчишка, с опозданием осознавший свой промах, он почесал затылок и уселся перед гур ханом. Но, верный своему обыкновению не уступать и не идти на попятный, он сказал в свое оправдание:

– Вся беда в том, что меня еще никто не сажал на ханское место, как положено по закону и обычаям, никто не почитал меня как Хана.

– Мне это ведомо. Но разве есть кто-то, оспаривающий престол?

– Нет. Я единственный сын Тайан-Хана.

– Ну и все. Разве мало того, что Ханом найманов признал тебя я, гур хан Кара-Китайского Ила?

– Немало. Для меня это немислимо много означает. Ведь меня не признали даже те, кто погибал со мною рядом – вожди племен-изгнанников. А Тохтоо-Бэки вот до чего договорился: «Даже я, властелин великих меркитов, не величаю себя Ханом. Так разве я могу признать твою ханскую власть над собою?!»

– Бедный мой мальчик... Сколько же тебе пришлось пе-

ренести испытаний в столь юном возрасте... Не давай отравить себе плоть и душу ядовитым словам тех, кто сгинул без возврата, кто проклят судьбой и лишен будущего: отбрось, оттолкни от себя, стряхни с себя эти слова. Договорились?

– Конечно! – Растроганный Кучулук опустил голову, чтобы гур хан не увидел его повлажневших глаз.

– Я не случайно остался с тобой один на один: ничей посторонний глаз не смог увидеть твою оплошность и промашку. Так что ты здесь на колено не становился, а я этого не видел. Я сказал!

– Да будет так! Вы сказали! Я услышал!

– Вот и ладно. И чтоб отныне ты никогда и ни перед кем не преклонял колени! Так?

– Так! Никогда и ни перед кем не преклоню колен!

Гур хан удовлетворенно хмыкнул и потер ладони. Потом он щелкнул пальцами: тут же из-за струившейся волнами ширмы резво выбежали десяток слуг – они внесли низкий, лишь с пядь высотой, китайский столик, чья столешница отливала таким зеркальным глянцем, что в нее можно было смотреться. Вмиг они устали стол роскошными яствами, налили вина в золотые сосуды.

– Теперь давай-ка мы с тобой, два Хана, выпьем этот благословенный нектар богов за нашу встречу! – Гур хан поднял сосуд с вином.

– Давайте...

И Кучулук, отведав вина, продолжил:

– Я и впрямь прибыл сюда, грудью растолкав препятствия, познав нужду и оскорбления. Многие найманы, убежавшие от Чингисхана после Иртышского разгрома и резни, рассыпались малыми горстками, попрятались по горам и лесам. Их невозможно собрать воедино. Как поверят мне выжившие, чудом спасшиеся в той ужасной резне... И будут правы! Кто станет еще раз жертвовать своей жизнью, доверившись Хану-бродяге, у которого лишь один слуга сбоку да другой за спиной? – Кучулук смолк, не зная, как выразить просьбу, с которой он прибыл в ставку гур хана.

– Верно мыслишь, – заметил гур хан и добавил, словно бы знал заранее, что ему скажет собеседник: – Значит, ты прибыл, чтобы просить у меня поддержки, попросту говоря – воинов?

– Если б... если бы вы одолжили мне один... а еще лучше два сюна на месяц... или на два...

– Не трать слов попусту!

– Я... Я же не надолго прошу, лишь на время... Как только соберу свое племя, верну всех до единого нукера!

– Не мели пустое! – Гур хан повторил жестче. – Неужели ты всерьез надеешься всего за месяц-другой собрать весь свой народ воедино, в качестве залога его безопасности используя лишь два сюна? Да каким же отчаявшимся безумцем надо быть, чтобы за столь краткий срок решиться вновь стать подданным Хана, у которого всего каких-то несколько сотен воинов?

– А что же мне остается? У меня ведь сейчас и того нет... – Воспрявший было духом Кучулук словно ухнул в ледяную воду обманутых надежд.

– Сделаем так... Тебе я одолжу два мегена, два корпуса конницы с полным вооруженным сроком на год. Еще дам пять верблюдов, навьюченных золотом, серебром и всякими товарами для торгов и прочей необходимости.

– Как?! – Кучулук даже вскочил, не веря своим ушам. – Мне – столько?!

– Сядь. – Гур хан вновь усадил парня и продолжил разговор. – Договор такой... Через год в это же время ты возвращаешь обратно всех нукеров и лошадей, всех до единого. Что же до прочего – через два года, если добудешь себе большие богатства... Идет?

– Конечно! Через два года вдесятеро больше верну!

– Не надо... Десятикратное оставишь себе. Я пока еще небеден... – Гур хан прервал молодого собеседника и, помолчав, добавил: – Все богатства этого мира даются нам лишь на время, а потом они переходят к более сильным и удачливым. А вот добро душевное меж людьми – оно цены не имеет. Верю, что ты, молодой Хан, в дни своего грядущего торжества отплатишь добром за добро, не скупясь, дряхлому Хану, что некогда помог тебе...

– Я готов поклясться!

– Не надо никаких клятв. Истинная, ненарочитая благодарность сильнее любой клятвы, – грустно молвил гур хан. –

Оправдаешь мои надежды – хорошо, а если нет – что поделаешь? Не все мечты в срединном мире сбываются, не все, что загадано, становится явью...

Глава восьмая

Судьба неугомонного народа

Первое – Путь, второе – Небо, третье – Земля, четвертое – Полководец, пятое – Закон.

Путь – это когда достигают того, что мысли народа одинаковы с мыслями правителя, когда народ готов вместе с ним гореть, готов вместе с ним жить, когда он не знает ни страха, ни сомнений.

Небо – это свет и мрак, холод и жар; это – порядок времени.

Земля – это далекое и близкое, неровное и ровное, широкое и узкое, смерть и жизнь.

Полководец – это ум, беспристрастность, гуманность, мужество, строгость.

Закон – это воинский строй, командование и снабжение.

Н.И. Конрад, «Избранные труды» (XX в.)

Вот уже дней десять прошло с тех пор, как отец двух великих тойонов Ила, Джэлмэ и Сюбетея, старик Джаргытай прибыл сюда по весьма срочному повелению Хана: разузнать все возможное про эти самые орудия ханьцев, дышащие огнем и вызывающие смертоносные взрывы, но ничего путного так и не выяснил. Да и что узнаешь, глядя издалека? Вот если бы занять Стену да пощупать все эти орудия собственными руками, тогда, может, и поймешь что-нибудь, – да и то

с помощью пленных знатоков, воинов при этих самых орудиях... А пока приходится признать, что это чудо создано теми, чей разум ушел куда-то вперед и овладел тем, что нам сегодня пока недоступно. И в этом – правда, и с этим надо считаться, с нее-то и начнем постигать.

«Человек может и должен постигать то, что создано человеком же», – говорит Хан и требует овладевать этими знаниями и умениями, применять их в деле.

Но особенно трудна эта задача для того, кто понимает всю сложность ее. Сложная техника капризна, и стоит чуть-чуть ошибиться, как она перестает подчиняться, работать...

Старик Джаргытай призадумался.

Болят поясница, ноют суставы, жизнь ведь не маслом была смазана, все-то сознательные свои годы с железом он тягался, железо приручал, и разве это может привести к другому результату? К тому же нет ни времени, ни возможности остановиться, заняться своими болячками, подлечиться, утихомирить боль примочками да растираниями, как делает это любой старик-простолюдин. Круглый год заботы одолевают, задания одно другого сложнее... Особенно после нелегкой победы над тангутами, когда все дни и бессонные, беспокойные ночи проходят в поисках путей и способов захвата укреплений-крепостей врага. И так продолжается уже давно.

А как без многочисленных человеческих потерь разгромить войско, укрывшееся за крепкими каменными стенами?

Разве что в результате долгой осады, дождавшись, пока у

них не кончатся все запасы еды и воды, но это изнурительно и для самих осаждающих. Столько времени, подчас полгода-год сидеть без движения под стенами, как пригвожденный – нет, для всадников-степняков это тяжело...

А чужая страна неприветлива. Небо постоянно затянуто тучами, время от времени поливает дождем. Жара эта невыносимая. К тому же такой густой аромат от растительности, что голова идет кругом. Душно и тошно – невмоготу... Хотя воспринимаем все так, скорее всего, из-за непривычки. Те, на Стене, тоже вряд ли стали бы восхищаться нашими пустыми просторами, насквозь продуваемыми ветрами. Что ни говори, а родное всегда лучше...

И когда только настанет спокойная пора, чтобы можно было жить у себя на родине, на своей земле свободно, ничего не опасаясь, довольствуясь тем, что есть? Дожить бы до таких времен, хоть немного, пусть несколько лет, а пожить такой жизнью...

Но пока над тобой нависают вооруженные до зубов великие страны, спокойной жизни не будет. Так что избрание наступательного пути пусть и нелегко далось, и многими жертвами оплачивается, но зато потом, если все получится, мы сможем решить вопрос своего долгого спокойного будущего. Это всем вроде бы и не трудно понять, но все равно тяжело принять. Много и таких, кто не хочет понимать цену этих жертв, глухим ропотом выражает свое недовольство.

Перед войском Сябетея висится главное укрепление Ве-

ликой стены, сооружение из нагроможденных друг на друга шести-семи крепостных этажей.

Настал уже третий день, как оно прибыло сюда, войско, а его предводители все не могут найти, придумать способ взобраться на такую неприступную каменную стену. Но если даже и сможешь взобраться, придется с опытными воинами, поджидающими за верхними зубцами, сражаться лишь копьями да мечами, на равных, без какой-либо военной хитрости. А пока доберешься до верха, потеряешь и равенство, без того мнимое...

Нет, если дорожишь каждым нукером, как пальцем своей руки, то приходится искать иной путь, иную тактику овладения Стеной, чтобы победа из-за потерь не обернулась фактическим поражением, саморазгромом.

Но как? Как можно придумать невозможное? Хотя, что говорится, нет ничего невозможного, есть только сложное и трудное... Поворачивая задачу разными сторонами, можно во всякой найти уязвимую, поддающуюся решению, и ты должен это сделать.

Но кто сейчас знает, где она, эта сторона? Кто знает... А пока небольшими отрядами проезжались под самыми стенами с целью изучить все изъяны укрепления, расстановку сил противника, провести разведку, узнать, какова реакция защитников.

Стало понятно, кто китайцы днем и ночью зорко наблюдают за всей Стеной. Стоит приблизиться к ней даже несколь-

ким всадникам, как сразу же поднимают тревогу, тут же все Стена покрывается солдатами. А если подойдешь вплотную, то забрасывают сверху камнями, бросают взрывающиеся железки. Если же степняков становится больше, обстреливают гудящим пламенем. Нукеров это очень страшит. Ловко уворачиваться, вовремя отскакивать они научены, потому особого урона и повреждений не получают, но человека всегда более всего пугает неизвестное, непонятное. По сравнению с этим биться мечами, колоться копьями – дело простое, немудреное.

Старик Джаргытай особенно пристально следит за этими взрывающимися метательными предметами и оружием, дышащим огнем. Для этого специально подсылают людей к Стене, чтобы защитники начали забрасывать их взрывающимися железками, собирают осколки. Старик внимательно изучает их, пытается понять устройство, чем они начинены и почему железо взрывается, обнюхивает, даже на язык пробует.

– Ну, что-нибудь выяснили?

– Понятно одно: они приручили огонь. Очевидно, что каким-то образом они сжимают, загоняют в железо огонь, и когда он взрывается по их повелению, то рвет железо, чтобы вырваться наружу.

Вместе с рокотом вечерних барабанов началась ночная пора. В воинском стане затихли голоса, прекратилось движение. Все нукеры, кроме караульных, устроились спать.

Небо опять затянуло тучами, закапал дождь. Где-то далеко глухо гроыхнул гром.

Сегодня Сяубетей опять собирал тойонов-мегенеев и сюняев, попытался настроить их на дельные размышления о наилучшем способе штурма Стены, но разошлись, так ничего путного и не придумав.

Настроение подавленное. Стоит закрыть глаза, как перед внутренним взором возникает Великая стена, извивающаяся змеей проложенная по самым вершинам каменных гор, постепенно поднимающихся вверх, к самому небу. Поднебесная империя... Неужели они, которым во всей Степи не мог противостоять никто, застрянут вот здесь навек, лбом в этот тесаный камень упершись? Вот где досада... И мысли будто притупляются, и как ни крути, как ни обдумывай, но нет никакой возможности ни одолеть, ни объехать такую сплошную каменную громаду... Так что нужно придумывать что-то другое. Мечи и копья, грубая сила здесь беспомощны, и должен быть какой-то другой способ... Другой... Только с помощью хитрости, изощренной тактики можно найти слабое место в этой сплошной неприступности, пробить

брешь...

Послышался цокот копыт лошадей по дороге из ровно уложенных камней, всадники остановились рядом с караульными, слышались глухие голоса.

«Гонцы? Кто может вызвать такой поздней ночью – Хан? Уж точно по пустыкам не стали бы беспокоить», – подумал Сюбетей и с сожалением глянул на постель, на только что снятую одежду, уже отдающую холодной сыростью.

Молодой караульный вместе с нукером, прибывшим с поручением, подошли к задней стене сурта.

– Тойон Сюбетей... Тойон Сюбетей!..

– Ну?

– Тебя вызывает Мухулай-Гоа.

* * *

В сурте главы войска в нескольких местах по стенам горят факелы, зашедшему из ночной тьмы свет кажется таким ярким, что поневоле зажмуришься. Сюда съехались всего около десятка человек, все высоких чинов. Хан тоже присутствует, но, как всегда, сидит в сторонке, молчит.

– Вызвал вас так срочно, чтобы сообщить недобрую весть, – начал Мухулай, оглядывая собравшихся. – В тылу нашем дальнем северном восстали туматы...

– Опять?!

– Да, опять... Сами знаете, прошлое их восстание удалось

остановить с большим трудом, путем сложных переговоров. И опять такой нужный нам мир нарушен. Убили Хордою. Хорчу пропал, и неизвестно, жив он или мертв. Сомнительно, что ему удалось выжить.

– А известно, из-за чего они восстали? Чего добиваются, какие требования?

– Ну какие могут быть требования?! Мы ведь не притесняли их ничем, не требовали с них никакой дани, так и оставили их по-прежнему жить на своих исконных землях. И в походы свои брали, добычей делились...

– Но что тогда случилось?

– Объявили, что хотят быть самостоятельными и отныне не будут нам подчиняться, выходят из состава Ила.

– А хорошо к этому не причастны?

– Нет. Они-то нам и сообщили, – сказал Мухулай. – На границе их земель есть одно спорное озеро, там как раз случилась стычка двух их сюнов. Туматы вернулись восвояси с чувствительной потерей. А Хоро с места не сдвинулись.

– Хоро надежные люди, они от данного слова не отступятся!

– Ну вот видите! Если б мы с самого начала не отделили туматов от хоро, неизвестно, что могло бы сейчас произойти.

– Да-да! Когда бы к прошлому восстанию примкнули хоро, – подтвердил кто-то, – сложно было б вернуть эти земли с их непроходимыми лесами и крутыми горами.

– Но что нам делать теперь? Как все-таки поступим?

Боорчу, глянув на Хана, молчаливо сидящего в сторонке, сказал:

– Срочно нужно отправить хоро подмогу. Нужно союзников и поддержать, и силу свою показать, пока и их сомнения не одолели, пока не заразились дурным примером.

– Насколько далеко это отсюда?

– Очень далеко... Более сотни кес.

– О, далековато...

– Сложновато в такую глухомань войску добраться...

– Не только сложно, но и вряд ли возможно сейчас. Жара уже началась. По пути лежит уже горячая пустыня, сухие степи. – Сяубетей, молчавший до сих пор, тихо произнес главную, еще никем не высказанную мысль. – Едва ли возможно.

– Да и нельзя нам сейчас отвлекать от столь важной задачи даже самые малые силы, – поддержал его Хубулай. – Если нет опасности, что восстание сильно разгорится и распространится, пусть повольничают до поры до времени.

– Кто знает... Плохое всегда распространяется быстро, может и разгореться, подобно палу. Так что нельзя надеяться на то, что «само обойдется».

– Самое опасное – они долго жили с хоро, могут иметь среди них своих людей, смутьянов.

– Больше всего тревожит одна вещь... – сказал Джэлмэ.

– Что? – Все повернулись к Джэлмэ.

– Туматы могут обратиться за помощью к чжурчженам.

А Алтан-Хан только этого и ждет.

– Да-да! Разве Алтан-Хан упустит такой случай?! Для него хоть сколько-нибудь реальные наши внутренние распри – большой подарок, они ведь пытались даже из пустого раздуть что-нибудь вроде ссор, сами их организовывали, науськивали нас друг на друга.

– Это известно. Но как нам поступить теперь? – Мухулай вернул всех к основному вопросу. – Направлять на подавление восстания войско или ждать неизвестно чего? Само собой оно не утихнет...

– Нельзя нам терять северные земли, – сказал Боорчу. – Если не поможем, они объединятся с чжурчженами против хоро. В таком случае покачнутся все тамошние роды.

– Но и нельзя, начав такое великое дело, отвлекать хоть малую часть от наших и без того небольших сил... да ведь и возможности нет. Так что отправлять войско отсюда не стоит. Вместо этого окажем хоро – единственному для нас надежному роду в тех окрестностях – другую помощь.

– Чем же?

– Да хотя бы запасами продовольствия и оружием, что имеется в главной ставке.

– А ведь на востоке два мегена стоят, одному из них можно приказать отправиться на помощь к хоро...

– Опять же нельзя! У них очень важная задача – охранять нас с востока, тылы у нас и так слабы, – сказал Мухулай. – Видимо, самое правильное решение пока – это помочь Хоро самим собрать войско. Лучше помочь оружием, лошадьми.

– Ну хорошо. С этим определились, – сказал Джэлмэ и опять внимательно оглядел тойонов. – Как вы все услышали, туматы в третий раз нарушают свое слово жить в мире, хотя сами добровольно присоединились к Илу. Что с ними делать дальше? Пора и об этом подумать и сделать выводы.

– Согласен, – сказал Хубулай. – Сможем ли мы, вообще-то, дальше жить вместе с туматами или нет? Вот вопрос.

– Хм... скажешь тоже... – Мухулай удивленно посмотрел на друга. – Пусть испортились сейчас отношения, обострились, но со временем-то все утрясется, уляжется на свое место. Ну, куда они от нас денутся?

– Да... Когда многие обогатятся в общих с нами походах, то скоро поймут, что выгоднее жить единым Илом.

– Не знаю, не знаю... – буркнул недовольно, рыкнул Борчу, даже голову угрожающе набычил. – Чем человечнее стараешься с ними обойтись, чем больше добра им делаешь, тем больше они наглеют, ненасытнее делаются, разве не так?

– Что же тогда делать?

– Сейчас вот опять начнем их уговаривать, меч им покажем, они до поры до времени утихомятятся будто, но как только представится удобный случай, они снова задурят, взбунтуются... Не слишком ли опасно это в случае нашей слабости или долгой отлучки от ставки?

– Вот-вот... словно с чирьем на спине ходишь.

– Странные люди эти туматы... Мы сотни родов и племен собрали воедино, и все поняли выгоду мирной между собою

жизни, общей силы, живут себе тихо, спокойно, и только эти никак не могут успокоиться...

– Говорите что хотите, но терпению моему пришел конец! – Боорчу не говорил уже – рычал, все так же нагнув голову. – Из-за неуживчивости одного-единственного небольшого рода может поколебаться жизнь всего Ила!.. Хоть и молчат пока в других родах, но и там тоже есть люди, готовые поддержать и поддерживающие туматов. Это может иметь самые худые последствия, да к тому ж и заразно, как дурная болезнь. Не забывайте, что вся северная сторона может восстать, стоять нам ослабеть, поражение временное потерпеть...

– Что ты в таком случае советуешь сделать с туматами? – Джэлмэ несколько иронично глянул своими раскосыми глазами на товарища.

– Мы с ними достаточно нянчились. Любой на их месте давно бы понял все. А эти все чаще к раздору склоняются. Предложение мое простое: примерно наказать. Кого истребить, кого разогнать. Расселить по другим родам.

– Как? Целое племя?

– А не слишком ли жестоко? Мы ведь не меркиты...

– Легко сказать: истребить целое племя... Расселить сразу? Ведь они и так распространились среди других, обзавелись обширной родней. Этим мы только разожжем костер долгой, на поколения, вражды. – Всегда такой жесткий, резкий на выражения, старик Джаргытай на этот раз думал по-

иному. – Не надо, воины, не надо решать так опрометчиво, как когда-то решили с татарами. Вы теперь не просто воины, вы ныне должны смотреть дальше очередного сражения... Сперва нужно обдумать положение со всех сторон, все взвесить, выверить. Не может быть, чтоб не нашлось благоразумного выхода.

– Ну, наконец-то нашелся хоть один думающий человек, умные слова произнес, – медленно поднялся толстый Соргон-Сура, поддержал Джаргытая. – Правильно старик говорит. Не одного человека лишаем жизни – решаем судьбу целого племени. Нельзя просто так взять и прекратить жизнь целого рода, за это ведь потом придется и ответ держать, страшную кару, может, придется понести, если превратим это в гнездо вражды. Если послушать Боорчу, надо убивать каждого, кто хоть шаг шагнет в сторону... Этак скоро совсем без союзников останемся.

– Правильно! Прежде чем принять такое суровое решение, сперва нужно вспомнить о том, что нас мало. Ни один род, ни одно племя не может состоять сплошь из дурных людей. Когда вожди придерживаются недобрых путей, куда деваться другим, если даже большинство из них люди прекрасные, прямые и честные? Как им не следовать за предводителями? Это не их вина, – продолжал Джаргытай, взмахнув рукой с искривленными, похожими на железные клещи пальцами, глядя поочередно в глаза сидящим на военном совете. – Надо прирастать каждым, пусть и небольшим родом.

Конечно, с туматами я не знаком, но, как рассказывают знающие, они люди очень выносливые, крепкие, привычные к дальним походам.

– К тому же славятся своей неуступчивостью, тупым упрямством, мертвой хваткой сродни меркитам, – съехидничал с кривой усмешкой Боорчу. – От таких «добрых людей» только и жди какой-нибудь пакости в спину... Нет уж, лучше очистить свой тыл и сражаться со спокойной душой. Мое мнение – наказать, и крепко!..

– Ладно, успокойтесь! Мы собрались здесь не для ссор и пререканий, а для доброго совета, – попытался утихомирить спорящих Мухулай, поняв, что обстановка накаляется не в пользу совещания. – Давайте говорить спокойней, от нас ждут только мудрых решений.

– В таком случае советуйтесь без меня! Я не умею разговаривать спокойно с такими истуканами, как Боорчу, который думает лишь о рубке голов, и уговаривать его не хочу!..

Толстый и обычно неповоротливый, Соргон-Сура вскочил в гневе и с несвойственной ему быстротою направился к выходу, но Мухулаю с Джэлмэ все же удалось остановить его, уговорить остаться.

В сурте воцарилась на какое-то время тишина. Большинство с надеждой оглядывались на Хана, все еще молча сидевшего в стороне, но тот лишь очень внимательно рассматривал стрелы, которые принес с собой, и неспешно подтачивал их.

Боорчу, прикашлянув в кулак, медленно поднялся с места.

– Что поделаешь, хоть и прослыл я здесь головорезом, но придется все ж уточнить свое мнение, разъяснить кое-что. Все кажется простым только на первый взгляд: чем больше, дескать, союзников, тем лучше... На самом же деле, если вдуматься, попытаться разобраться да подсчитать, все оказывается не совсем так. Да и сам-то человек всегда с двойным-тройным дном, с потайной стороной и подкладкой...

– Вот оно как! Оказывается, мы жалеем людей по причине своей ограниченности, неспособности понять все премудрости! – Старый Соргон-Сура все еще ерепенился. – Вон как вывернул: будто среди нас нет никого, кто бы так хорошо понимал обратную сторону всякого дела. Словами вывернул, на деле этого не умея! А насколько я знаю, мало кто из той-онов сравнится с Боорчу по своей грубости, нежеланию думать, а только идти напролом, крушить, растаптывать, рубать все непонятное ему...

– Ладно-ладно. – Привыкший к вечным придирам старика и, видимо, не обижаясь, Боорчу отмахнулся от него, словно от назойливого комара, и продолжал: – Помните, сколько раз мы прощали, надеясь на лучшее, меркитов?

– Помним...

– И чем снисходительнее мы были к ним, чем больше добра делали, тем непримиримее они становились, помните? Сколько лучших людей мы принесли в жертву тогда, потеря-

ли в борьбе с ними? Разве не так?

– Так...

– И я тоже виноват в этом, я тоже, как вот эти старики, постоянно защищал меркитов. Странно, но тогда только один старик Усун твердил: «Нельзя образумить человеческими речами людей с таким неисправимым нравом. Никакими уговорами их не убедишь, не заставишь разжать челюсти на твоей руке или горле. Так что, пока еще не поздно, отделите их от себя, прогоните...» В те времена это было воспринято как жестокие и пустые, ничем не обоснованные слова, никто их не услышал. Но теперь-то я понимаю, что тогда стоило бы послушать старого мудреца.

– Да ведь часть меркитов все равно надежно вошла в наши ряды...

– А то, что они несговорчивые, никто и не отрицает. Зато, если их убедить, нет нукеров более стойких.

– А вы посчитали, сколько наших людей стали жертвами почти десяти меркитских восстаний, всякий раз неожиданных, в самое нежелательное для нас время? И прибыль, и потери от них, наверное, равны... Считаю, мы мало что выиграли от того, что присоединили в себе меркитов... – Боорчу сел обратно, не глядя ни на кого, всем своим видом показывая, что убежден в своей правоте. – А скорее проиграли.

– Да, сложный вопрос...

– Потому и собрались на совет.

– Ничего, ничего. Ради того, чтобы вот так со всех сто-

рон тщательно обсудить, как следует обдумать неотложную задачу, мы и собрались все вместе, – спокойно подытожил Мухулай. – Разговор все же получился, так что нельзя сказать, что никакого толка не добились. Потому что у такого сложного вопроса всегда много углов и сторон, одним умом всего не обнимешь, а в спорах рождаются порой неожиданные, но верные решения. Подождем, подумаем еще немного и выберем то, что нам истинно нужно...

Сюбетея, не проронившего ни слова и уже собравшегося выйти, остановили, позвали обратно: решили еще раз обсудить самое ближнее военное дело.

Поднимали всех тойонов, спрашивали о боеготовности вновь прибывших к Стене войск.

– Мой тумен готов, – сказал Сюбетея, выпрямившись во весь свой немалый рост. – Устроили свои станы в десяти местах на расстоянии примерно в кес от Стены. Как только поступит приказ, тут же окажемся в седлах.

Хан отложил наконец-то в сторону стрелы и точило, которые все это время не выпускал из рук, отрывисто спросил кое-что у других тойонов, затем повернулся к Сюбетею:

– Ну что? Сможешь захватить башню?

– Захватить-то можно, но потери будут огромные...

– Это понятно. – Хан поднялся, походил. – Нужно придумать другую тактику, другой способ, военную хитрость какую-то, чтобы занять Стену без больших потерь.

– Не получится на этот раз так, как с тангутами, не подда-

дутся. Ведь и китайцы наверняка наслышаны о той осаде.

– Да, пожалуй...

– Сейчас нужно какой-то хитростью выманить основные войска из башни и со Стены.

– Но как?

– Они всегда и всех превосходят численностью, так что, полагаю, привыкли уже считать свою многочисленность основным залогом победы, – раздумчиво сказал Сюбетей. – Про нашу малочисленность они прекрасно знают, так что выйдут, не опасаясь. Надо только, чтобы они сочли нужным выйти.

– Так-то оно так. Великие чжурчжены, привыкшие на все народы смотреть свысока, нас-то уж точно за серьезную опасность не принимают. Думают, что мы дикари, не умеющие есть палочками. И потому могут выйти, да. – Хан, наконец-то открыто высказав потаенные мысли, что бывало не так уж и часто, облегченно вздохнул, радостно посмотрел на своих тойонов. – Вам не надо сосредотачиваться, как раньше, – наоборот, разбейтесь на сюны. И пеших показывайте побольше. Тогда их военачальники решат, что нас совсем мало, не выдержат соблазна побыстрее расправиться с наглыми степняками и выпустят свои толпы. Заманить мнимым бегством подальше, отрезать от Стены – и вот тогда все решат ваша решительность и быстрота.

– Хорошо! – оживились все, глаза загорелись.

– Если б получилось, как задумано! Но китайцы – народ

осторожный, мудрый, поддадутся ли уловке? – Джэлмэ, как всегда, тихо выразил свое сомнение. – Им ведь нет большой нужды гоняться за нами...

– Но к китайцам там не очень-то и прислушиваются, – возразил Хан. – Такие великие вещи решают только сами чжурчжэны. А они известны своей поспешностью, горячностью и любят делать все по-своему. Бойкий народ, ничего не скажешь, но мыслящий напрямик.

– А китайцы и на самом деле во всем сомневаются, нерешительные, – тихо вставил Мухулай.

– Умный человек всегда сомневается.

– Так я, получается, решителен из-за своей глупости?! – Боорчу принял нарочито оскорбленный вид, смерил друга взглядом с ног до головы.

– Хватит вам бодаться, как молодым бычкам, тут такое важное дело решается... – Джэлмэ сердито глянул на друзей. – На самом деле, могут плотными рядами выйти, не выдержав долгого ожидания.

– Что нам делать, как себя вести, чтобы побыстрее выманить их оттуда? – Сюбетей спросил о том, что непосредственно касалось его.

– Самый правильный вопрос! – оживились тойоны-мегэнеи, до сих пор молча сидевшие в заднем ряду.

– Приказ вам дан, а как его выполнить, придумайте сами. Главная задача – убедить врага в своей малочисленности и неважной вооруженности. При их вылазках не оказывайте

серьезного сопротивления даже небольшим отрядам, устраивайте короткую перестрелку для виду и сразу отступайте. Не показывайте своей силы. В лоб не бейтесь. А с местными жителями, как и до сих пор, ни в какие отношения не вступайте. Если даже они попытаются жаловаться друг на друга, искать у вас суда, не вмешивайтесь,

– Так они сами же приходят с подарками, с едой...

– Нельзя! Не берите даже самую малость и сами ничего не давайте, не помогайте, не защищайте. И смотрите, чтобы лазутчиков не пропустить – ни к Стене, ни в другую сторону. Тайна – это тоже сила.

– Но их войска отбирают у населения все, что понравится.

– Пусть, это их дело. А у нас – другое. Всем своим видом, поведением мы должны убедить их, что мирная, спокойная и размеренная жизнь есть только у нас. Поддержка населения очень много значит. Ведь им потом все равно предстоит влиться в наши ряды, стать нашими людьми. А потому не забывайте, что за нами не должно оставаться никакой вражды, ненависти и даже малых обид.

– Не знаю... Поймут ли, оценят ли они наши старания ради будущего, оправдаются ли надежды, ради которых мы готовы из собственной шкуры выскочить? Или опять-таки получится то же, что с меркитами и туматами? – Боорчу все твердил свое. – Что-то не верится.

– Конечно, тупого глупца ничем не ублажишь, не убедишь, – сказал Мухулай. – Но большинство отличают доб-

ро от зла. Потому и примкнуло к нам столько народов. А тех, кто не способен увидеть зло и отметить добро, найдешь в любом роде-племени. Так что неплохо было бы иной раз немного и поучить, заставить почувствовать силу. Но помните крепко, что это возможно только во время сражения, когда начнется настоящая война. А вне поля боя, по Джасаку, никто не смеет и сухой травинки обломить, не забывайте об этом.

От этих слов Мухулая мегенеи одновременно вздохнули, потупили глаза: Джасак строго и резко ограничивает поведение ратного человека в мирное время. Порой бывает очень трудно сдерживать людей. Но делать нечего. Надо, так надо!

– Ну, все. – Мухулай вопросительно посмотрел на Сюбетей. – Задача ясна?

– Понял... – выпрямившись, коротко ответил Сюбетей. – Вы сказали. Я услышал.

– Да она-то простая, привычная... – Мухулай улыбнулся и, выдержав многозначительную паузу, добавил: – Но понятно и то, что такую простую задачу сложно будет выполнить столь малыми силами. Все это понимаем, но ничего не поделаешь. Сил не хватает... Так что не ждите, что откуда-то подмога придет.

– Это так... Нас мало. Но все должно быть рассчитано именно на этом, – сказал Джэлмэ, задумчиво глядя вперед раскосыми глазами... – Нас мало, и потому мы обязаны заранее все рассчитать, вплоть до каждого нукера, чтобы ни

одной оплошности не допустить...

– Но тут за малыми военными решениями надо не упустить, надо видеть и положение в целом – в этой большой войне, – заговорил опять ведущий совета. – Во-первых, их очень много, их армия в несколько десятков раз превышает нас по числу. Зато они разбросаны по стране и в основном пешие, а мы собраны вместе и все верхом на конях. И государство их не такое сплоченное, как наш Ил. Китайцы почти все живут под гнетом другого народа. Чжурчжены, веками угнетавшие их, так ведь и не стали своими людьми для хани... – Мухулай вопросительно посмотрел на своих людей. – Это так, или я желаемое выдаю за действительное?

– Так-так, – согласно загудели люди. – Правильно говоришь.

– И потому вся наша большая война в Китае должна исходить из такого расчета. Не давать себя втягивать в положение, где Хани смогут воспользоваться своим превосходством. Значит, не вступать в ближний вязкий бой, а расстреливая издалека, кружить вокруг, искать слабые места, наносить удары короткие и быстрые и опять отскакивать. Или бить по частям, подвижность наша ведь куда больше. Это первое. – Мухулай крикнул несколько раз, вытер выступивший на продолговатом лице пот мягким платком с яркими цветными полосками. – Во-вторых, нужно воспользоваться внутренними противоречиями врага, всеми способами разжигать распри, углублять, обострять их. И привлекать к себе

их внутренних врагов... Что скажет об этом Джэлмэ, он же много думает над этим?

– Противоречия есть! Если б мы сумели обострить их, это стоило бы половины победы, – кратко подвел всему сказанному итог Джэлмэ.

Глава девятая

Печали старого Гур хана

Трагедия усуньского народа. В 64 г. до н. э. скончался вождь усуней, враг хуннов и верный союзник Китая – Унгюйми. Перед смертью он старался укрепить свои позиции браком старшего сына Юань-Гюйми с китайской царевной и передать ему престол. Но в разгар сватовства Унгюйми умер, и старшины возвели на престол, согласно прежнему условию, его племянника Ними.

Ними был сыном хуннской царевны и хуннофила, которых среди усуней было немало, возлагали на него большие надежды. Однако положение хуннов стало столь печальным, что ориентироваться на них было бессмысленно. Ними принял титул Куанван (китайский титул «царь»), женился на китайской царевне Гяй-ю, которая родила ему сына, но между супругами не было согласия.

В 52 г. до н. э. в Усунь приехали послами китайские вельможи: Вей Хо-и и Жень Чан. Царевна договорилась с ними убить мужа. На пиру китайский ратник ударил Ними мечом, но промахнулся. Раненый князь успел вскочить на коня и ускакать. Старший сын Ними поднял народ против мачехи-изменницы и несколько месяцев толпы усуней осаждали дворец, где жила царевна и китайское посольство в городе Чигу. Только подкрепление, посланное наместником Западного края, вызволило их. Царевна вернулась в Китай

с тремя детьми. Она получила земли, дворец, хорошее содержание. Скоро она умерла, но дело ее рук не погибло: распри продолжали раздирать усунь, и усунь уже не были опасны для китайского господства в Западном крае. Так, постепенно один из тюркских народов – усунь – исчез из-за своих междоусобиц, доносов, измен, предательских убийств и т. д., а их земли захватили китайцы.

Р.Н. Безертинов,

«История великих империй», том I (XXв.)

Кехсэй-Сабарах ног под собой от радости не чуял, узнав, что Кучулук вернулся от гур хана, заручившись такой огромной помощью, какая им и сниться не могла.

– Слава, слава и благодарение всемилостивому Господу Богу нашему Иисусу Христу! Значит, дошли до Него молитвы, которые возносил я денно и ночью! – повторял он восторженно. Затем вытащил из-за пазухи бережно закутанную в тряпицу золотую иконку, с которой никогда не расставался, зажег сальную свечку, опустил на колени пред Ликом Божьим и начал истово молиться, кладя земные поклоны.

У него была привычка: в подобные мгновения он высказывал вслух, излагал все свои потайные пестрые мысли, все свои думы он поверял великому образу Того, в Кого верил со всей страстью своей мужественной души. И тогда он словно очищался от скверны, на душе становилось легко и светло. Ведь бывает так: душа человеческая, подобная котлу, где варятся вперемешку и добро, и зло, превращается порой в со-

суд, на дне и стенках которого густо осела всякая грязь. Поэтому время от времени надобно извергать эту грязь, очищать сосуд от скверны... А что может сравниться с тем облегчением, которое испытывает человек, чье существо освободилось от черных обид, от злых мыслей?

Но тут появился джасабыл Орды, вестник по особым поручениям гур хана, и велел Кехсэю немедля явиться к гур хану.

* * *

– Близко ли ты знал Джамуху – гур хана? – спросил Кехсэй-Сабараха повелитель кара-китаев после традиционных слов приветствия.

– Джамуху? – удивился тот, ибо не ждал такого вопроса. – Приближенным его я не был, однако нет такого человека в наших краях, кто не слышан о бурной жизни этого неугомонного владыки.

– Я слышал: он по всем статьям был выдающимся человеком...

– Верно. Хотя внешне он от всех прочих ничем особо не отличался. Поставишь сун на построение – его в этом строю не отметишь, если он там, не отыщешь среди других. Росту был среднего, сложения тоже среднего, ни худ, ни толст, разве что голова у него была очень большой и круглой. Но гибок и ловок, да и мускулист он был невероятно – ну, слов-

но излюбь, а то и барс: и плавный, и мощный! До быстрой езды был страшно охоч, всегда носился на необъезженном жеребце...

– Говорят, и язык у него был остер – дальше некуда?

– О-о, тут он равных себе не знал! Люди за ним толпами бежали, чтоб его послушать. Раскроет рот – все вмиг уши развешивают, зачаровывал, околдовывал он всех речениями своими. А уж как пел, как он пел! Такого пения никогда я больше не слыхивал!..

– Даже у нас его песни поют, ведомо ли тебе это?

– Да, знаю.

– А что же их с Чингисханом развело в разные стороны?

– Никто того в точности не ведает... Гадают про то многие, но доселе ничего не прояснилось... Я долго жил, чего только ни перевидал, но людей, подобных Джамухе, не встречал никогда. – Кехсэй поразился, как внимательно и с каким жарким интересом слушал его гур хан – замороженно, точно дитя малое. А ведь чаще всего такие люди, у которых в руках большая власть, уже теряют живость духа в старости, огонь в их глазах гаснет, ум закисает. Ибо головы у них уже забиты-перезабиты познаниями, а главное, им постоянно приходится напрягать свой ум для государственных или сложных воинских размышлений. Не то с гур ханом.

– Все же в отношениях меж двумя великими людьми всегда есть какая-то тайна, и нам ее трудно разгадать!

– Да... К примеру, я не раз бывал на военных советах, где

готовились к сражениям против Чингисхана, но никогда из уст Джамухи ни единого худого слова о его бывшем друге не слышал.

– Да неужели?!

– Да, хоть и странно это. Ведь на войне принято клеймить врага, умалять его достоинства лишь для того, чтобы укрепить в своих воинах веру в победу.

– А правда ли, что Чингисхан призвал его к себе, когда тот оказался сокрушенным судьбой, когда был унижен и раздавлен?

– Да, было такое!

– Чудеса! Как в какой-то дивной легенде...

– Но Джамуха напрочь отказался, более того – сам просил смерти, говорил: «Отпусти меня!»

– О, ужас!

– Да, ужасно это было... Но было именно так!

– Поразительно... И в наше-то жалкое время рождаются такие люди... – Гур хан с мальчишеской горячностью покачал седой головой, лицо его потемнело. – А вот мы, ничтожные, такую долгую жизнь прожили на этой земле, но нет в ней ни единого события, которое достойно стало бы подобной легенды...

– Ну, что вы! Да разве есть в окружающем нас мире правитель, равный и тем более превосходящий Великого гур хана своим могуществом?! Ведь от вас одного зависит судьба огромной державы.

– Эх! – Гур хан печально усмехнулся. – Какое точное слово ты вымолвил: «одного»... Действительно, я один держу в руках весь Ил кара-китаев. Один! Ты же видел вчера: нет у меня ни единого умного и толкового полководца, тюсюмяла, советника, нет достойной правой и левой руки в правлении. Я совсем одинок... И это – моя беда, бесславье мое...

– Но, гур хан, я ведь совсем иное имел в виду! – с запоздалым сожалением о нечаянно вырвавшихся словах воскликнул Кехсэй, он видел – гур хан задел за живое.

– Ладно, оставим это... А вот что: ведь и о тебе тоже есть слух, будто и тебя Чингисхан призывал к себе, сулил высокую должность, но ты отказался. Так?

– О, гур хан, как же точно вы обо всем осведомлены, даже о том, что происходит столь далеко от вас! – искренне воскликнул удивленный Кехсэй.

– Как-никак, будучи правителем целой страны, должен же я обладать какими-то глазами и ушами, кроме своих собственных. – Гур хан, поднявшись, бесшумно зашагал по мягкому ковру, а потом, остановившись, испытующе глянул на Кехсэй-Сабараха. – Но то, что ведомо тебе лишь по слухам, в действительности может предстать совершенно иным. Вот потому я с таким пристрастием и расспрашиваю тебя. Иногда человек ведь услышит что-то собственными ушами – а истолкует превратно. Так что же было?

– Я действительно несколько раз говорил с Чингисханом.

– Когда и как?

– Помнится, на второй день после поражения в битве, когда мы все уже стали пленниками, он повелел меня отыскать и к нему привести. Потом еще дважды приглашал на беседу с ним.

– Ну и что?

– Да, он и впрямь звал меня в свое воинство, однако, вопреки слухам, определенно никакой высокой должности не сулил.

– И ты отказался?

– Я сказал, что мне надо подлечить раны, а тем временем я обдумую его предложение.

– И сбежал к Кучулуку!

– Нет, не сбежал: отправился к своему, родовому, Хану. Никакими обычаями и уставами это не возбраняется...

– Так-то оно так... – согласился гур хан в задумчивости. – Но, говорят, Чингисхан потому и стал великим правителем, что умел в каждом увидеть ему одному присущие таланты и достоинства. И разве не становится несчастным воин, попав под начало тупого и недалёковидного военачальника, и разве не будет он счастлив, когда его правитель умен и проныцателен?

– Мне это знать не дано, мне правителей выбирать не приходилось... Какой ни есть правитель – это моя судьба, – так, не зная, куда деваться от смущения, отвечал Кехсэй, чью судьбу столь проныцательно и точно разглядел его мудрый собеседник.

Разве все равно, кого избрать себе властелином – полководца, набирающего державную силу, того, кто уже взял большую власть над Степью, или – обнищавшего и ударившегося в бега Хана-мальчишку? – Гур хан вперил взор в старого воина, опустившего голову, словно провинившийся мальчик. – Вот мои тойоны, окажись они на твоём месте, ни мига бы не раздумывали, перешагнули бы через своего законного владыку – и дело с концом...

– Не дай бог до такого докатиться! – воскликнул, перекрестившись, Кехсэй-Сабарах, вспомнив тот страшный для Найманского ила день. – Может ли выпасть на долю человека большее проклятие, чем это: увидеть, как рушится благополучие, веками наживавшееся, как распадается строй, ещё вчера казавшийся незыблемым, и, более того, самому участвовать в этом разрушении... И мне ли, считай, уже прожившему свой век, теперь пресмыкаться перед чужим Ханом? Пройденная моя дорога много длиннее той, что предстоит, и у меня теперь единственное достояние – моё доброе имя, которое заслужил немалой кровью и потом.

– Истину говоришь. Мне ведомо, какие мучения и лишения пришлось вам испытать.

– Вот поэтому-то, о Великий гур хан, мы сторицей отплатим за помощь в смертельно тяжкие наши дни. Я – старик, а Хан – отпрыск знаменитых правителей, познал все препятствия и горести, какие только может обрушить жизнь на человека. И, как я вижу, из него выйдет настоящий полководец,

талант которого уже заложен в нем самой природой. Если бы вы, повелитель, потом постепенно приблизили его к себе, он стал бы самой надежной опорой, верным помощником.

– Ладно-ладно, я понял. – Гур хан усмехнулся. – Истинную сущность твоего Кучулука покажет время... Мы же испытаем его жаждой славы – славы, которая желаннее всего, ибо за нее соперничают и бьются, мы испытаем его блеском богатства, которое ослепляет сильнее солнца, испытаем чинами и должностями, которые так притягивают, что из-за них многие плетут интриги и не чураются коварства и подлости... Это долгий путь, он займет не менее двух-трех лет. Об этом мы еще поговорим отдельно. Ибо обнищавших да обездоленных отпрысков некогда славных правящих династий – много. И обычно мало выходит из них толку: не выдерживают они горькой участи павшего из-за переполненной чаши грехов. Более того: у проклятых судьбой нередко проявляется лживый и жестокий нрав, они порочны и души у них изуродованы. Так что, старик, пойми меня правильно, но я раскрыл двери помощи столь широко не столько ради одного славного происхождения Кучулука, сколько из уважения к твоему славному имени.

– О-о! – простонал Кехсэй-Сабарах от изумления, вскинул взор на гур хана, а затем, смущенно опустив глаза, охнул еще несколько раз. Гур хан продолжил:

– Я говорю тебе то, что думаю. Ведь каждому особо дорогим и желанным представляется то, чего он лишен по судь-

бе. За всю мою жизнь не сыскался у меня ни единый воин, подобный тебе, приносящий своему правителю лишь победы и славу. Правда, я и сам, пожалуй, в том повинен. Смолodu лично вел в битву все войска, не считаясь с тем, крупное ли это соединение, будь даже меген или всего лишь сотня, никому не доверял руководство... И в итоге на старости лет оказался без настоящих полководцев. И я чувствую, что вместе со мною дряхлеют и мой Ил, держава моя, и воинство мое – старятся, слабеют, как я сам...

– Я не буду возводить черную напраслину на моих былых правителей, давно почивших, ушедших к Богу, – выдохнул Кехсэй-Сабарах. – Сроду таким пороком не страдал, а уж на старости лет и вовсе постыдно в него впадать... Им, моим владыкам, я немало принес побед, а правители противных сторон терпели от меня пагубу, их роды – несчастья и разрушения. Сколько, бывало, стад и табунов гнал впереди себя после войн, а за мною тянулись целые обозы добра и сокровищ. Но все это растаяло, как снег, и ушло сквозь пальцы дождевой водой. И что особенно горько: ни единого слова благодарности! Напротив, мне всегда в укор ставили: мол, вот там-то ты мог взять и побольше, а там-то по пути часть взятого растерял... Вы, гур хан, всего лишь второй человек, который оценил мои заслуги.

– Вот как! Ну а кто же был первым, хотелось бы узнать?

– Даже и ответить непросто, с трудом уже и самому-то в них не верится... Ответ мой может показаться хвастовством,

приказкой ради красного словца...

– И все-таки – кто же он, тот первый?

– Чингисхан.

– Я так и думал! Неспроста же он прослыл величайшим правителем, дальновидным, проницательным и мудрым! – И гур хан печально вздохнул. – Но как ему все же удалось собрать вокруг себя воедино столько выдающихся воинов, один другого блистательней, как? Что ты мыслишь на сей счет?

– Повелитель, вы спросили меня о том, что выше моего понимания, выше ума человека, умеющего лишь воевать, – сказал Кехсэй. – Большинство из этих знаменитых мужей-боотуров я видел своими глазами. И одно могу сказать: даже обликами и повадками своими они чем-то отличаются от обычных людей.

– А чем именно? В чем их несходство с прочими?

– Да тут и слов мне не сыскать для ответа, однако разница велика.

– И мои люди тоже замечали эту разницу. Говорят, что даже простые нукеры у них какие-то особенные. А в чем состоят эти особенности – никто не мог объяснить.

– Разве что одну особенность можно определить словами. Это их, безусловно, высокие и чистые нравы. Каким бы огромным ни было войско, ни криков, ни ругани в его рядах было не услышать. Все сплочены, все спокойны, и ни жадность, ни коварство, ни подлость не гнездятся в их душах.

– Трудно поверить в такое... Хотя свидетельствовали же древние мудрецы, что молодой, растущий народ, у которого впереди – славное грядущее, обычно очень крепок и чист как плотью, так и духом.

– А мы что, выходит, свой расцвет пережили и теперь ка- тимся вниз? – спросил Кехсэй-Сабарах.

– Вопрос твой несправедливый, есть у него почва... Все юное, что идет в рост, всегда полно сил и здоровья, а то, что дряхлеет, становится сосудом, полным хворей, старых ран, нередко и гниющих, и всяческих прочих слабостей – такова природа старости. Никто не ведает, как жизнь пойдет даль- ше... – Гур хан вздохнул: этот больной предмет разговора давно уже стал для него источником постоянных печалей. – Я с трепетом смотрю на то, как загнивают нравы в моем на- роде, как слабеют его духовные устои, как люди мечутся по жизни, не находя себе места...

– Не верю своим ушам, повелитель: ваш народ вполне бла- гополучен, это видно по всему. А о дурном нельзя думать, это грех... И нет в окружающем мире никого, равного вам, гур хан, по величию.

– Теперь все это ушло в прошлое... А грядущего я жду с тревогой. Вот совсем недавно племена уйгуров и харалыков, издревле верные нашей державе, объявили, что отделяются от нас и уходят под власть Чингисхана. К западу от нас день ото дня набирается сил Мухаммет... – Гур хан умолк, сидя с закрытыми глазами, затем повернулся к собеседнику. – Вот

что скажу тебе. От Чингисхана вам теперь ничего доброго ждать не придется. Мухаммет далеко, и если даже вы пойдете под его руку, вряд ли он встретит вас с распростертыми объятиями, предложит свое гостеприимство... Вот и получается, что от привязи с нами вам не уйти. Так?

– Воистину так! И мы добром отплатим за добро.

– Ладно, теперь – о главном. Для начала вы без лишнего шума обогнете Алтайские горы, пройдете по Алтаю, соберете своих разрозненных и обездоленных сородичей. Но не брезгуйте и всякими иными, даже мелкими, племенами и родами, присоединяйте их к себе. Соберите такое большое воинство, какое только сможете собрать!

– Но ведь его же надо еще и вооружить. А у нас нет возможности такой. Нам не только что меген – даже и единственный сюн не вооружить, а ведь к тому же еще и повозки нужны, обозное оснащение – это уж нам не под силу вовсе!

– Ну, это не ваша головная боль. Ваше дело – собрать людей воедино. Я дам и средства, и все, что надобно, а вооружение достать – и совсем невеликий труд.

– Вот теперь все ясно! – И у Кехсэй-Сабараха загорелись глаза в предвкушении настоящего воинского дела. – Была бы шея, а хомут найдется, – с удовольствием молвил он.

* * *

...Получив от кара-китаев два мегена воинов, Кучулук так

заспешил в путь, что сборы у него заняли менее месяца.

Покинув ставку гур хана, он вздохнул так вольно, как давно уже не дышал. Лишь в это мгновение он ощутил, какая это чудесная и несравненная вещь – не зависеть ни от кого, быть самостоятельным в решении любых дел... Однако свобода, воля – тоже вещи непростые, «не с одним дном», в них много чего смешано. Вот он вырвался из Орды, осталось пересечь границу Кара-китайского ила, а дальше? Дальше он все равно не сможет делать все, что ему вздумается. Так, ни одно из крошечных племен, обитающих в приграничье, он не смеет тронуть – они под защитой гур хана. А другие – под опекой харалыков и уйгуров, стоящих уже на страже рубежей державы Чингисхана. Весь средний мир уже давно разделен и поделен.

Так что даже в самых дальних уголках, в самой глуши ему надобно вести себя донельзя осторожно...

...Алтайские горы встретили буйным и торжествующим повсюду весенним цветением, одуряющим юным разнотравьем.

Из-за слишком суровых зим, толстых сугробов и жесточайших ветров в этом краю издревле не селились крупные племена, у которых водились бесчисленные стада скота. Так что в глухих уголках этой стороны, невероятно богатых всем, чего жаждет душа охотника, там, где в лесах почти невозможно бывает увидеть небо, скрытое кронами высоких деревьев, а трава на полянах – непроходима и выше человеческо-

го роста, там всегда хоронились от враждебного взора лишь мелкие, мало кому известные роды и племена.

Кучулук разделил свое войско на четыре части, в каждой – пять сюнов, и устроил по ставке в каждом из выбранных им четырех мест. Затем ему удалось восстановить и укрепить прежние добрососедские связи с вождями скрывавшихся здесь мелких племен, с которыми в былые времена вожди найманов были дружны и обменивались дарами.

И – словно весенние ручьи и ручейки, повсюду, по всей этой глухомани стали просачиваться вести о том, что Кучулук – снова в силе, что он вошел в доверие к повелителю кара-китаев и получил от него несметную помощь!

Найманы, разбредшиеся по всей алтайской глуши, восприняли эти вести как долгожданную надежду. Все пришло в движение, меняя их бытие, внешне сытое и спокойное. Тяготились этой жизнью люди, привыкшие чувствовать себя частицами и подданными могучего и славного Ила – ибо в этих богатых дичью местах жили они хоть и с набитыми желудками, но как бесправные изгои. Вот и взбудоражила найманов весть о прибытии их исконного Хана. Особенно же воодушевляло их известие, что юного правителя сопровождает и неразлучен с ним великий и прославленный полководец Кехсэй-Сабарах. Как только они удостоверились во всем этом – так сразу, не задумываясь о последствиях, стали покидать насиженные места и друг за другом потянулись к ставке своего законного правителя. Хан встречал их сурово и не

без укоров:

– Кто же так разогнал вас, что разбежались куда глаза глядят, разбрелись по белу свету?! И чего теперь ко мне заявились, я ведь вас не звал, не приглашал!

– Смени гнев на милость, укроти ярость свою! – отвечали ему возвращавшиеся к нему беглецы. – Только ради спасения жизни наших детей и внуков, чтобы не сгинуло бесследно наше племя, мы поддались позорной неизбежности, укрылись в непроходимых дебрях, рассеялись по глухим углам тайги. Но мы знаем теперь беду одиночества, мы сполна хлебнули горечи бессилия, когда любой, кто вооружен – господин наш, когда каждый, у кого острый меч, – наш властелин. Здесь у нас отбирают все и грабят все, кому не лень. Вот мы и решили: лучше пасть в открытом бою, чем терпеть и дальше унижения и обиды. Молим тебя – укроти свой гнев, не дай волю обиде своей на нас, поверни к своим подданным твой милостивый лик, взгляни на нас с состраданием!

Так найманы говорили Хану своему Кучулуку.

* * *

Кучулук – по совету Кехсэй-Сабараха – непременно звал к себе поодиночке вождей всех больших и малых родов, прибывавших к нему из горной тайги, с каждым беседовал наедине. В этих беседах он узнавал подробно, что за человек тот или иной вождь и какие у его рода главные нужды, и что

мыслит вождь о будущем.

Из найманов составили три мегена. Меньшие числом меркиты выставили двенадцать сюнов, кэрэиты – семь, остальные же немногочисленные и мелкие племена и роды – по два-три сюна. Таким образом всего образовалось шесть корпусов-мегенов, но у большинства из них не хватало не только оружия, но даже и верховых лошадей.

Перед Кучулуком встала трудная задача – вооружить и обеспечить лошадьми такую уйму воинов. Но гур хан, словно бы предвидя эту его заботу, отправил навстречу новому войску своих посланцев, везших повозки, полные оружия, и гнавших большие конские табуны.

Подобно тому, как в сабле, рождающейся на наковальне кузнеца, заранее, задолго до битвы, уже начинает жить некая дикая страсть, слышимая в звонком и жадном ее звучании, так и в новом войске, еще когда оно только-только начало образовываться из разрозненных частей, запольхало стремление к боям, сечам и ратным походам.

Кучулук не раз порывался сыскать какой-либо повод, чтобы испытать войско в ратном деле, но гур хан удерживал его: – Сам вижу, неплохое войско собрали, – задумчиво, размышляя над чем-то другим, говорил он. – Но войско, только что созданное из множества мелких и мало знакомых друг с другом частей, родов и племен, не может быть прочным и монолитным. И потому нельзя сразу же гнать его в огонь и в воду: оно должно устояться, созреть естественным обра-

зом, как хлеб в печи. Лишь тогда получишь ты закаленное и надежное воинство, когда люди узнают друг друга получше, когда сюн любой и каждый ратник найдут свое место и почувствуют рядом надежное плечо. Когда они найдут общий язык, поварятся в одном котле...

Это суждение гур хана почти полностью совпало с повторяющимися наставлениями Кехсэй-Сабараха:

– Нельзя спешить, пока они не вызрели для сечи, не прошли воинскую подготовку: их ратный дух может упасть, и вряд ли потом его восстановишь. Ибо в случае тяжкого поворота в боевых делах тот, кто потерпел поражение, всегда винит в том других. Вот и начинается тогда взаимное недоверие, и люди становятся подверженными сомнениям. А это – путь к гибели. Ведь если отдельные воины или целые роды ощутят друг к другу хоть слабое чувство недоверия или соперничества, никакого надежного и прочного, как камень, воинства не получится. Поэтому боже упаси доводить рати до такого состояния, где воцарятся соперничество, чувство своего превосходства либо своей униженности, лишь малая толика времени пройдет – и даже малейший из подобных пороков поразит всех хуже заразной хвори!..

Но Кучулуку все эти тонкости приходились не по нутру. Он полагал: войско должно использовать даже самую малую возможность, чтобы вступить в бой. Да и какие там могут быть у него закалка или созревание, если оно простаивает, гниет в тайном и тихом углу? Рать может закалиться лишь

в битвах и походах... А эти старцы не ведают меры в своей осторожности да в мудрствованиях... Неужели нельзя испытать новобранцев, чтобы в деле узнать, чего они стоят? Хотя бы в ближней стороне, хоть бы чуть-чуть...

Эти думы терзали Кучулука все время – и истерзали его! И он не удержался: взял с собой пять найманских сюнов и внезапно напал на два небольших, но богатых рода, которые хоронились от остального мира аж в самых верховьях Иртыша. Он одолел их без всяких потерь в своем воинстве, отобрал все их имущество, пригнал к себе весь их скот.

Кучулук надеялся: все это останется в тайне. Кто же может проведать о столь незначительном набеге в дальней глухой стороне? Да не тут-то было! Весть о его вероломном походе дошла не только до монголов, обитавших на востоке. Через них она докатилась грозным раскатом и до ила кара-китаев. Можно сказать, полмира облетела!

«...Глубокоуважаемый, почитаемый всеми владыками окружного мира как верховный вождь народов, великий Дюлюкю-гур хан! Мы доводим до вашего милостивого сведения, что два добрых племени, тэлесцы и хатаги, вместе с харалыками, находящимися под моей защитой и живущие в верховьях Иртыша, подверглись набегу разбойников, обличье которых свидетельствовало, что то были найманы, пришедшие со стороны ваших границ, и потерпели эти племена от тех разбойников немало. Я мог бы направить туда свои войска, но у меня есть опасение, что это может стать причи-

ной гораздо большей беды. Поэтому обращаюсь к Вам, Великий гур хан, почтеннейший старейшина всех владык, с коленопреклоненной просьбой: найдите управу на тех разбойников, замкните деревянные колодки на ногах и руках главаря тех супостатов и отправьте его в наше распоряжение... Такова моя, главного правителя восточных стран, нижайшая просьба к Вам...»

Так писал Дюлюкю-гур хану Чингисхан.

Не зная, что предпринять, гур хан созвал на совет всех уважаемых и наделенных властью людей своего Ила, но опять началась разногласица.

– Зачем нам ссориться с Великим Драконом, восставшим ото сна? Проще заковать Кучулука в колодки и отправить к нему, – изрек главный советник-тюсюмял.

Его поддержал главный писарь:

– Верно! Чингисхан не утратился даже великой Китайской державы, покоряет ее. Кто знает, куда дальше он обратит свой взор завоевателя. Так что лучше не затевать с ним распрю по столь незначительной причине. Лучше сдать ему Кучулука.

– Значит, покорно поднимаем лапки всего лишь из-за каких-то слухов?! – взорвался тойон западного крыла войск. – Нет, мы должны дать ему такой жесткий ответ, чтобы он сел и не вдруг поднялся! Нечего ему, обитающему в далеких диких степях, распоряжаться нашими действиями, будто мы его старинные данники! Если вы, гур хан, дорожите своим

высоким именем, то даже и не думайте о выдаче Кучулука!

А вот старец Киндигир, известный своим умением в любом спорном деле находить золотую середину, молвил так:

– К чему, о други, нам эти упреки принимать на свой счет? Мы ничего не ведаем, мы ни о чем подобном не слыхивали. Мы вообще далеки от Алтая. Потому что именно там, а не где-то еще обитают племена харалыков и уйгуров, издревле находящихся под вашей защитой, о гур хан, там их пастбища, там места их охоты. И ни о каких иных харалыках мы не ведаем...

– Вот это разумнейший совет! – воскликнул гур хан. – Подготовьте письмо именно в таком духе, отправьте вместе со щедрыми дарами, да пусть повезут его послание такие мудрые и пытливые наши посланцы, которые могли бы все разузнать о настроениях в стане Чингисхана, а если удастся – и о его намерениях.

* * *

Гур хан все чаще размышлял о Кучулуке.

Этот молодец, проявлявший столь исключительные качества воина-предводителя, выказывавший и удаль, и яркий ум, становился предметом соперничества и зависти среди своих тойонов, предметом их споров за первенство.

Немудрено: всего за каких-то полгода он сумел собрать хоть и невеликое числом, но очень боеспособное войско,

крепкое, пригодное и к быстрым броскам, и к дальним походам, а главное – отважное.

К тому же старик с самого начала увидел в юноше – сироте на тот час, но высокородном потомке славной ханской династии, достойную пару для своей дочери. Вот он и испытывает парня самыми разными путями, чтобы узнать все про его натуру, самые потайные мысли. И начинал убеждаться гур хан: он бы гордился таким сыном, если б у него такой сын был...

Ведь он, правитель Кара-китайского ила, долго приглядывался к самым заметным отпрыскам богатых и знатных родов и племен, чтобы сыскать подходящего дочери жениха, а себе зятя, но не встретил никого толкового, ни единого не увидел, кто заслуживал бы хоть малейшего внимания. К тому же, выбери он в зятя кого-либо из родственного ему племени, обидятся другие, равные этому племени и по силе, и по степени родства с гур ханом. А в столь шаткое время такого раздрая допускать нельзя. Вот почему и устроил бы всех «принятый» зять со стороны, тем более сирота, не имеющий большой родни и обязательств перед нею. И ни у кого не было бы ревности и зависти к более удачливым сородичам.

Да и невеста будущая – что необъезженная кобылка: кичлива да норовиста, она знает себе цену, она столько знатных соискателей отвергла – а на этого парня с первого взгляда глаз положила. От взора гур хана это не укрылось, и он, когда к нему приезжал на поклон и на беседу Кучулук, стал

прятать дочь хоть и не за семью замками, но за прочными завесями...

Ох, в наказание, видно, за его грехи родилась эта строптивица. Натура у нее такая упрямая и жесткая – редкий парень с таким нравом встречается. Устроить бы ей благополучное замужество – авось укротится...

Вдобавок она недавно увлеклась верой в Будду, верой, которая только-только начала завоевывать умы и души в их краях. Эту напасть привез с собой лама – один из учителей письменности, приехавший из Тибета, чтобы обучать гурханскую дочь. Кара-китаи же в большинстве своем издревле поклонялись Богу Отцу, некоторые – Богу Сыну. А тут еще этот Будда! Нет, нельзя было гурхану, подражая другим правителям, давать дочери такое образование!

* * *

С пятого этажа своего дворца-крепости, что построен был по замыслу знаменитого бухарского зодчего, мастера по возведению таких каменных великанов, любил гурхан оглядывать оком своих земель, простиравшихся вокруг и уходивших в дальние дали.

Вот и сегодня он провел не один час, вглядываясь в вечернее зарево, залившее алым пламенем чистую чашу неба...

Как же обидно, что и в судьбе время заката наступает вот так же мощно и неожиданно!..

Всю свою жизнь он сам, один, единовластно нес на собственных плечах все внешние и внутренние дела и заботы державы, Ила. Военное ли время шло, мирное ли – он ничего никому не доверял.

И лишь теперь, когда ему понадобились понимание и поддержка, он повернулся лицом к своим людям... Но не нашел среди них ни единого, способного вместо него справиться хоть с одной, даже самой мелкой, из его задач. Каждый предпочитает вместо дел давать поспешные никчемные советы. Все сводится к пустой болтовне, сотрясанию воздуха словами, не имеющими ничего общего с действительностью.

И нет в том их вины! Сам он повинен во всем. Будь он в свое время дальновидней, возлагай он тогда на приближенных хоть какие-то из своих дел и задач да доверяй им, не вмешиваясь в исполнение, тогда научились бы понемногу и мыслить самостоятельно, и ответственность на себя принимать...

Но нет ничего горше и обиднее, чем осознавать и видеть все в истинном свете, когда вокруг уже – багровая мгла заката. Когда весь твой Ил и даже воинство твое словно состарились вместе с тобой, утратив былую мощь!

И даже сверстники твои, уже путающиеся на ходу в своих бородах, подобны наивным и легкомысленным юнцам, ибо никогда не знали за свой долгий век настоящей, суровой жизни.

Это стало ему, гур хану, особенно ясно после беседы

с Кехсэй-Сабарахом. Какое же развитие могли получить люди, если им никогда не доверялось даже собственной головой распоряжаться, самостоятельно командовать не только войском, но даже и землекопами на рытье каналов! Вот поэтому и речи их столь бессмысленны и пусты, и все, что ни скажут они – лишь ради красного словца.

И стоило ли затевать эти многочасовые совещания?! Ведь собравшиеся, словно состязаясь друг с другом в глупости, на них несут всякую околесицу. Ибо каждый стремится лишь к одному: поразить других своим красноречием, и никто не думает о смысле своих суждений... И никого, способного задуматься глубоко над грядущим! Одно царит в головах вождей: соперничество племен, расселившихся по берегам Семиречья.

...Уходят в прошлое времена, когда они, кара-китаи, единолично властвовали на этих землях, всех облагая данью и никому не позволяя пальцем шевельнуть от недовольства. Ныне же на востоке отделились от них и примкнули к монголам харалыки и уйгуры. А на западе набираются сил хорезмийцы, из года в год они расширяют свои владения, а недавно отказались платить дань, что делали прежде исправно и беспрекословно. Более того, сами стали угрожать своей военной силой...

Когда угасает мысль, это означает лишь одно: всеобщий упадок, и тут не надобны никакие предсказатели и пророки. Гласят же легенды: предвестником заката могущества их

предков, великих киданей, владычествовавших на Северном Китае век назад, стало подобное же оскудение умов. Вот так же, как ныне, забота лишь о собственном благополучии затмила у киданьских верхов задачу крепить могущество Державы, обеспечивать благополучие Ила. Тяга к сиюминутной выгоде, жажда обогащения раззадорили алчность, а соперничество помутило умы и застило глаза, стало первопричиной взаимной ненависти и распрей.

Что доброго могло из этого выйти? А лишь одно могло тут получиться – то, что и получилось: самые искусные лжецы и лицемеры были осыпаны почестями и прославлены как мудрая опора власти. Тех же, кто думал и радел о грядущем Ила, ославили как глупцов.

Льстецам надо платить за сладкую лесть, вот и стали раздавать чины и награды направо и налево, не думая о том, соответствует ли значимость этих чинов и наград истинным заслугам награждаемых. В итоге ценность почестей снизилась донельзя.

Все должно иметь свою меру и свой час. Если нарушить этот закон, даже доброта может обернуться злом.

И когда и чины, и должности, и награды вконец обесценились, стало непонятно, кто же знатен и высок по-настоящему, а кто – пустышка. И как только наступило такое время, словно чье-то проклятие пало на киданей: преследованиям и обвинениям во всех возможных грехах, а затем и уничтожению стали подвергаться как раз те немногие, кто в дей-

ствительности был опорой государства, те, что были поистине крупными личностями. А к власти валом валили изворотливые, ни ума, ни стыда, ни совести не имевшие людишки. Но народ почему-то принимал их как своих поводырей и под их водительством катился к обрыву, за которым была пропасть. Все добрые начинания заканчивались провалами. Во всех битвах кидани терпели поражение за поражением...

* * *

Дюлюкю-гур хан затряс головой, словно хотел отогнать дурные мысли. Дрогнула в его руке золотая трость, и на ней зазвенели колокольчики. На звон тут же подбежали слуги-джасабылы, упав перед господином на колени:

– Слушаем, Великий Повелитель!

– Прочь! Вон отсюда!..

Негодники, всегда-то они внимают всему бесполезному! А вот незваных пришельцев могут пропустить во дворец по невнимательности... К тому же слух у них какой-то особый: стоит им подслушать хоть несколько слов из твоего разговора с кем-либо, эти слова через какое-то время к тебе же и вернуться – только в самом извращенном виде. Не зря же иногда, для какого-то особо важного и тайного государственного разговора со своими приближенными, гур хану приходится уводить их из дворца в открытую Степь...

...Что там греха таить: у него самого чинов и наград тоже

немало – обвешан ими, как эта золотая трость колокольцами. И уже сил нет выносить потоки приторно-сладкой и лживой лести, лавины угодничества... Если вдуматься, он все больше начинает походить на былых властителей державы киданей – неужели скоро и его путь бесславно оборвется?! А, если с другой стороны глянуть, отец великого Алтан-Хана никогда не вводил в своих войсках чинов выше суняя, но век и его могущества был недолог...

Конечно, то был перегиб в другую сторону. Во всем нужно находить золотую середину, но кто же ведает, где черта, ее обозначающая?

Разве что один лишь Тэмучин, Чингисхан, разрешил эту задачу, причем очень просто. Говорят, у него чины и должности не противостоят, а взаимодополняют друг друга. Он присваивает их по уму, по уровню способностей, по наклонностям тойонов. А если надо – назначает на должность временно. Начальник обоза может получить в командование сун, суняй может стать командующим корпусом и, напротив, командующий целым крылом войск за какую-то провинность может быть временно понижен до сотника... Но более того, Тэмучин особым указом запретил присваивать какие-либо исключительно высокие звания, донельзя возвышать одних воителей над другими.

Подражание народам и державам Запада – сарацинам – вот что рушит наши устои. Ибо нарушаются и сам смысл, и ступенчатость лестницы чинов и должностей. У нас, кого ни

возьми, все – «беки», «бэге», «великие» да «величайшие», а то и «божественные»...

Глава десятая

Заботы правителей

Из главы «Забота о Государстве»:

Сунь-цзы сказал: «В древности все, кто заботился о государстве, непременно прежде всего просвещали свой народ и любили своих людей.

Есть четыре несогласия: когда в государстве нет согласия, нельзя выставить войско; когда в войске нет согласия, нельзя выступить в лагерь; когда в лагере нет согласия, нельзя двинуться и сразиться; когда в сражении нет согласия, нельзя добиться победы.

Поэтому, если государь, знающий Путь, хочет поднять свой народ, он прежде всего устанавливает согласие и только потом предпринимает большое дело.

Он не доверяет своим личным суждениям, а непременно объявляет об этом в храме предков, прибегает к гаданию по черепахе, сопоставляет это с временем и, если все сулит удачу, только после этого поднимается.

Когда народ, видя, что государь так бережет его жизнь, так скорбит о его смерти, предстанет вместе со своим государем перед опасностью, войны будут считать наступление и смерть славой, а отступление и жизнь – позором».

Сунь-цзы, «Трактат о военном искусстве» (IV в. до

Совещались невероятно долго. Люди устали, разговор шел вяло, словно то, ради чего собрались, уже никого не трогало... И только когда наконец получил слово специально приглашенный на суглан – высший совет Элий Чусай, и стал рассказывать об устройстве державы Алтан-Хана, собравшиеся будто встряхнулись. Посыпались вопросы, завязался разговор.

– А у чжурчженев есть свое отдельное войско?

– А как же. И отличить их очень просто. Конница в тяжелых бронях – это в основном кидани и чжурчжены.

– Значит, за ними в первую очередь и надобно охотиться. Разведать заранее, где они, сумеешь отсечь их, а тогда уж... – заметил старец Аргас, до сих нор молча слушавший других.

Участники суглана, которым донельзя надоело толковать о далеких и неопределенных делах грядущего, оживились, когда речь зашла о деле близком, предстоящем вскоре.

– Именно так! – поддержали они Аргаса. Однако свое осторожное слово тут вставил Джэлмэ:

– Сказать-то легко... Только вот вряд ли отборные отряды чжурчженев замаячат у вас перед носом, словно какие-нибудь простые пехотинцы.

– Тоже верно. Они, скорее всего, держатся в глубине боевого строя, а в бой выходят лишь тогда, когда именно в них особая надобность наступает, в их ударе.

– В любом случае, други мои, надо усилить и охрану, и разведку. Это твоя задача, Джэлмэ, – подвел итоги совета Мухулай. – А вот начальникам необходимо точно расставить воинов и стоять без всякого шума. Да неусыпно смотреть, что происходит, бдительными быть. Не забывайте: мы – в окружении врага, под его неусыпным взором. У него всюду глаза и уши: он и сейчас за нами пристально следит...

Сюбетей и Элий-Чусай, сидевшие на заседании суглана бок о бок, вышли на воздух вдвоем.

– Ну, что скажешь про этот суглан? – Сюбетей дружески толкнул локтем в бок молодого парня, впервые приглашенного на столь высокое совещание и, стало быть, заслужившего особое доверие.

– Для меня все ново... Но вот что удивило: Хан, лично пришедший на совет, все время молчал, не проронил ни слова – будто его и не было. – Элий-Чусай обтер струйки пота, катившегося по его выпуклому лбу, вынув клочок мягкой ветоши.

– Зато он сам, собственными ушами услышал, что люди говорят, и доподлинно это ведает. – И Сюбетей, видя искреннее волнение юноши, улыбнулся. – Что ж тут странного?

– Да ничего... Но мне думается, было б лучше, возьми он в руки бразды правления на суглане, если б направил обсуждение в определенное русло.

– Кто знает... Нам привычней такое, простое и вольное течение наших советов. Любой говорит, если пожелает, из-

лагает то, что думает, даже если это многим не по уму и не по сердцу. Все равно он выскажется и что-то предложит. А у вас как?

– О, у нас иначе. Совещания всегда ведут одни лишь наши правители – чжурчжены. Даже если рядом сидит главный военачальник-китаец, назначенный верховным указом, все равно на совете главенствует его заместитель-чжурчжен.

– А почему так?

– Того не ведаю. Может, правители наши опасаются, что при такой многолюдности на совете разговор может пойти по нежелательному руслу. Со временем этот порядок стал железным правилом, как и мнение, что председательствовать на советах может только чжурчжен.

– Хо, получается, он на корню губит людскую мысль! – Сюбетей был поражен. – Но как же тогда правитель может узнать истинное положение дел?!

– А это их не трогает! – горько усмехнулся Элий-Чусай. – Для них главное – настоять на своем, на том, что им сверху правильным кажется; чтоб все делалось так, как они хотят!

– А к чему это?

– А к тому... Никто не смеет открыто высказать то, что думает, а кто посмеет, тем паче осмелится что-то поперек их мнения произнести – ему не поздоровится, он станет изгоем, а то и просто сгинет! Более того, если кого-то лишь заподозрят в инакомыслии – его ждет та же лихая доля. А суд у правителей чжурчженов и скор, и несложен. Они не разби-

раются, кто прав, кто виноват. На всякий случай уничтожают всех – и встречных, и поперечных. Зная это, кто же осмелится стоять на своем?!

– Но как же им удастся держать в руках и в порядке громадную державу, если творится такая несуряница?

– Да вот как-то по сию пору удавалось... – Элий даже покраснел, в яростном напряжении сжав кулаки. – И нет никакой возможности это неразумие пресечь...

– Поражаюсь, – выдохнул Сюбетей, – такой великий народ, как Хани, уже век подчиняется этим чжурчженам, у которых ни славного прошлого, ни ясного будущего, да вдобавок и численно их в десятки раз меньше. И надо же – не только подчиняется, но покорно терпит все унижения и обиды. – И Сюбетей, выплеснув свое удивление, развел руками.

– Нет тут ответа, – горестно, со вздохом, вымолвил Элий. В его голосе не звучало обиды: ведь он и сам постоянно размышлял над тем же, и наболело у него в душе от этих дум. – Похоже, у всех наших мозги закаменели, души паутиной покрылись, всякая надежда в них утрачена. И стали они безвольными тенями со сломленной волей. Вы живете – как на скаку, все время каждый при деле, а у нас – как во сне, все еле движется, все вялые и квелые...

– Но почему так получилось? Неужели нельзя чем-то сплотить людей, воодушевить, зажечь их!

– Да о каком сплочении речь?! Они только тогда и оживают, если на десять частей поделаются, и каждая против всех

войну ведет.

– Вот в чем, получается, начало всех ваших бед. Все силы тратятся на эти междоусобицы... Да, такой народ уже готов к распаду, к тому, чтоб исчезнуть по собственной воле.

– Вот это-то чжурчжены очень хорошо усвоили. Вот они и подогревают страсти, бросают хворост в костер наших внутренних распрей. И довели народ до такой вражды и ненависти, что веков не хватит, чтобы этот узел распутать. – Элий даже зубами скрипнул от гнева и горечи. – Похоже, они лелеют и холят эту вражду всех ко всем, словно какое-то редкостное и ценное растение. У них даже должности введены – разжигающих эти междоусобицы. Это обязательное дело, чтоб каждый кого-то ненавидел, всех остерегался и выжидал, когда кто-то другой оступится. У каждой семьи – семь врагов, то же и с каждым родом, и с каждым поселением... Все мозги расходуются лишь на вражду, все силы уходят на изобретение новых способов мести!..

– Но разве это жизнь?! – воскликнул пораженный Сюбетей. – Неужели никто из вас, умнейших, не в силах ничего изменить, не может ничего объяснить своему народу? Неужели твои сородичи не в состоянии понять самых простых вещей?

– Нет, не могут... или не хотят...

– Почему?

– Потому что никто никому не верит, не доверяет даже ближним. В самом простом и очевидном обязательно хо-

тят увидеть какую-то гнусную подоплеку, подозревают что-то нечистое и опасное для них.

– В самом деле?

– Да, к несчастью... Это мерзопакостное отношение к жизни просто пропитало души и умы большого множества, въелось и укоренилось в них... – Элий опять вздохнул постарчески, глубоко и печально. Потом какое-то время он сидел молча и опустив глаза.

– Но это же невозможно! – Сюбетей, обычно всегда сдержанный в проявлении своих чувств, на сей раз невероятно сильно разволновался. Вскипел от слез этого юноши, который сразу же ему по душе пришелся своим, каким-то особым, внутренним, непоказным достоинством. – Ну, никак до меня не доходит: такой великий народ, ваш народ, который уже не одно тысячелетие имеет письменность, народ, уже давно достигший самых блистательных высот развития – и так разлеился, так пал духом и опустил руки. Не укладывается это в голове!

– Видно, ничто не вечно в подлунном мире, не может постоянно идти в рост, развиваться... Есть же мнение, что пора взлета и расцвета обязательно должна смениться временем упадка либо застоя и гниения...

– Ты хочешь сказать, что мир не стоит на месте, что все меняется, и одно идет на смену другому, так? – Сюбетей, прославивший «человеком с непробиваемой грудью», всем известный своим хладнокровием, умением скрывать даже са-

мые бурные чувства, не в шутку дивился тому, что в суждениях Элия все ему не только понятно, но и близко и задевает самые чувствительные струны в его душе. – У нас разве что про самые мелкие роды да просто беднейшие, считай, что выморочные аймаки-селения говорят: «Нравы у них стали загнивать, путное потомство у них на свет не появляется, к дурным привычкам пристрастились – видать, к вырождению у них дело идет!»»

– Видно, у нашего народа, судя по всему, время вырождения настало, это несомненно, – печально согласился с ним собеседник. – Будь иначе, разве терпели бы мы над собою власть этих бродяг, этих тупых чжурчженков?!

– Однако, друг мой, разве все народы Китая, число которых уже равно многим тысячам тысяч, можно мерить той же мерой, что и какой-то захудалый род или малый аймак? – И Сюбетей слегка улыбнулся.

– Если дух в упадке и нет воли – многочисленность бесполезна. – Элий яростно взмахнул тонкими бледными руками, не знавшими никакого труда, кроме письменного. – Если народ стал вырождаться, его многочисленность оборачивается не спасительным парусом, а ненужным грузом, тянущим на дно!

– О, уже рассветать начинает, – вдруг сказал Сюбетей. – Мне уж, видно, ни к чему возвращаться к себе в ставку, только время терять, найдем здесь доброе место, чтобы посидеть за чаем да побеседовать без спешки.

– Как вы решите, так пусть и будет. Мне спешить некуда...

– Добро! – И Сюбетей вызвал нукеров из своей охраны, дал им какой-то наказ.

– А сколько вас – настоящих монголов?

– Наше ядро – примерно... около двухсот тысяч, около двух бумтаев, по нашему счету. Но сейчас, когда собрали всю Степь, по тому же счету стало чуть больше сайата, больше тысячи тысяч.

– Надо же! Вас так немного, а сколько у вас великих полководцев?! Я пробовал посчитать – получается более семи десятков лишь главных, державных! А у нас на весь Китай не найдется ни одного, кто бы сравнялся с ними, ни одного, способного возглавить войско для победы, объединять разрозненные отряды в могучий кулак, вообще стать щитом страны! – воскликнул Элий.

– Ну, тут все не так просто, как тебе видится, – улыбнулся Сюбетей. – Полководец не вырастает сам по себе, словно трава в Степи. Мужчина должен получать закалку в походах чуть ли не с младенческих лет, самостоятельно, на собственной шкуре должен испытать все превратности судьбы, все колючки жизни.

– Но и у нас будто бы воинов обучают, натаскивают, воспитывают в великом множестве, а толку мало. Что-то не видно ни одного знаменитого полководца.

– Не могу поверить, что исчезли среди вашего народа достойные люди. Одаренные, сильные духом и телом, способ-

ные стать богатырями и воителями – есть они! Да еще и среди такого высокоразвитого и образованного народа, как ваш. Конечно, есть!

– Да где ж они? Не видно их и не слышно...

– А они проявить себя просто не могут, им отрезаны все пути к этому. Ведь чжурчженены понимают: они обязаны этому препятствовать, не должно быть в государстве китайских полководцев-предводителей. Вот и не может получиться такой воин из человека, который окружен вечным недоверием, всегда под надзором и подозрением. Сам подумай, – молвил Сюбетей. В его голосе звучала твердая убежденность.

– Да, тут спорить не о чем... – нехотя согласился Элий.

«... Не о чем, – подумал он. – Все беды и несчастья его страны – из-за ее правителей, вот уже сто лет в ней бесчинствующих. Ничего доброго не может исходить от людей, вся мощь которых – в умении запугивать, подавлять и навязывать свои бездумные прихоти». С этими мыслями Элий внимательно огляделся. Он уже не раз бывал в этих местах, но и не подозревал, что тут есть такие дивные уголки природы, как вот этот – столь прекрасный вид открылся ему... И он вздрогнул, увидев, каким зловеще-багровым цветом окрасился восточный край небосвода. Если чувствуешь приближение беды, то все на свете обретает особый смысл, становится ее приметам, таит в себе ее угрозу...

Ведь эти богатые, благодатные луга, спокойно дремлющие в предутренний час, эти дворцы и дома, укутанные в рос-

кошь зелени, вскоре будут залиты человеческой кровью, обволокутся дымом и гарью, станут руинами! Жестокое дыхание войны всюду опалает землю одинаково... И хоть знаешь сам, какое надвигается бедствие, но нет никакой возможности ни остановить его, ни предотвратить, ни даже задержать хоть на малое время.

И какие бы вожди, тойоны и прочие высокородные ни прятались там, в крепостях Великой стены, что карабкается уступами по склонам недалгих – отсюда увидеть можно – северных гор, какие бы приказы ни отдавали они оттуда, все равно: самая большая беда ударит по простым людям, спокойно спящим в этот предрассветный час. Она разорит их жилища, разметет имущество, сожжет посевы, все прочее тоже огню предаст, а сами они первыми встретят смерть...

– Ну, Элий, будет тебе так тревожиться до поры, всякие ужасы представлять. Все еще уладится, – молвил Сюбетей, словно заглядывая в его мысли.

– Не надо утешать меня, будто я дитя малое. Когда сшибутся друг с другом два таких огромных войска, разве последствия не будут страшны?

– Но, может, все уладится на переговорах. Вон, наш Джу-чи-Хан на севере одними лишь переговорами обошелся, ни капли крови не пролил, никого мечом не коснулся, а более десяти племен убедил вступить в состав нашего Ила.

– Однако на сей раз перед вами – чжурчжены. Я немало читал об их истории и потому знаю: такого народа больше

нигде в мире не сыскать... С ними ни в чем не найти понимания, и нет таких слов ни в одном языке, чтоб с ними договориться. Так что вам не избежать с ними войны, другого пути к пониманию они не ведают. – И Элий по-стариковски крикнул и снова вздохнул.

– Разберемся и с чжурчженами. Доселе как-то ведь говорили мы с разными племенами... Только вот почему вы, исконные жители Китая, упускаете возможность освободиться, почему вы едины с поработителями, целый век вас угнетающими? Или вы не видите, что мы пришли дать вам волю?

Элий бросил на собеседника осуждающий взор, смерил его гневным взглядом с головы до пят:

– Ты так говоришь потому, что никогда не знал, каково это – быть под гнетом другого народа. Думаешь, китайцы по своей доброй воле покорны чжурчженам? Знал бы ты, сколь это страшно – даже не попытка сопротивления чжурчженам, а мельчайший повод для подозрений в такой попытке. Суд у них скорый тут же уничтожат не только тебя и не только семью твою, но и весь твой род до последнего младенца!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.